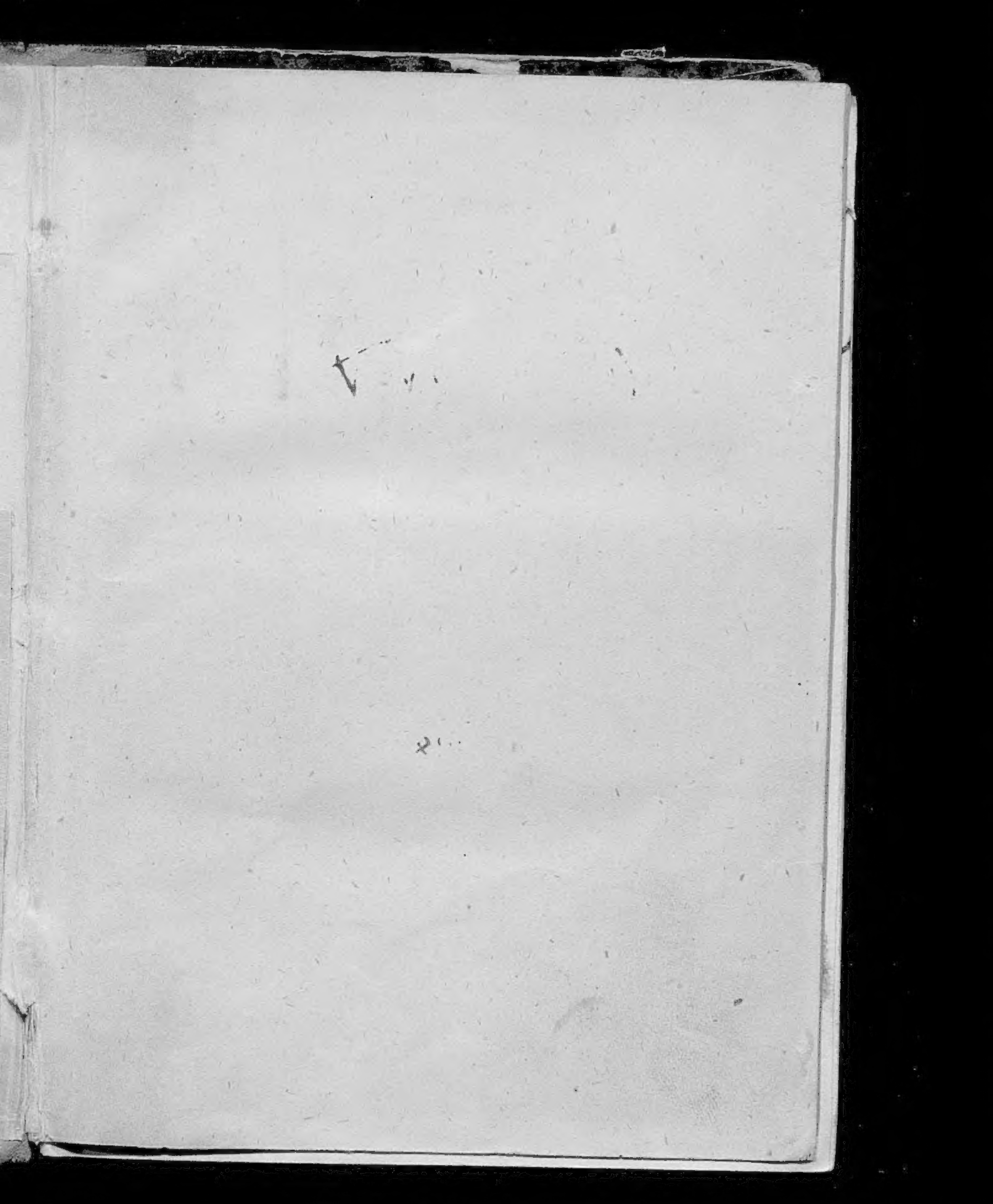
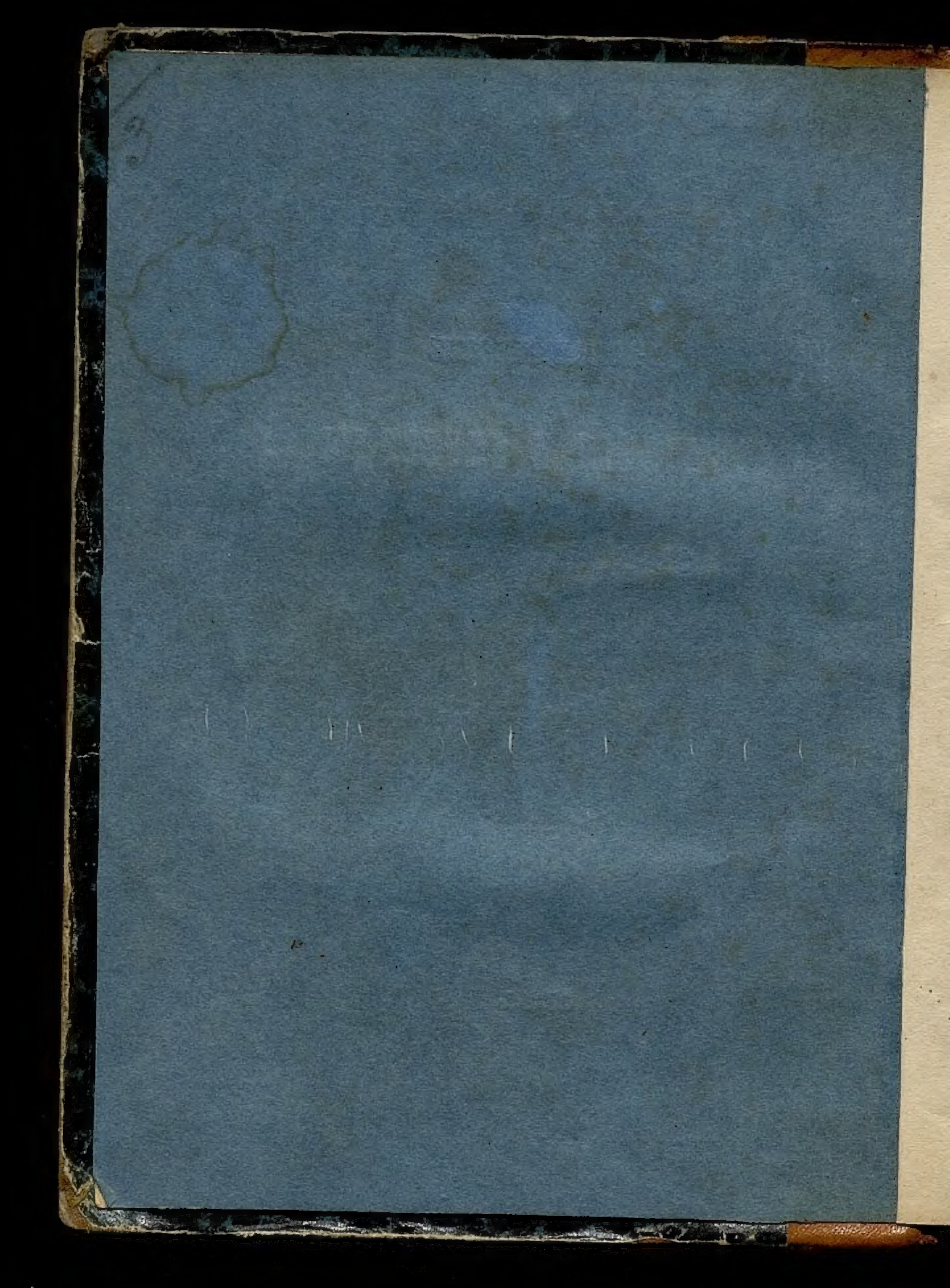

ЛИЦЕЙ
П 491
136588
УрГУ

ДРАМАТИЧЕСКІЕ

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ.

I.

Драматическія

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

Н. А. ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 26 Марта 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ЛЬВУ МИХАЙЛОВИЧУ

ЦЫНСКОМУ.

Добро само себѣ награда, но думаю, что отрадно видѣть сознаніе его въ благодарности тѣхъ, кому оно оказано.

Да будетъ посвященіе Вамъ моихъ драматическихъ опытовъ, удостоенныхъ Вашего привѣта, хотя недостаточнымъ свидѣтельствомъ, что я сохраняю память добра, которое видѣлъ отъ Васъ. Пусть оно покажетъ, что если я и плохой писатель, за то человѣкъ съ памятью сердца, съ сочувствіемъ добра.

Санктпетербургъ.
Марта 25 дня, 1842.

ДѢДУШКА
РУССКАГО ФЛОТА.

РУССКАЯ БЫЛЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРСТЕНЪ БРАНДТЪ, старикъ, Голландскій корабельный мастеръ. г-нъ сосницкій.

КОРНЕЛІЯ, внучка его . . . . . . г-жа асенкова.

ПИТЕРЪ ГРОДЕКЕРЪ, оружейный подмастерье . . . . г-нъ максимовъ.

ѲОМА ГРООМДУМЪ, Голландскій купецъ . . . . г-нъ каратыгинъ 2.

ЛЕФОРТЪ, генералъ-маіоръ царской службы . . . . г-нъ каратыгинъ 1.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА . . . . . г-нъ третьяковъ.

КАПИТАНЪ Преображенскаго полка . . . . г-нъ годуновъ.

стрѣльцы, солдаты, народъ.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ 1691 году.

ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА.

Нѣмецкая слобода. Домикъ Брандта; передъ нимъ палисадникъ, гдѣ видны столярный верстакъ, разная мебель, столярныя орудія, скамейки и цвѣты.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

КОРНЕЛІЯ, *(одна.)*

КОРНЕЛІЯ, *выбѣгаетъ изъ домика.*

Кажется, онъ — точно онъ! А, любезнѣйшій господинъ Гродекеръ, вы наконецъ пожаловали! Покорнѣйше благодарю — очень вы хороши! Куда какъ хороши! Такъ-то вы изволите меня любить? Три дня — три дня не видаться! О, я такъ сердита на него — такъ сердита... И... смотрите, пожалуйте: идетъ

*

себѣ, какъ будто ни въ чемъ не бывалъ — не бѣжитъ, не торопится, нога за ногу — будто прогуливается!... Постой же — я проучу тебя — притворюсь сердитой — Да, чего притворяться! Я въ самомъ дѣлѣ такъ сердита, какъ будто ужь онъ два года мужъ мой... Я... я... Онъ подходитъ... И не смотритъ! Постойте же, господинъ Гродекеръ...

Садится на скамейку, беретъ работу и оборачивается къ Питеру спиною.

ЯВЛЕНІЕ 2.

КОРНЕЛІЯ И ПИТЕРЪ.

ПИТЕРЪ, *напѣвая пѣсню.*

Ла, ла, ла! Тра, ла, ла!

КОРНЕЛІЯ.

Что онъ тамъ остановился?.... Да, онъ еще пѣсни распѣваетъ... О, погоди же....

ПИТЕРЪ.

Ахъ! да вотъ и она! *(подходитъ)* Она не видитъ... или притворяется? *(кашляетъ)* Не слышитъ? *(запѣваетъ опять)* Тра ла ла, ла ла ла! — А, вѣрно, хочетъ изумить меня, либо заду-

малась. — Да, нѣтъ, кажется, она здорова — и весела.... Корнелія!

КОРНЕЛІЯ.

Кто тамъ?

ПИТЕРЪ.

Здравствуй, Корнелія!

КОРНЕЛІЯ, (*присѣдая*).

Ахъ! это вы, г-нъ Гродекеръ!

ПИТЕРЪ.

Что это значитъ?

КОРНЕЛІЯ.

Что вамъ угодно, г-нъ Гродекеръ?

ПИТЕРЪ.

Господинъ Гродекеръ!... Корнелія! здорова ли ты?

КОРНЕЛІЯ.

Слава Богу, г-нъ Гродекеръ.

ПИТЕРЪ.

Это хорошо, что *слава Богу*; да...

КОРНЕЛІЯ.

Что вамъ угодно?

ПИТЕРЪ.

Ради Бога, Корнелія....

КОРНЕЛІЯ.

Что прикажете, г-нъ Гродекеръ?

ПИТЕРЪ.

Да, перестань, пожалуста — что ты вздумала: *господинъ Гродекеръ*, да *господинъ Гродекеръ*, да и только!

КОРНЕЛІЯ.

Кажется, всѣ васъ такъ называютъ?

ПИТЕРЪ.

Всѣ, да не ты. Вѣдь я *Питеръ*, да еще *твой!*

КОРНЕЛІЯ.

Мой? Съ чего вы это взяли?

ПИТЕРЪ.

Да, съ того, что ты меня любишь.

КОРНЕЛІЯ.

Покорно благодарю!

ПИТЕРЪ.

И что я тебя люблю.

КОРНЕЛІЯ.

Ты? Ахъ! безсовѣстный... Да, я и говорить-то съ тобой не хочу!

ПИТЕРЪ.

Ты сердишься, Корнелія?

КОРНЕЛІЯ.

Не стоитъ сердиться.

ПИТЕРЪ.

Постой, послушай!

КОРНЕЛІЯ.

Мнѣ некогда.

ПИТЕРЪ.

Ахъ, Боже мой, Боже мой!... Вотъ я шелъ сюда такой веселый, радостный, и не зналъ, что со мной такая бѣда сдѣлается!...

КОРНЕЛІЯ.

Какая бѣда?

ПИТЕРЪ.

Какой же еще болѣе, когда ты сердишься на меня — Богъ знаетъ за что?

КОРНЕЛІЯ.

Богъ знаетъ за что?

ПИТЕРЪ.

Ну, ну, положимъ, что я виноватъ — прости меня Корнелія!

КОРНЕЛІЯ.

Стоишь ли ты этого, безсовѣстный?

ПИТЕРЪ.

Не стою, да прости, ради Бога...

КОРНЕЛІЯ.

Три дня не бывать, и потомъ идти себѣ спокойно — и я *его* Корнелія, и онъ *мой* Питеръ.... Ахъ! Боже мой! на кого теперь положиться, когда и Питеръ....

ПИТЕРЪ.

Милая Корнелія! клянусь тебѣ..... Да, если только за это ты сердишься, я оправдаюсь, и радъ еще....

КОРНЕЛІЯ.

Радъ моему горю!

ПИТЕРЪ.

Нѣтъ, а тому, что — вотъ видишь: во первыхъ, это доказываетъ, что ты меня любишь.....

КОРНЕЛІЯ.

Это доказываетъ, что я никогда не хочу тебя видѣть.....

ПИТЕРЪ.

Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! Это ничего не доказываетъ.

КОРНЕЛІЯ.

Ты хотѣлъ оправдаться...

ПИТЕРЪ.

Да, да, и знаешь ли, что скоро, можетъ быть, мы будемъ счастливы, и счастьемъ одолжены будемъ вотъ этимъ тремъ днямъ?...

КОРНЕЛІЯ.

Какъ такъ?

ПИТЕРЪ.

А! вотъ это-то и любопытно? Но, прежде дай мнѣ поцѣловать твою ручку. Право, я такъ испугался...

КОРНЕЛІЯ.

Разскажи же скорѣе...

ПИТЕРЪ.

Ручку! Будто мы ужь помирились!

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! какой несносный!

ПИТЕРЪ.

Ну, ну, сядь, Корнелія! Послушай. — Вотъ видишь: въ эти три дня... Ты слышала, что сегодня положено у молодаго Царя ученье,

стрѣльба въ цѣль, проба Англійскихъ и Голландскихъ ружей....

КОРНЕЛІЯ.

Да, что жь изъ этого?

ПИТЕРЪ.

То, что къ такому дню и постарался я подготовить мое ружье, то ружье, за которымъ сидѣлъ я полгода...

КОРНЕЛІЯ.

Но ты сказывалъ, что еще за нимъ много работы?

ПИТЕРЪ.

Видишь ли, какъ я люблю тебя! Тутъ двѣ недѣли надобно бы еще работать, а я — кончилъ въ три дня; да ужь за то и сидѣлъ не сходя съ мѣста — почти не спалъ... Ахъ! Корнелія, да что и за штучка такая вышла — заглядѣнье — чудо — хорошо, какъ... какъ... твои глазки, изъ которыхъ ты стрѣляешь въ сердце мое!

КОРНЕЛІЯ.

Что жь ты съ нимъ сдѣлалъ?

ПИТЕРЪ.

Я сегодня представилъ мое ружьецо къ Его Царскому Величеству.

КОРНЕЛІЯ.

Какъ? Самому Царю?

ПИТЕРЪ.

Нѣтъ! не самому, а въ Оружейномъ Приказѣ мнѣ написали письмо — вотъ такъ, что *Питеръ Гродекеръ, Голландскій оружейный подмастерье, берется такія ружья дѣлать, и если лучше моего ружья кто сдѣлаетъ, такъ*... Я ужь и не знаю, что-то они много, много писали, а я и подалъ въ Приказъ.

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! Питеръ, я боюсь: если тебѣ удачи не будетъ!...

ПИТЕРЪ.

Что ты, милая? Да, только взглянетъ Царь на мое ружье, такъ отъ радости и не опомнится; а какъ увидитъ мое имя такъ и вспомнитъ, что мой отецъ выковалъ ту саблю, которую ему подарили въ дѣтствѣ, и которой

онъ не снималъ днемъ и ночью. На этой саблѣ было подписано: *Гродекеръ мейстеръ.*

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! Питеръ! я боюсь.. Вотъ и твой добрый отецъ былъ славный мастеръ, а умеръ бѣднымъ и тебѣ ничего не оставилъ....

ПИТЕРЪ.

Онъ мнѣ оставилъ свое мастерство и двѣ здоровыя руки...

КОРНЕЛІЯ.

Еслибы у тебя хоть немножко денегъ было, мы давно были бы счастливы. Дѣдушка тебя любитъ...

ПИТЕРЪ.

Да говоритъ, что кто хочетъ жениться, тотъ долженъ умѣть заработать хлѣбъ. Оно вѣдь и правда — да, у меня хлѣбъ будетъ, когда Царь мое ружье увидитъ, и дастъ мнѣ денегъ, и велитъ мнѣ дѣлать ружья. Вѣдь теперь ему много ружей понадобится.. О, Царь Петръ Алексѣевичъ будетъ великій государь! Посмотри, какимъ онъ соколомъ глядитъ, какъ онъ заботится обо всемъ. Да, какой онъ, гово-

рятъ, умный — хочетъ армію устроить, а на армію ружей, ружей надобно... О, я разбогатѣю, женюсь на тебѣ...

КОРНЕЛІЯ.

Когда-то это будетъ... А между тѣмъ этотъ несносный старичишка...

ПИТЕРЪ.

Г-нъ Ѳома Гроомдумъ? О, не бойся! Куда ему — вѣдь ты его не любишь?

КОРНЕЛІЯ.

Я его терпѣть не могу; да онъ друженъ съ дѣдушкой и все пристаетъ ко мнѣ...

ПИТЕРЪ.

Да, какъ онъ смѣетъ? Да, я его... Ахъ! онъ старый хрычъ! Ему ли приставать къ тебѣ — подагрикъ, скупецъ, скряга — я... я ему на отрѣзъ скажу — я прибью его!

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! что ты! Вѣдь онъ богатъ и дѣдушкѣ пріятель! Избави Богъ!

ПИТЕРЪ.

Не знаю, какъ дѣдушка твой любитъ его — ростовщика, скрягу, плута. Я прямо ему ска-

жу: г-нъ Ѳома Гроомдумъ! извольте оставить Корнелію въ покоѣ — она моя невѣста!

КОРНЕЛІЯ.

Что ты? Избави Богъ! Вѣдь дѣдушка еще ничего не рѣшилъ. Онъ тебя, правда, и любитъ, но я замѣчаю, что чуть ли этотъ проклятый Ѳома не наклеветалъ на тебя... Онъ вчера говорилъ о тебѣ... Ахъ! я боюсь, Питеръ!

ПИТЕРЪ.

Чего бояться! Я скажу ему, что ты меня любишь...

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! не говори этого: дѣдушка осердится! Онъ говоритъ, что любить должно только жениха, а вѣдь ты еще не женихъ мой... Тише — онъ идетъ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

КОРНЕЛІЯ, ПИТЕРЪ, БРАНДТЪ.

БРАНДТЪ (*выходитъ*).

Что ты тутъ дѣлаешь, Корнелія?

КОРНЕЛІЯ.

А вотъ я разговаривала съ г-мъ Гродекеромъ.... Онъ только что пришелъ...

БРАНДТЪ.

А! г-нъ Гродекеръ!

ПИТЕРЪ.

Здравствуйте, мистеръ Брандтъ.

БРАНДТЪ.

Здорово, Питеръ! Какъ поживаешь? Что-то тебя давно не видно . . .

ПИТЕРЪ.

Все за работой, мистеръ Брандтъ.

БРАНДТЪ.

Доброе дѣло, трудись! Но что жь такое ты дѣлаешь?

ПИТЕРЪ.

Занимаюсь своимъ ремесломъ. Кую сабли, стучу молоткомъ.

БРАНДТЪ.

Доброе дѣло! Богъ труды любитъ. Но я твоей работы до сихъ поръ еще не видывалъ.

КОРНЕЛІЯ.

Онъ сдѣлалъ недавно, дѣдушка (*Питеръ даетъ знакъ, чтобы она молчала*) . . .

БРАНДТЪ.

Что такое сдѣлалъ? Шалость?

ПИТЕРЪ.

Вы меня обижаете, мистеръ Брандтъ!

БРАНДТЪ.

Ну, ну, не сердись — я тебѣ добра желаю, какъ сыну моего добраго пріятеля. Дай Богъ ему царство небесное! Твой отецъ, Питеръ, былъ честный человѣкъ, и мастеръ своего дѣла...

ПИТЕРЪ.

Я надѣюсь быть не хуже его мастеромъ.

БРАНДТЪ.

Ты? Это нехорошо, Питеръ: хвастать, ни чего еще не сдѣлавши. Знаешь ли, что твой отецъ былъ старшиной въ Антверпенскомъ цехѣ; что онъ ковалъ шпагу славному Тромпу; что онъ...

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ! я вѣдь не хвастаю, а стараюсь, чтобы сдѣлаться славнымъ мастеромъ, и потомъ жениться на милой дѣвушкѣ... и быть счастливымъ.

БРАНДТЪ.

Счастливымъ? Жениться?.. Счастье человѣческое мечтаніе... А жениться надобно только тому, кто умѣетъ заработать себѣ хлѣбъ...

ПИТЕРЪ.

Будто много хлѣба надобно, когда печь его будетъ любовь...

БРАНДТЪ.

Любовь? *(озирается на него и Корнелію)* Такія мысли неприличны молодому человѣку.

ПИТЕРЪ.

Вотъ, мистеръ, ты прожилъ же вѣкъ, а еще какія твои занятія — дѣлать столики, да скамейки, да ящички...

БРАНДТЪ.

Столики, скамейки, ящички? Развѣ ты думаешь, что я только ихъ и дѣлывалъ, и только за тѣмъ и выѣхалъ въ Россію?

ПИТЕРЪ.

Не знаю, мистеръ.

БРАНДТЪ.

Если ты думаешь, что Корнелія внучка столяра — ты ошибаешься, молодой человѣкъ, ты ошибаешься! Родъ ея почетный, и дѣдъ ея... не всегда былъ столяромъ!

ПИТЕРЪ.

Извините, мистеръ Брандтъ, я не зналъ. Вотъ про отца моего я слыхалъ, что онъ выѣхалъ

въ Россію съ какимъ-то славнымъ корабельнымъ мастеромъ.

БРАНДТЪ.

Ну, что же?...

ПИТЕРЪ.

И что этотъ мастеръ...

БРАНДТЪ.

Ты объ немъ не слыхивалъ?

ПИТЕРЪ.

Этотъ мастеръ...

БРАНДТЪ.

Былъ я, г-нъ Гродекеръ — я, старикъ Голландецъ, столяръ, который *дѣлаетъ столики, скамейки и ящички* — я былъ этотъ корабельный мастеръ!

КОРНЕЛІЯ, ПИТЕРЪ (*вмѣстѣ*).

Ты, дѣдушка? — Вы, мистеръ Брандтъ?

БРАНДТЪ (*садясь*).

Да, друзья мои! Не столяромъ готовился я быть — не умереть въ Москвѣ, дѣлая столики для пирожниковъ и булочниковъ.... А! помню, какъ мои кораблики спускались съ Сардамской верфи, и вотъ, словно чайки, расправляли бѣлыя крылья, и потомъ орлами летали по

морямъ, и гремѣли громомъ по волнамъ его... Море, море! видало ты меня; кипѣло ты подъ моими кораблями, и кто подумалъ бы, что на старости лѣтъ... мнѣ придется умереть въ Нѣмецкой слободѣ!

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ! прости меня — я не зналъ.

БРАНДТЪ.

Моя родина славная, моя милая Голландія! не видать мнѣ твоихъ морей, твоихъ гаваней, твоихъ кораблей! Не быть въ числѣ почетныхъ дѣтей твоихъ: истлѣютъ кости мои далеко... далеко и отъ тебя, моя добрая Христина... Дѣти! на что вы вспомнили прошедшее! Уже нѣсколько лѣтъ не говорилъ я объ немъ ни слова.

ПИТЕРЪ.

Но, какъ же ты попалъ въ Москву, мистеръ Брандтъ? Я слыхалъ...

БРАНДТЪ.

Видишь, не таковъ я бывалъ прежде. Годы умаяли меня, посеребрили мою голову и охолодили кровь. Я былъ первымъ *басомъ* въ Сардамѣ; женился, былъ богатъ, два раза ѣз-

дилъ въ Англію и тамъ учился. И вотъ, первое горе постигло меня, что сгорѣлъ мой домъ, и все въ немъ сгорѣло, что осталось мнѣ отъ отца, что нажилъ я самъ. Тутъ умерла моя Христина. Горько мнѣ было, и въ это-то время меня стали звать въ Россію, строить корабли......

ПИТЕРЪ.

Кто это вздумалъ, мистеръ?

БРАНДТЪ.

Родитель нынѣшняго Царя, мудрый Алексій Михайловичъ. О, уменъ былъ, да видно рано за дѣло взялся... И славные бояре у него бывали: былъ у него Ордынъ-Нащокинъ, былъ бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ — внушили ему мысль благую.... Нашъ резидентъ Іоганъ фанъ-Сведенъ обѣщалъ намъ горы золотыя, и что за народъ отправился тогда въ Москву: мистеръ Стрюйсъ, мистеръ Термондъ, мистеръ Буттлеръ! Царь обласкалъ насъ, угощалъ у себя въ палатахъ — надѣлъ на насъ шубы почетныя. И мы не боялись, что народъ смотрѣлъ на насъ косо; мы думали, что за нами останется вѣчная слава, что мы, *Гол-*

ландцы, подарили Русскую землю флотомъ. Построили мы корабль, и что за корабль такой былъ — заглядѣнье! Не даромъ его *Орломъ* назвали. Орломъ полетѣлъ онъ по этой широкой рѣкѣ — знаешь, *Волгѣ*, по которой плыли мы, плыли, и думали, что конца ей не будетъ....

ПИТЕРЪ.

Тутъ, говорятъ, приплыли вы въ Астрахань — чудный городъ?

БРАНДТЪ.

Да, въ Астрахань, гдѣ видѣли такихъ народовъ — и Персіянъ, и Татаръ, и Индѣйцовъ, и... Богъ знаетъ кого... Остальнаго и разсказывать не хочется....

ПИТЕРЪ.

Говорятъ, тогда забунтовалъ какой-то Стенька Разинъ?

БРАНДТЪ.

Да — проклятый!

ПИТЕРЪ.

Завладѣлъ Астраханью и сжегъ царскій корабль?

БРАНДТЪ.

Да, да!

ПИТЕРЪ.

И кто погибъ, кто убѣжалъ въ Персію, въ Индію? Только одинъ лекарь воротился въ Москву...

БРАНДТЪ.

Другъ мой Іоганъ Термондъ... И не пошелъ бы я въ Москву, но здѣсь оставался сынъ мой — оставалась ты, Корнелія, дитя мое...

ПИТЕРЪ.

Для чего жь не просилъ ты милости у Царя?

БРАНДТЪ.

Милости? Еслибы мнѣ отдали только мое заслуженное жалованье..... Но пока мы добрались до Москвы — царя Алексія уже не было на свѣтѣ — бояринъ Матвѣевъ былъ въ ссылкѣ; Ордынъ Нащокинъ умеръ; г-нъ фанъ-Сведенъ — умеръ; умеръ и отецъ твой, Корнелія... Народъ проклиналъ бусурмановъ, которые хотѣли строить небывалые корабли — я долженъ былъ скрываться, долженъ былъ сдѣлаться столяромъ изъ насущнаго хлѣба — да и къ чему мнѣ было познаніе корабельное?

О флотѣ никто не думалъ — молодой царь Ѳеодоръ воевалъ съ Турками, да читалъ духовныя книги, а потомъ стало два Царя съ Царевной... начались бунты Стрѣлецкіе...

ПИТЕРЪ.

Ты сказалъ бы нынѣшнему Царю: онъ Царь мудрый, любитъ войну, любитъ все доброе...

БРАНДТЪ.

А знаешь ли ты пословицу Русскую: *до Бога высоко, до Царя далеко!* Еслибы живъ былъ хоть благодѣтель мой Никита Ивановичъ Романовъ, охотникъ до кораблей.... Помню: не отпустилъ онъ меня изъ Москвы, пока не построилъ я ему ботика, въ которомъ вмѣстѣ мы гуляли по Яузѣ и пили медъ и мальвазію: и диво ботикъ былъ, настоящаго Англійскаго фасона!.... Эхъ, дѣти, дѣти! на что заставили вы меня вспомнить старое.. Помоги-ка мнѣ переставить сюда станокъ... Кто подумалъ бы, что Карстену Брандту на старости лѣтъ доведется сколачивать ящики, да скамейки....

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ! поди къ Царю, поговори ему..

БРАНДТЪ.

Знаешь ли ты, что нынѣшній Царь, какъ ни уменъ, а боится воды?

ПИТЕРЪ.

Вранье!

БРАНДТЪ.

Ни чуть не вранье, а въ молодости его испугали — да и гдѣ ему, двадцатилѣтнему юношѣ, понять великое дѣло: какую пользу принесетъ флотъ Россіи? Гдѣ ему разгадать, что когда въ государствѣ нѣтъ флота, все равно, что у человѣка нѣтъ одной руки...

ПИТЕРЪ.

Да, гдѣ и моря-то у Рускихъ? До Чернаго, до Бѣлаго, до Хвалынскаго, въ полгода изъ Москвы не доѣдешь...

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢ ЖЕ И ѲОМА ГРООМДУМЪ,

ѲОМА.

Здорово, куманекъ! Здравствуйте, прелестнѣйшая Корнелія! Что ты задумался, куманекъ?

БРАНДТЪ.

Ничего. Здоровъ ли ты?

ООМА.

Что мнѣ дѣлается! Молодецъ молодцомъ, да и только — словно снова начинаю жить!

ПИТЕРЪ.

Что ваша подагра, г-нъ Гроомдумъ?

ООМА.

Кто тебѣ сказалъ о моей подагрѣ? *(стучитъ ногою и вскрикиваетъ отъ боли)* Ой! Ой!

КОРНЕЛІЯ.

Берегите ваше здоровье, г-нъ Гроомдумъ!

ООМА.

Ваше участіе дастъ по 12-ти процентовъ на него, прелестнѣйшая....

БРАНДТЪ.

Полно ты молодиться, кумъ! Куда ужъ намъ съ комплиментами къ дѣвушкамъ!

ООМА.

Я... я... Чувства сердца не зависятъ отъ лѣтъ...

ПИТЕРЪ.

Будто у васъ еще осталось хоть немножко сердца? Вы ужъ столько любили въ жизнь свою,

что у васъ сохранились развѣ только обноски какіе нибудь сердечные...

ООМА.

Вы, сударь...

ПИТЕРЪ.

Вы, вѣдь ужь лѣтъ полсотни прельщаете всѣхъ дѣвушекъ. Сколько вамъ всѣхъ лѣтъ, г-нъ Гроомдумъ? Вѣдь я думаю много!

ООМА.

Всѣ сколько есть!

ПИТЕРЪ.

Говорятъ, будто вы недавно влюбились въ жену стрѣлецкаго головы Барабанова, и будто мужъ ея...

ООМА.

Съ чего ты берешь дерзость...

БРАНДТЪ.

Полно, полно! Не хочешь ли, кумъ, позавтракать?

ООМА.

Не худо бы! Кусокъ сырку и рюмку вина...

БРАНДТЪ.

Бѣги, Корнелія, скорѣе! Вѣдь у тебя, чай, готово?

КОРНЕЛІЯ.

Все готово. Г-нъ Гродекеръ! помогите мнѣ вынести столикъ съ приборами...

ПИТЕРЪ.

Извольте, Корнелія!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 5.

ѲОМА И БРАНДТЪ.

ѲОМА.

Ушли? Вмѣстѣ?.... Г-нъ Брандтъ! послушайте — мнѣ кажется, вы допускаете большія вольности въ вашемъ домѣ этому молодцу!

БРАНДТЪ.

И! онъ малый смирный и добрый!

ѲОМА.

Ругать вашихъ друзей... Какую онъ тамъ выдумалъ, чорта, Барабанову!... Стану я связываться съ стрѣльчихами..

БРАНДТЪ.

Говорятъ, кумъ, ты все еще не отстаешь отъ проказъ!

ѲОМА.

Ну, еслібы и было — шалости, свойственныя нашему возрасту... А обхожденіе этого мальчишки съ вашею внучкою мнѣ вовсе не нравится...

БРАНДТЪ.

Ихъ обхожденіе дружеское...

ѲОМА.

Дружеское! Этакія дружбы между молодымъ негодяемъ и молодою дѣвочкою, я вамъ говорю — къ добру не ведутъ!

БРАНДТЪ.

Да, за что ты называешь его негодяемъ?

ѲОМА.

Онъ ничего не дѣлаетъ!

БРАНДТЪ.

Правда, онъ немножко лѣнивъ и до сихъ поръ не слышу я, чтобы онъ похвасталъ какой нибудь работой...

ѲОМА.

Онъ только шатается по Москвѣ, да буянитъ...

БРАНДТЪ.

Будто?

ООМА.

Пьстъ!

БРАНДТЪ.

Вздоръ!

ООМА.

Не вздоръ, а правда. Посмотри, что твоя Корнелія попадетъ въ его когти. Видишь, чортъ далъ ему такую смазливую рожицу, и онъ глядитъ такимъ смиренникомъ . . .

БРАНДТЪ.

Я вѣдь, кумъ, и самъ не промахъ. Знаю, что за молодыми дѣвочками надобны глаза, да и глаза . . .

ООМА.

Ну, а вотъ теперь — они вмѣстѣ, и одни, и кто ихъ знаетъ, что они тамъ дѣлаютъ...

БРАНДТЪ.

Моя Корнелія умна и добра, воспитана въ страхѣ Божіемъ.

ООМА.

Я вѣрю только своимъ глазамъ. Вѣдь я три раза былъ женатъ . . . Эти женщины . . . знаю я, какъ онѣ проводятъ и мужей и отцовъ . . . На себѣ испытать мнѣ этого не приходилось,

а на другихъ... разумѣется... И что они теперь замѣшкались?

БРАНДТЪ.

Ты подозрѣваешь...

ООМА.

Растворить двери будетъ надежнѣе *(отворяетъ потихоньку двери въ домикъ)* Видишь? Подика посмотри!

БРАНДТЪ.

Ну! они завтракъ готовятъ.

ООМА.

Боже мой! Старый ты простачина! Хорошъ завтракъ — они и не думаютъ! Говорятъ себѣ, и забыли, что мы ждемъ ихъ съ пустыми желудками...

БРАНДТЪ *(смотритъ въ домикъ)*.

Эка бѣда! Пусть разговариваютъ!

ООМА.

Онъ становится передъ ней наколѣни!

БРАНДТЪ.

Да, да! А! это не хорошо!

ООМА.

Онъ цѣлуетъ у ней руку!

БРАНДТЪ.

Ахъ! негодный... Ахъ!... Корнелія, Корнелія!

ООМА.

Видишь что?.. Вотъ теперь ты и напусти на нее — а его въ толчки, въ шею — вотъ такъ — притопни на него... Ой! ой! ой!

БРАНДТЪ.

Корнелія!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ, КОРНЕЛІЯ И ПИТЕРЪ.

БРАНДТЪ.

Ахъ! ты злодѣйка! Такъ этакъ-то ты себя ведешь?

КОРНЕЛІЯ.

Дѣдушка!

БРАНДТЪ.

Что, дѣдушка?

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ!

БРАНДТЪ.

Что, мистеръ Питеръ?

ПИТЕРЪ.

Мы, право, ничего худаго не сдѣлали.

БРАНДТЪ.

Ничего? Цѣловать руку у дѣвушки! Да, знаешь ли ты, что только женихъ можетъ цѣловать руку у невѣсты? что я самъ три дня не смѣлъ поцѣловать руки у моей Христины, а я почище тебя былъ тогда?

ПИТЕРЪ.

Мистеръ! вѣдь и Корнелію я считаю моею невѣстою.

БРАНДТЪ.

А съ чего ты это взялъ? Да, спросилъ ли ты у меня?

ѲОМА.

Да, да, спросилъ ли ты у него?

БРАНДТЪ.

Соглашусь ли я еще!

ѲОМА.

Согласится ли онъ еще?

БРАНДТЪ.

Ты мальчишка — хлѣба себѣ не въ состояніи промыслить...

ООМА.

Промыслить!

ПИТЕРЪ.

Замолчи ты, старый хрычъ! Пусть бранится мистеръ Брандтъ, а ты не смѣй кричать на меня.

ООМА.

О, о! Да, онъ еще и буянитъ!

ПИТЕРЪ.

Я не стану у тебя просить себѣ хлѣба, и не хочу добывать его слезами другихъ, какъ ты, проклятый скряга!

БРАНДТЪ.

Какъ же ты смѣешь?

ПИТЕРЪ.

Дѣдушка Брандтъ! послушай, ради Бога...

КОРНЕЛІЯ.

Милый дѣдушка!

БРАНДТЪ.

И ты? Прочь, прочь!

ПИТЕРЪ.

Право, я не виноватъ — я хотѣлъ тебя просить...

БРАНДТЪ.

Не соглашаюсь!

ООМА.

Прекрасно!

ПИТЕРЪ.

Отдай за меня Корнелію. Я тебѣ разскажу....

БРАНДТЪ.

Теперь я вѣрю, что мнѣ разсказывали, что ты шалунъ, буянъ, пьяница..

ПИТЕРЪ.

Клеветы! Кто это говорилъ?

БРАНДТЪ.

Кумъ мнѣ это говорилъ!

ООМА.

Я... я... говорилъ!...

ПИТЕРЪ.

Какъ же ты смѣлъ, проклятый скряга? Какъ ты смѣлъ — я тебя зашибу до смерти!

БРАНДТЪ.

Бить моего друга?

ПИТЕРЪ.

Какой онъ вамъ другъ!

БРАНДТЪ.

Вонъ отсюда и никогда ни ногой!

ПИТЕРЪ.

Нѣтъ! я не пойду, пока не оправдаюсь, и Корнелія...

БРАНДТЪ.

Не видать тебѣ никогда Корнеліи!

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! дѣдушка!

ПИТЕРЪ.

Такъ, я не пойду же, и Корнеліи у меня никто не отниметъ: она меня любитъ...

КОРНЕЛІЯ.

Кромѣ Питера, я ни за кого не пойду!

БРАНДТЪ.

Пошла къ себѣ.... А ты сей часъ вонъ, или мы тебя проводимъ не честью!

ООМА.

Не честью! Палкой!

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ! не пойду — выслушай! А ты не смѣй — я тебя...

ѲОМА (*прячется за Брандта*).

Ой, ой, ой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢ ЖЕ И СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА СЪ НѢСКОЛЬКИМИ СТРѢЛЬЦАМИ.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Эй, вы! Что вы тутъ разшумѣлись, Нѣмцы! Кто изъ васъ поумнѣе — поди сюда!

БРАНДТЪ.

Что тебѣ надобно?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Не знаетъ ли кто нибудь изъ васъ — какъ бишь зовутъ его — эту нехристь! (*вынимаетъ бумагу*) *Пи* . . . *Пи* . . . *тер* . . . . . Слышишь: Питеръ! Кто изъ васъ Питеръ?

БРАНДТЪ.

Мало ли Питеровъ на свѣтѣ какого тебѣ надобно?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, вотъ тутъ еще написано, да бѣсъ его разберетъ . . . *Гро* . . *Гру* . . *Гро* . .

ПИТЕРЪ.

Гродекеръ?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, да, Грудеверъ! Гдѣ онъ?

ПИТЕРЪ.

Это я.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Ты? Ребята! берите-ка молодца!

ВСѢ.

Что это значитъ? Что такое?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

А видно то значитъ, что надѣлалъ проказъ, такъ тебя велѣно, гдѣ только найдутъ, схватитъ и тащить къ самому Царю. Онъ здѣсь на полѣ, тѣшится ученьемъ . . . Берите, вяжите его!

ВМѢСТѢ.

КОРНЕЛІЯ.

Его взять?

БРАНДТЪ.

Какъ? Что такое?

ѲОМА.

А! попался молодецъ!

ПИТЕРЪ.

Я не виноватъ ни въ чемъ!

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Тамъ вины разсудятъ — бери его!

ПИТЕРЪ.

Но, г-нъ Голова, ей Богу . . . . я ничего не сдѣлалъ . . . Тутъ въ бумагѣ написано . . .

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

На, читай!

ПИТЕРЪ.

Я не умѣю читать по Русски. Прочти намъ.

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, легко прочитать эти крючки подьяческіе — вѣдь это не печатное; я разбиралъ, разбиралъ... Что-то объ ружьѣ... Ты укралъ, что ли ружье?

ВСѢ.

Укралъ ружье?

ѲОМА.

Именно, и мнѣ сказывали, что укралъ.

ПИТЕРЪ.

Неправда! Я сдѣлалъ ружье и представилъ его Царю, такъ за это наградить меня надобно — ружье диковинное, за которое стоитъ меня сдѣлать царскимъ мастеромъ!

ѲОМА.

Ха, ха, ха! царскимъ мастеромъ!.. Ружье оказалось прескверное — его разорвало — убило двухъ человѣкъ . . . Не правда ли, г-нъ Голова?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Да, да!

ѲОМА.

Царь разгнѣвался и велѣлъ сыскать этого мерзавца, кто сдѣлалъ ружье, и повѣсить его *(даетъ денегъ Головѣ*. Не правда ли, г-нъ Голова? *(тихо)* Крути его крѣпче...

КОРНЕЛІЯ.

О Боже мой! Питеръ!

ПИТЕРЪ.

Нѣтъ, Корнелія, неправда! Развѣ мое ружье подмѣнили, развѣ . . . развѣ . . . Пусть его вплоть пулями набьютъ и тутъ не разорветъ — а отдѣлка, а ложа какая . . . Если оно было не хорошо, такъ пусть зарядятъ его пулей и всадятъ мнѣ эту пулю въ сердце — я и безъ того не переживу . . . . Пойдемъ — прости, мистеръ Брандтъ... Корнелія!

КОРНЕЛІЯ (*бросаясь къ нему*).

Питеръ!

БРАНДТЪ И ӨОМА (*схватываютъ ее*).

Что ты? Что ты?

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА.

Вяжи его, ребята!..... А она что льнетъ? Видно, любъ былъ... Подумаешь, Господи! кажись, Нѣмцы, а то же любятъ другъ друга и плачутъ.. А дѣвочка-то не дурна — сухопаровата маленько, не то что наши Русскія.

БРАНДТЪ.

Питеръ! послушай: чиста ли душа твоя?

ПИТЕРЪ.

Ахъ! мистеръ Брандтъ! хоть передъ Бога стать сію минуту!

БРАНДТЪ.

Ты не погибнешь. Уповай на Бога и Царя. Поди сюда, обними меня.. Ты... сынъ человѣка, который... Боже! благослови тебя.. А если ты грѣшенъ — прости его, Господи, за молодость...

ПИТЕРЪ.

Ахъ! мистеръ Брандтъ... Корнелія!..

СТРѢЛЕЦКІЙ ГОЛОВА И ООМА.

Веди его!... Ступай, ступай! Тутъ не далеко.

ЯВЛЕНІЕ 8

БРАНДТЪ, ГРООМДУМЪ, КОРНЕЛІЯ.

КОРНЕЛІЯ.

Неужели, дѣдушка, съ нимъ худо будетъ?

ООМА.

А когда же худое добромъ кончится?

КОРНЕЛІЯ.

И неужели его...

ООМА.

Повѣсятъ? Непремѣнно! О, изъ подьяческихъ рукъ и невинному трудно выпутаться, а этакой плутъ...

КОРНЕЛІЯ.

Замолчите, сударь! Я съ вами говорить не хочу. Вы его оклеветали — вы злой человѣкъ — радуетесь чужой бѣдѣ!... О пресвятая Богородица! спаси Питера! Дѣдушка! подите, попросите за него, пока я побѣгу, помолюсь со слезами, усердно...

(Уходитъ.)

ООМА.

Что закручинился, куманекъ?

БРАНДТЪ.

Эхъ! жаль мнѣ малаго-то! Хорошій былъ онъ, что ты ни говори, а если и пошалилъ — ну, такъ еще исправился бы...

ООМА.

Куда тебѣ исправляться!

БРАНДТЪ.

Сынъ моего друга Гродекера, съ которымъ я дѣлилъ радость и горе... Я хотѣлъ было отдать за него Корнелію...

ООМА.

Ты погубилъ бы ее!... Ну, а теперь, когда онъ ей въ женихи не годится, такъ какъ ты думаешь?

БРАНДТЪ.

А что думать?

ООМА.

За кого отдать Корнелію? Ты старъ; дѣвочка на возрастѣ; приданаго нѣтъ...

БРАНДТЪ.

Что тутъ! Найдутся и сиротѣ добрые женихи....

ѲОМА.

Слушай, пріятель: сегодняшняя исторія...

БРАНДТЪ

А что такое?

ѲОМА.

Языки людскіе прибавятъ... Отдавай поскорѣе Корнелію за мужъ...

БРАНДТЪ.

Да, за кого же мнѣ отдать ее? Вѣдь женихъ не рѣпа — не посѣешь его!

ѲОМА.

Я тебѣ могу поставить жениха молодца, и честнаго, и богатаго и скромнаго...

БРАНДТЪ.

Кого это?

ѲОМА.

Мою собственную персону!

БРАНДТЪ.

Ты?

ѲОМА.

Я самъ — Ѳома Гроомдумъ, Голландскій негоціянтъ и твой пріятель и другъ.

БРАНДТЪ.

Шутишь!

ѲОМА.

Нисколько. Чѣмъ я не женихъ?

БРАНДТЪ.

Да, вѣдь тебѣ я думаю — лѣтъ... лѣтъ...

ѲОМА.

На моихъ родинахъ ты не былъ — что тебѣ считать мои годы?

БРАНДТЪ.

А Корнелія всего восмнадцать лѣтъ...

ѲОМА.

Самая прекрасная парочка! Жена всегда должна быть моложе мужа...

БРАНДТЪ.

Но, вѣдь смотри, чтобы потомъ...

ѲОМА.

Это не твоя забота. Да, что ты, кумъ? Я думалъ, что такое предложеніе тебя обрадуетъ?

БРАНДТЪ.

Но съ ней какъ сладить — она станетъ плакать...

ѲОМА.

И перестанетъ! Мой дѣдушка девяноста лѣтъ женился на 16-ти лѣтней дѣвочкѣ, да у него

еще сколько дѣтокъ было. Видишь: я влюбился въ Корнелію, смертно влюбился — мнѣ ничто не мило!

БРАНДТЪ.

Нѣтъ! я не соглашусь!

ООМА.

А! такъ этакъ-то по пріятельски? Хорошо. Такъ разочтемся, кумъ: я человѣкъ добрый, и ты честный — ты не забылъ, думаю, что у меня есть росписочка?

БРАНДТЪ.

Неужели ты хочешь притѣснить меня?

ООМА.

Мнѣ деньги надобны!

БРАНДТЪ.

Подожди.

ООМА.

Деньги, кумъ, деньги, или — Корнелію! Я издеру расписку, подарю тебѣ... пять сотъ рублей...

БРАНДТЪ.

Такъ ты думаешь, я продамъ тебѣ счастье моей внучки? *(въ сторону)* Жидъ проклятый!

ѲОМА *(въ сторону.)*

Мнѣ только слово-то взять...

БРАНДТЪ *(въ сторону).*

Притворюсь, будто согласенъ — пожалуй, онъ и въ тюрьму посадитъ... *(громко)* Видишь кумъ я и не прочь, но если только Корнелія согласится...

ѲОМА.

Давай руку. Объ ней нечего заботиться! Зови Корнелію и объяви ей.

БРАНДТЪ.

Но, кумъ...

ѲОМА.

Зови, Зови! *(Брандтъ уходитъ)*....

ЯВЛЕНІЕ 9.

ѲОМА *одинъ.*

Не новое мнѣ объясняться... Старикъ слово далъ — только того бездѣльника запрятать подальше... Ужь не пожалѣю сотни — а Корнелія дѣвчонка молоденькая — нарядовъ ей, жемчужку — а у меня въ закладѣ этой дряни много.

ЯВЛЕНІЕ 10.

БРАНДТЪ, за нимъ КОРНЕЛІЯ.

БРАНДТЪ.

Вотъ, Корнелія, мой другъ... Г-нъ Гроомдумъ рекомендуетъ тебѣ жениха...

ООМА.

Да, жениха прекраснаго, богатаго, который васъ любитъ, Корнелія, которому вы кажетесь слаще сыру Голландскаго, а глазки ваши дороже червонцовъ Голландскихъ, а ручки ваши... ручки...

БРАНДТЪ.

Благодари, Корнелія!

КОРНЕЛІЯ.

Не за что.

ООМА.

Но знаете ли: кто этотъ женихъ? Это я, прелестная Корнелія, я.... повергаюсь... ой, ой!.. повергаюсь къ ногамъ вашимъ, со всѣмъ что у меня есть... ой, ой, ой!

КОРНЕЛІЯ.

Я не хочу за васъ идти за мужъ!

ООМА.

Какъ?

КОРНЕЛІЯ.

Кромѣ Питера, я ни за кого не выйду!

БРАНДТЪ.

Какъ, негодница? Я тебѣ приказываю!

ООМА *(не можетъ подняться).*

Какъ? Ой, ой!...

КОРНЕЛІЯ.

Я не слушаю вашего приказа, и за этого хрыча не пойду!

ООМА *(Брандту).*

Да, подыми меня! Ой, ой!

БРАНДТЪ *(помогаетъ ему подняться).*

Я посмотрю — я запру тебя.... я...

ООМА.

Не сердись, кумъ — уговорить ее мое дѣло... Позвольте, позвольте, сей часъ, бѣгу и принесу — вотъ этакой сыръ, и сережки и ожерельицо... Посмотримъ — посмотримъ..... *(въ сторону)* Побѣжать домой, а потомъ туда, а потомъ сюда, а потомъ.. хе, хе, хе.... *(громко)*

Я тотчасъ ворочусь — Купидонъ ссудитъ меня крылышками!

ЯВЛЕНІЕ II.

БРАНДТЪ И КОРНЕЛІЯ.

КОРНЕЛІЯ.

Милый дѣдушка! Неужели въ самомъ дѣлѣ отдадите вы меня за него?

БРАНДТЪ.

Дитя ты мое! ты меня сегодня огорчила...

КОРНЕЛІЯ.

Что же мнѣ дѣлать, когда я люблю Питера? — Ахъ! дѣдушка: его оклеветали...

БРАНДТЪ.

Мнѣ и самому не вѣрится... Да, что это? Кто тамъ бѣжитъ и кричитъ?... *(Голосъ Питера: «Дѣдушка Брандтъ! Корнелія! радуйтесь!»)*

КОРНЕЛІЯ.

Боже мой! Это онъ бѣжитъ! Что съ нимъ сдѣлалось?

БРАНДТЪ.

Не помѣшался ли онъ?

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢ ЖЕ И ПИТЕРЪ (*безъ шляпы, съ кошелькомъ въ рукѣ, задыхаясь*).

ПИТЕРЪ.

Мистеръ Брандтъ.... Корнелія.... Царь — ружье.... моя невѣста — ботикъ.... Ха, ха, ха! О, Боже Господи!... я задыхаюсь!

(*бросается на скамейку*).

БРАНДТЪ.

Что такое?

КОРНЕЛІЯ.

Питеръ, Питеръ! опомнись!

ПИТЕРЪ (*отдаетъ Брандту кошелекъ.*)

Возьми, возьми!

БРАНДТЪ.

Что тутъ такое?.... Золото, червонцы! Откуда? Какъ?

ПИТЕРЪ.

Изъ собственныхъ ручекъ Царя!

КОРНЕЛІЯ И БРАНДТЪ.

Царя!

ПИТЕРЪ.

Онъ потрепалъ меня по плечу.....

БРАНДТЪ.

По которому плечу?

КОРНЕЛІЯ.

Разскажи скорѣе, милый Питеръ!

ПИТЕРЪ.

Виноватъ, мистеръ Брандтъ! Я скрывалъ отъ тебя нарочно мое мастерство, не показывалъ тебѣ моихъ ружей и сабель; ты думалъ, я дурачусь, да шатаюсь по Москвѣ, а я все работалъ, и вотъ съ полгода тому началъ такое ружье, что чудо....

БРАНДТЪ.

Ну, ну!

ПИТЕРЪ.

Я ужь такъ и положилъ — поднести Царю, а какъ онъ меня пожалуетъ — просить у тебя Корнеліи....

БРАНДТЪ.

Да, ну, ну!

ПИТЕРЪ.

Какъ сегодня подали Царю мое ружье, онъ такъ ему обрадовался, что тотчасъ послалъ за мной....

*

КОРНЕЛІЯ.

Такъ тебя не за вину повели Стрѣльцы?

ПИТЕРЪ.

Какая вина! Царь велѣлъ меня представить къ нему — меня схватили — вотъ какъ вы видѣли — потащили... Царя засталъ я вотъ тутъ, за Яузой, въ Преображенскомъ.... Вокругъ него были толпа офицеровъ, генераловъ и.... Богъ знаетъ.... пальба, шумъ.... Я упалъ на колѣни.... Вѣдь въ первый разъ мнѣ пришлось быть предъ земнымъ царемъ!

КОРНЕЛІЯ.

Страшно, Питеръ?

БРАНДТЪ.

Не страшно передъ добрымъ царемъ и съ чистою душею!

ПИТЕРЪ.

Да, еслибы ты еще увидѣлъ молодаго Царя... Ахъ! дѣдушка Брандтъ! молодецъ какой — этакой — глаза такъ и горятъ — говоритъ скоро, громко. — Какъ увидѣлъ меня: Что ты? говоритъ. — Я назвалъ себя. — За чтожъ тебя связали? — Не знаю, Ваше Величество! — Бездѣльники! долой веревки! Я васъ! — Глаза

сверкнули, какъ молнія. — Онъ взмахнулъ мое ружье. Ты дѣлалъ его? — Я. — Какъ тебя зовутъ? — Питеромъ. — Ты мнѣ тезка! — и заговорилъ со мной по Голландски....

БРАНДТЪ.

По Голландски!

ПИТЕРЪ.

И потрепалъ меня по плечу.... и.... и.... я ужь и не помню.... Слышалъ, что меня хвалятъ.... что Царь жалуетъ меня въ свои оружейные мастера.... что мнѣ даютъ въ руки кошелекъ.... что Царь смѣется.... но я опомнился, когда онъ сказалъ: «Теперь недостаетъ мнѣ только корабельнаго мастера....»

БРАНДТЪ.

Корабельнаго мастера!

ПИТЕРЪ.

«Еслибы живъ былъ тотъ, кто дѣлалъ этотъ ботикъ дѣдушкѣ Никитѣ Ивановичу....

БРАНДТЪ.

Да... тебѣ такъ послышалось!

ПИТЕРЪ.

Слушай дальше. — Какой ботикъ? — говорю я.... «Вотъ, вотъ этотъ!» вскричалъ Царь

и потащилъ меня къ ботику, который нашли въ Измайловѣ и привезли въ Преображенское. Я взглянулъ, вспомнилъ твой разсказъ и говорю Царю: «Ваше Величество! мастеръ этотъ, который и ботикъ строилъ, и родителю вашему корабль Орелъ построилъ...

БРАНДТЪ.

Питеръ, Питеръ! дитя мое!...

ПИТЕРЪ И КОРНЕЛІЯ.

Что съ вами, дѣдушка?

БРАНДТЪ.

Ничего, ничего... ты меня обманываешь, Питеръ!

ПИТЕРЪ.

Что вы, мистеръ Брандтъ! Но едва я успѣлъ сказать все объ тебѣ, да пока еще говорилъ, Царь закричалъ: «Сюда его, сюда его! Гдѣ онъ? Послать за нимъ капитана, полковника — карету! Везти его ко мнѣ!»

БРАНДТЪ.

Боже!

ПИТЕРЪ.

А мнѣ позвольте поскорѣе, сказалъ я. «Ступай, тезка!» сказалъ онъ — и вотъ, пока

карета поскакала въ объѣздъ, а я прямо къ тебѣ — черезъ рѣку....

БРАНДТЪ.

Меня къ Царю! Корабельный мастеръ! Карету — полковника!

(Слышенъ стукъ кареты).

ПИТЕРЪ.

Слышишь, мистеръ Брандтъ?

БРАНДТЪ.

Нѣтъ! не слышу.... Питеръ, Корнелія! Дѣти мои!....

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢ ЖЕ И КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ.

А, молодецъ ужь здѣсь! Здравствуй, царскій оружейный мастеръ! А гдѣ же г-нъ басъ Брандтъ?

ПИТЕРЪ.

Вотъ онъ, полковникъ.

КАПИТАНЪ.

Вы г-нъ Карстенъ Брандтъ?

БРАНДТЪ.

Я.... я.... Карстенъ Брандтъ.

КАПИТАНЪ.

Его Царское Величество проситъ васъ пожаловать къ нему и прислалъ за вами карету свою царскую.

БРАНДТЪ.

Одѣться....

КАПИТАНЪ.

Некогда! Поспѣшите — Его Величество ждетъ васъ — тамъ на полѣ....

БРАНДТЪ.

Шляпу, Корнелія....

ПИТЕРЪ.

Дѣдушка, Брандтъ! не сробѣй!

КОРНЕЛІЯ.

А я какъ же останусь?

БРАНДТЪ.

Питеръ останется съ тобою.

КАПИТАНЪ.

Поспѣшите! Царь васъ нетерпѣливо ждетъ.

БРАНДТЪ.

Господи! благослови!

(Идутъ, онъ и полковникъ.)

ЯВЛЕНІЕ 14.

ПИТЕРЪ, КОРНЕЛІЯ.

ПИТЕРЪ.

Уѣхали! Откуда у него бодрость взялась!

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! милый Питеръ! я боюсь...

ПИТЕРЪ.

Чего бояться, милая!

КОРНЕЛІЯ.

Я въ Библіи читала, что сердце царево въ рукѣ Божіей.

ПИТЕРЪ.

Передъ Бога, да передъ царя предстать не страшно! Вотъ, какъ давича схватили меня....

КОРНЕЛІЯ.

Ахъ! какъ я испугалась.... И тутъ только увидѣла я, какъ сильно я люблю тебя!

ПИТЕРЪ.

Я не отчаявался, вѣрилъ въ милость Божью... А такая награда, какъ ты....

КОРНЕЛІЯ.

Но согласится ли дѣдушка?

ПИТЕРЪ.

Развѣ ты думаешь онъ не согласится?... Оружейный царскій мастеръ.... Да, что и за ружьецо! Какъ Царь зарядилъ его...

КОРНЕЛІЯ

Самъ зарядилъ?

ЯВЛЕНІЕ 15.

ТѢ ЖЕ И ѲОМА ГРООМДУМЪ, *несетъ огромный сыръ и изумляется увидя Питера.*

ПИТЕРЪ.

Не только самъ зарядилъ, но вотъ этакъ, приложился — бухъ!....

(Сшибаетъ съ ногъ Ѳому, тотъ падаетъ и кричитъ.)

ѲОМА.

Охъ! зарѣзалъ, убилъ!

ПИТЕРЪ.

А! это вы, герръ Гроомдумъ! Извините, не попадайтесь подъ руку...

ѲОМА.

Ты здѣсь за чѣмъ?

ПИТЕРЪ.

Я пришелъ къ моей невѣстѣ.

ѲОМА.

Какой невѣстѣ?

ПИТЕРЪ.

Корнелiи Брандтъ. *(беретъ ее за руку).*

ѲОМА.

Какъ ты смѣешь брать ее за руку? Знаешь ли ты, что она моя невѣста?

ПИТЕРЪ.

Право? Такъ хоть поздравить ее позвольте съ такимъ женихомъ. Поздравляю, Корнелiя!

(Онъ цѣлуетъ ее).

ѲОМА.

Онъ ее цѣлуетъ! Разбой!

КОРНЕЛIЯ.

Благодарю тебя, любезный Питеръ, и не хочу у тебя въ долгу оставаться.

(Цѣлуетъ его).

ООМА.

Рѣжутъ! Кумъ, кумъ!

ПИТЕРЪ.

Какъ ты счастлива будешь милая Корнелія!

ООМА.

Обнимаетъ ее! Кумъ, кумъ, г-нъ Брандтъ старый глухарь... *(съ трудомъ подымается).* — Какъ ты смѣешь?

ПИТЕРЪ.

А почему же мнѣ не смѣть?

ООМА.

Она моя невѣста! Вотъ я и подарки принесъ: куму сыръ, а Корнеліи сережки и колечко...

ПИТЕРЪ.

Отнеси ихъ назадъ.

ООМА.

Я тебя....

ПИТЕРЪ.

Тише! Я тебѣ такого сыру задамъ, что ты не проглотишь его до скончанія вѣка....

ООМА.

Я тебя упеку — подъ судъ — на висѣлицу — не пожалѣю ста рублей, тысячи рублей... у меня вездѣ есть пріятели...

ПИТЕРЪ.

У меня одинъ пріятель, да стòитъ всѣхъ твоихъ.

ѲОМА.

Какой у тебя пріятель?

ПИТЕРЪ.

Царь Петръ Алексѣевичъ.

ѲОМА.

Какъ?... Ахъ! ты сумасшедшій!.... Да, вѣдь за это тебя... Да, я и кума-то въ тюрьму: вѣдь онъ мнѣ долженъ — вотъ и росписка!

ПИТЕРЪ *(кидая кошелекъ на столъ).*

На, считай твой долгъ!

ѲОМА.

Что это? Черепья битыя... Червонцы, и свѣтленькіе какіе... Ты укралъ? Ты, ты...

(Слышенъ стукъ кареты.)

КОРНЕЛІЯ.

Дѣдушка!

ПИТЕРЪ.

Онъ! *(бѣгутъ на встрѣчу къ Брандту).*

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ И БРАНДТЪ.

БРАНДТЪ *(обнимая ихъ).*

О, дѣти мои!...

ПИТЕРЪ И КОРНЕЛІЯ.

Что сдѣлалось? Ты дрожишь! Сядь, сядь дѣдушка!

БРАНДТЪ *(на колѣняхъ).*

Боже! благодарю тебя, благодарю за радостную минуту! Такъ для того то хранилъ ты меня, старика, чтобы моею слабою, дрожащею рукою основать великое дѣло, начало флота въ Русской землѣ, раскинуть стаю бѣлокрылыхъ лебедей на моряхъ Русскихъ, запѣнить ими тамъ волны морскія, гдѣ еще не вѣялъ флагъ Русскій...

(Плачетъ и не можетъ говорить).

ПИТЕРЪ.

Дѣдушка!

БРАНДТЪ.

Русская земля! гордись и торжествуй — великъ твой Царь! А съ великимъ Царемъ, чего ты не сдѣлаешь, Русская земля!

КОРНЕЛІЯ.

Но разскажи!

БРАНДТЪ.

Нѣтъ силъ, нѣтъ словъ.... Царь встрѣтилъ меня — обнялъ!

ВСѢ.

Обнялъ!

БРАНДТЪ.

Поцѣловалъ!

ВСѢ.

Поцѣловалъ!

БРАНДТЪ.

Поднесъ мнѣ водки, началъ говорить о милостяхъ, о золотѣ, о корабляхъ, о флотѣ... Изъ устъ его, казалось мнѣ, текутъ въ душу мою роса небесная и благодать Божья. Меня узнали тутъ и бояре, и многіе жали мнѣ руки, да мнѣ ужь было не до того.... А какъ Царь сказалъ: «Пойдемъ повидаться съ твоимъ старымъ знакомымъ,» и какъ привелъ меня къ ботику, и сказалъ: «Вотъ онъ, *Дѣдушка Русскаго Флота* — такъ ему будетъ имя отнынѣ и до вѣка!» я ужь не вспомнился — упалъ на ботикъ мой, обнялъ его, цѣловалъ, приговари-

валъ: «Голубчикъ мой, миленькій, золотой!» И Царь заплакалъ.... Дѣти! есть счастье на землѣ....

ПИТЕРЪ.

Что же потомъ, дѣдушка?

БРАНДТЪ.

Ахъ! да, надобно поторопиться — вѣдь Царь приказалъ къ завтраму изготовить ботикъ; онъ хочетъ плавать въ немъ — его везутъ сюда... Питеръ! пособи-ка мнѣ вынести мое сокровище....

ООМА.

Сокровище!

БРАНДТЪ.

Царскому оружейному мастеру Питеру Гродекеру не стыдно пособить старому басу Карстену Брандту.... Вѣдь и о тебѣ Царь изволилъ говорить... Пойдемъ!

ПИТЕРЪ.

Дѣдушка! что тебѣ угодно! Пусть я буду хоть генераломъ.... (*уходятъ*).

ООМА.

Что это? На яву или во снѣ? Г-жа Корнелія Брандтъ, скажите: что это такое?

КОРНЕЛІЯ.

Вы слышали.

ООМА.

Г-нъ Карстенъ Брандтъ будетъ....

КОРНЕЛІЯ.

Корабельнымъ мастеромъ Его Царскаго Величества.

ООМА.

А г-нъ Питеръ Гродекеръ....

КОРНЕЛІЯ.

Оружейнымъ мастеромъ царскимъ.

(Брандтъ и Питеръ несутъ сундукъ и ставятъ его по срединѣ. Оома подбѣгаетъ то къ одному, то къ другому, говоря: «Кумъ — Г-нъ Брандтъ — Г-нъ Гродекеръ — Герръ! я. —» Его никто не слушаетъ).

БРАНДТЪ.

Ну, милое мое сокровище! Пятнадцать лѣтъ, какъ я спряталъ тебя, и съ тѣхъ поръ не трогала тебя рука моя — и ключь-то заржавѣлъ.... Хотѣлъ было я велѣть изъ этого сундука сдѣлать себѣ гробъ, а теперь привелъ Богъ.... *(отпираетъ сундукъ)*. Вотъ они: рисунки, планы корабельные, линейка, топоръ.

пила. — Вотъ и дипломъ мой на званіе мастера.... Вотъ и похвальные листы мои.... Выходите, други мои! выходите изъ тюрьмы, гдѣ пятнадцать лѣтъ вы скрывались!

ООМА.

Позвольте поздравить васъ, г нъ Брандтъ!

БРАНДТЪ.

А, кумъ! Богъ тебя суди — не по дружески было поступилъ ты со мной....

ООМА.

Грѣшенъ — любовь!

БРАНДТЪ.

А теперь ты ужь не станешь спорить противъ свадьбы Питера и Корнеліи? Не станешь называть его, этого славнаго мастера....

ООМА.

Избави Богъ, избави Богъ!

БРАНДТЪ.

Дѣти! благослови васъ Богъ! — Питеръ! люби мою Корнелію, сдѣлай ее счастливою, чтобы я и умирая благословилъ тебя такъ, какъ теперь!

(Онъ обнимаетъ ихъ).

ѲОМА.

Позвольте (*подноситъ принесенный имъ сыръ*) — позвольте на новоселье вамъ хлѣба-соли.... И не глядятъ!...

(*Слышны клики: Ура! Ура!*)

БРАНДТЪ.

Вотъ везутъ и его — *Дѣдушку Русскаго флота*, какъ самъ Его Царское Величество изволилъ назвать... Здравствуй, дитя мое. Здравствуй, мой безцѣнный!

ЯВЛЕНІЕ 17.

ТѢ ЖЕ И ЛЕФОРТЪ.

(*Толпа народа везетъ на полозьяхъ ботикъ; впереди и назади его идутъ солдаты, несутъ знамя; клики: Ура! смѣшиваются съ барабаннымъ боемъ. Ботикъ останавливается на срединѣ сцены.* ЛЕФОРТЪ *выступаетъ впередъ*).

ЛЕФОРТЪ.

Здравствуй, г-нъ Брандтъ, корабельный мастеръ Его Царскаго Величества! Государь тебѣ кланяется....

БРАНДТЪ.

Мнѣ, превосходительный господинъ....

ЛЕФОРТЪ.

Адмиралъ!

БРАНДТЪ.

Адмиралъ?

ЛЕФОРТЪ.

Да, Его Величество пожаловалъ меня адмираломъ своего флота....

БРАНДТЪ.

Но этотъ флотъ....

ЛЕФОРТЪ.

Русскій Царь сказалъ: «У меня будетъ флотъ!» и флотъ у него будетъ. Чего Русскій Царь захочетъ — кто смѣетъ сказать, что этого не будетъ? Сказано — сдѣлано!

БРАНДТЪ.

Вѣрю, вѣрю... Но куда, господинъ адмиралъ, поплывутъ ваши корабли? Гдѣ у васъ моря Русскія?

ЛЕФОРТЪ.

Знаешь ли ты, что царь Петръ скажетъ слово, и двинутся мореходныя громады на Чер-

ное, Каспійское, Бѣлое, Балтійское моря, и сотни тысячь грянутъ на враговъ, и горе тѣмъ, кто смѣетъ стать противъ! Онъ не повелѣвать только умѣетъ — онъ самъ всему примѣръ показываетъ; онъ хочетъ скрыть свое величіе, онъ хочетъ облетѣть Европу, окинуть ее свѣтлымъ своимъ взоромъ.... О, велика судьба твоя, Русская земля! Не доживемъ мы — увидитъ потомство, и міръ содрогнется передъ исполиномъ, и Цари будутъ изучаться примѣромъ Петра: то не мечта — мой взоръ свѣтло озаряется свѣтомъ будущаго....

(*Громкое: Ура, Дѣдушка Русскаго флота! раздастся въ толпѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ 18.

ТѢ ЖЕ И КАПИТАНЪ.

КАПИТАНЪ (*входитъ поспѣшно*).

Господинъ Адмиралъ! Его Царское Величество приказалъ извѣстить васъ....

ЛЕФОРТЪ.

Что онъ самъ сюда будетъ? Что его горячее сердце не вытерпѣло замедленія?...

БРАНДТЪ.

Самъ Государь!

КАПИТАНЪ.

Онъ хочетъ самъ работать съ г-мъ Брандтомъ, и велѣлъ спросить: «Согласенъ ли онъ взять въ ученики Преображенскаго солдата Петра Михайлова?»

ВСѢ.

Самого Государя!

ЛЕФОРТЪ.

А! Чего не сдѣлаетъ послѣ этого Царь Русскій? Я предчувствовалъ, предвидѣлъ.... Посмотрите, друзья мои! Вонъ онъ самъ — скачетъ сюда — вонъ машетъ рукой — кланяется намъ!

БРАНДТЪ.

Шапки долой!

ВСѢ.

Вотъ онъ! Вотъ онъ! Близко!

БРАНДТЪ.

На колѣни! Онъ не Царь — онъ полубогъ твой, Россія!.... Ура!

ВСѢ.

Ура! Ура!

Въ безмолвіи склоняются на колѣни къ той сторонѣ, откуда скачетъ Петръ Великій. *Въ оркестрѣ слышно: «Боже! Царя храни!»*

Занавѣсъ опускается.

ИГОЛКИНЪ,

КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БЫЛЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КАРЛЪ XII, король Шведскій . . г-нъ Каратыгинъ 2.
БАРОНЪ ГЕРЦЪ, министръ его г-нъ Борецкій.
БАРОНЪ АДЕЛЬКРЕЙЦЪ, комендантъ Стокгольмской крѣпости г-нъ Григорьевъ 1.
Секретарь . . . . г-нъ Горшенковъ.
ХРИСТІАНЪ, тюремщикъ . . . . . г-нъ Сосницкій.
МАРГАРИТА, дочь его . . . . . . г-жа Асенкова 1.
ГУСТАВЪ, молодой Шведскій купецъ . . . . г-нъ Максимовъ 2.
ИГОЛКИНЪ, купецъ Новогородскій . . . . г-нъ Каратыгинъ 1.
Шведскій офицеръ . . . . г-нъ Годуновъ.
1. } судьи военнаго совѣта . . г-нъ Сервіо.
2. } г-нъ Фалѣевъ.
1. } солдаты Шведскіе . . . . г-нъ Афанасьевъ.
2. } г-нъ Третьяковъ.
Два офицера и нѣсколько солдатъ Шведскихъ.

Дѣйствіе въ Стокгольмской крѣпости въ 1717 году.

Дѣйствующіе въ эпилогѣ

ИГОЛКИНЪ . . . . г-нъ Каратыгинъ 2.
Старый купецъ . . . . г-нъ Вороновъ.
Жена Иголкина . . . . г-жа Сибирякова.
1 } купцы г-нъ Сосновскій.
2 } г-нъ Самойловъ 2.
Преображенскій капитанъ . . . . . г-нъ Леонидовъ.

Солдаты, народъ, Чухонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ.

ИГОЛКИНЪ,
КУПЕЦЪ НОВОГОРОДСКІЙ.

Тюрьма въ Стокгольмской крѣпости. Направо нѣсколько дверей; прямо выходъ въ корридоръ, налѣво дверь запертая и подлѣ нея столъ и скамейка. — Звонятъ. Смѣна караула.

ХРИСТІАНЪ (*выходитъ съ ключами*).

Подлинно говорятъ правду, что привычка другая природа. Подумаешь: другаго бы на мое мѣсто — и года бы не прожилъ! Покоя ни день, ни ночь — смотри, ходи, отпирай, запирай, принимай, перекликай, отвѣчай... Голова кругомъ пойдетъ! Приляжешь уснуть — думай, все ли здорово! Три раза встанешь

ночью, а вмѣсто награды — того и жди, что самаго тебя посадятъ на мѣсто какого нибудь сокола, который успѣлъ упорхнуть изъ подъ замковъ! Вѣдь чудное, право, дѣло: никому не нравится въ тюрьмѣ, и всякій только о томъ и думаетъ, какъ бы улизнуть изъ нея. Экой прихотливый народъ! Что бы, кажется, имъ тутъ не житье: квартира готовая, дрова, свѣчи, хлѣбъ некупленый, дѣла никакого нѣтъ — знай себѣ сиди, да философствуй о суетѣ мірской... Такъ вотъ нѣтъ — не сидится!...

ОФИЦЕРЪ *(входитъ)*.

Ну, что? Все ли благополучно?

ХРИСТІАНЪ.

Слава Богу! Всѣ на лицо и сидятъ смирно.

ОФИЦЕРЪ.

Много ли Русскихъ плѣнниковъ на твоей половинѣ?

ХРИСТІАНЪ.

У меня мало: только вотъ тутъ Иголкинъ, Новогородскій купецъ, да тутъ Русскій капралъ, да...

ОФИЦЕРЪ.

Не замѣчаешь ли ты въ нихъ, этакъ... буйнаго духа, непокорства?

ХРИСТІАНЪ.

Грѣхъ сказать! Сидятъ смирно. А развѣ что нибудь?

ОФИЦЕРЪ.

Ничего. Только надобно смотрѣть внимательнѣе.

(Уходитъ).

ХРИСТІАНЪ *(одинъ).*

Внимательнѣе! Да, было бы за кѣмъ, Правду сказать — скоро немного останется у насъ, не только Русскихъ плѣнныхъ, да и своихъ-то Шведскихъ солдатъ. А того еще и смотри, что и къ намъ въ Стокгольмъ пожалуютъ незваные гости, которыхъ попотчивать будетъ не кому... *(Маргарита входитъ съ корзинкой.)* Ты за чѣмъ?

МАРГАРИТА *(прячетъ корзинку).*

Ахъ! Я шла...

ХРИСТІАНЪ.

Куда шла?

МАРГАРИТА.

Погулять...

ХРИСТІАНЪ.

Только гульба на умѣ! Да, развѣ здѣсь садъ, что ли?

МАРГАРИТА.

Тутъ ближе пройдти въ ту загородку, которую вы называете садомъ.

ХРИСТІАНЪ.

Называете садомъ! А развѣ она не садъ? Деревьевъ сколько — съ двадцать пять будетъ; да зелень какая... бесѣдки...

МАРГАРИТА.

Да четыре высокія стѣны, которыя придаютъ такую веселость, какъ поглядишь на нихъ!

ХРИСТІАНЪ.

Вотъ что еще! Вамъ бы все веселье..

МАРГАРИТА.

Богъ съ нимъ! Я ужь давно его не знаю.

ХРИСТІАНЪ.

Прежде ты не скучала...

МАРГАРИТА.

Ахъ! никогда!

ХРИСТІАНЪ.

А теперь почему не такъ!

МАРГАРИТА.

Будто вы не знаете!

ХРИСТІАНЪ.

Да! Ты все думаешь о своемъ Густавѣ...

МАРГАРИТА.

Боже мой! о чемъ же другомъ мнѣ думать? Вотъ ужь скоро два мѣсяца, какъ его нѣтъ! Поѣхалъ всего на мѣсяцъ, и живъ ли онъ? Вѣрно теперь ужь нѣтъ его на свѣтѣ.... И письма не приходятъ отъ него... Ахъ! Боже мой!..

ХРИСТІАНЪ.

Ну, полно, полно хныкать! Онъ воротится... *(тихо)* А жаль бѣдняжки — они такъ любятъ другъ друга, и я было совсѣмъ р сполагалъ, чтобы имъ обвѣнчаться этимъ же лѣтомъ... —Ну! воля Божья..

ИГОЛКИНЪ *(выходитъ изъ дверей направо).*

Здравствуйте, г-нъ Христіанъ!

ХРИСТІАНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте, г-нъ Иголкинъ! Какъ поживаете?

ИГОЛКИНЪ.

Хорошо, какъ видите. Веду себя, кажется, честно, потому, можетъ быть, что плутовать и случая нѣтъ.

ХРИСТІАНЪ.

О, я вамъ очень, очень благодаренъ — вы у меня такой добрый и смирный — сидите у насъ вотъ ужь почти два года, а отъ васъ никакого безпокойства нѣтъ — не такъ, какъ другіе: то дай, другое дай, комнату перемѣни, то хлѣбъ черствъ, то вода мутна...

ИГОЛКИНЪ.

Я не изъ прихотливыхъ; да мнѣ и все равно: если не на родинѣ — гдѣ ни быть...

ХРИСТІЯНЪ.

Ну, вотъ Богъ дастъ, вы и родину скоро увидите...

ИГОЛКИНЪ.

Какъ?

ХРИСТІАНЪ.

Тутъ, видите, весьма важное политическое обстоятельство; сказать всего нельзя... Нашъ Король, говорятъ... пожалуста, только... хочетъ помириться съ вашимъ Царемъ — хочетъ принудить его мириться, еслибы вашъ Царь не захотѣлъ!

ИГОЛКИНЪ (*улыбаясь*).

Принудить? Ну, такъ мы не скоро дождемся мира и мнѣ долго еще придется сидѣть въ тюрьмѣ...

ХРИСТІАНЪ.

Но, вѣдь вы сами, Рускіе, виноваты, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Можетъ быть — я въ царскія дѣла не мѣшаюсь.

ХРИСТІАНЪ.

О Полтавѣ мы до сихъ поръ, конечно, забили бы — тамъ былъ разсчетъ за Нарву: мы васъ поколотили, а вы насъ поподчивали — и довольно. Но потомъ вы все у насъ забрали — и Ригу, и Ревель, и Нейшанцъ, и Но-

тебургъ, и Кексгольмъ, а потомъ ужь пробрались и въ Финляндію... А о томъ ужь и не говорю, что вы на нашей землѣ стали городъ строить, и какой еще городъ — столицу!

ИГОЛКИНЪ.

Царь Петръ Алексѣевичъ строитъ свою столицу не на чужой, а на родной землѣ. Петербургъ Русская земля: на ней сражался нашъ святой князь Александръ Ярославичъ — предки наши купили ее своею кровью...

ХРИСТІАНЪ.

Ну, ну, если и такъ... Но вспомните-ка, что вы отняли у насъ и Стральзундъ и Померанію, и... и мало ли еще чего!

ИГОЛКИНЪ.

Правда; да нельзя же, г-нъ Христіанъ: вѣдь вы лѣтъ сотню владѣли нашимъ, такъ это маленькіе барышки... *(улыбаясь)* Рускіе ведутъ себя честно, а обсчитать себя однакожь никому не дадутъ...

ХРИСТІАНЪ.

Да, не въ счетѣ дѣло, а въ томъ, что считаться-то съ вами Рускими.. Охо, хо, хо!

Вѣдь вотъ теперь ужь вы и къ намъ безпрестанно въ гости жалуете... Знаете ли, что недавно даже въ виду Стокгольма появились Русскіе корабли?

ИГОЛКИНЪ.

Появились Русскіе корабли!

ХРИСТІАНЪ.

Да, да! Ну, а такое наглое дѣло вашего усатаго князя Долгорукаго! Какъ же это, скажите: повезли людей въ *Готенбургъ*, а они дорогой перевязали, да перебили нашихъ солдатъ, и на нашемъ кораблѣ уплыли въ *Петербургъ!*... Развѣ это одно и тоже?

ИГОЛКИНЪ (*тихо*).

За чѣмъ меня тамъ не было съ тобой, князь Яковъ Ѳедоровичъ! Лучше бы мнѣ положить тамъ мою голову за братію, нежели томиться здѣсь въ неволѣ...

ХРИСТІАНЪ.

Сами разсудите, что послѣ этого Королю нашему нельзя было не разсердиться и не посадить остальныхъ Рускихъ въ тюрьму. Вотъ и вамъ вѣдь съ тѣхъ поръ въ чужомъ миру

похмѣлье — вы сидите, какъ птичка въ клѣточкѣ, а вѣдь прежде вы свободно гуляли по Стокгольму...

ИГОЛКИНЪ.

Правда, правда, а теперь, г-нъ Христіанъ, я хотѣлъ бы просить васъ: позвольте мнѣ прогуляться хоть тутъ по крѣпостной стѣнѣ.

ХРИСТІАНЪ.

Охъ! мнѣ эти прогулки.... Вѣдь не велятъ, право... Да, вамъ нельзя отказать...

ИГОЛКИНЪ.

Мѣсто совершенно безопасное — убѣжать нельзя, да я и не захочу нарушить честнаго слова, которое далъ вамъ. Этого у насъ въ Русскомъ быту не водится.

ХРИСТІАНЪ.

Оно не то что убѣжать.... А иногда, знаете, приходятъ тѣмъ, кто долго сидитъ въ тюрьмѣ, такія странныя мысли: вотъ таки именно съ этой самой стѣны одинъ арестантъ бросился внизъ. Видите: тоска взяла, что сидитъ въ тюрьмѣ... Хорошо, что его самъ г-нъ Коммендантъ отпускалъ гулять, а отпусти его я — бѣда, да и только!...

ИГОЛКИНЪ.

Я на старости лѣтъ рукъ на себя не наложу и не промѣняю временнаго горя на вѣчное осужденіе. Семнадцать лѣтъ, какъ томлюсь я далеко отъ родины, и вотъ ужь два года сижу въ тюрьмѣ, и часто тяжко мнѣ бывало, но я молился, а не отчаявался — отчаяніе грѣхъ смертельный...

ХРИСТІАНЪ.

И что вамъ хочется теперь гулять по стѣнѣ? Вѣтеръ такой, сырость такая... То ли дѣло тутъ у васъ въ каюткѣ — тепло, спокойно...

ИГОЛКИНЪ.

Да, но оттуда я хоть на море раздольное смотрю и мнѣ становится легче; хоть съ волнами синя-моря могу я оттуда послать на святую Русь-матушку молитву и поклонъ; хоть птичкѣ перелетной могу я сказать: «Не на Русь ли православную летишь ты, птичка? Отнеси мой поклонъ церквамъ Москвы бѣлокаменной; отнеси его моему родимому Новугороду, святой Софіи; отнеси мое благословеніе моимъ дѣтушкамъ — прощебечи имъ, что ста-

рикъ Иголкинъ живъ еще, и молится за нихъ!»... *(тихо)* А можетъ быть — сквозь туманы синя-моря мелькнутъ передо мною корабли Русскіе, прогремитъ мнѣ вѣстью свободы Русская пушка!

ХРИСТІАНЪ.

Ну, ради такихъ *резоновъ* нельзя не позволить — только, пожалуста, если пойдетъ обходъ, такъ вы тотчасъ воротитесь; вѣдь нашъ Коммендантъ шутить не любитъ — такія строгости! Избави Богъ — я и здѣсь-то, въ этой залѣ, позволяю вамъ гулять потому только, что вы такой добрый...

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю. Я не введу васъ въ слово. *(Уходитъ въ корридоръ.)*

ХРИСТІАНЪ И МАРГАРИТА.

ХРИСТІАНЪ.

Смирный старикъ! Совсѣмъ на Рускихъ не походитъ, даромъ что съ бородой. И то сказать: не военный человѣкъ, да и двадцать лѣтъ прожилъ въ Швеціи...

СОЛДАТЪ (*входитъ посп҄ѣшно*).

Эй, г-нъ Христіанъ! Коммендантъ васъ требуетъ къ себѣ.

ХРИСТІАНЪ.

Что тамъ такое?

СОЛДАТЪ.

Не знаю.

ХРИСТІАНЪ.

Иди, иду! Вѣрно, новичка какого нибудь привели... Оно и кстати — столько теперь пустыхъ комнатъ, а это ни чуть не весело; и то ли дѣло, какъ всюду набито, вездѣ видишь народонаселеніе... Иду, иду! (*Уходитъ съ солдатомъ*).

МАРГАРИТА (*одна*).

А я его подожду — онъ вѣрно не замедлитъ воротиться, этотъ добрый старикъ... Мы съ нимъ опять поговоримъ о моемъ Густавѣ—я послушаю его разсказовъ о его дѣтяхъ, о женѣ, о томъ, что грустить не надобно, что Богъ за то награждаетъ насъ радостями...

НГОЛКИНЪ (*возвращается*).

Нѣтъ! Ничего не видать... Туманъ такой, что

въ двухъ шагахъ разглядѣть ничего невозможно… Шумитъ только море невидимо, какъ звѣрь лютый завываетъ… *(Садится.)*

МАРГАРИТА.

Здравствуйте, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Здравствуй, милая моя Маргаритушка!

МАРГАРИТА.

Вотъ я опять принесла вамъ бутылочку винца и еще кой-чего….

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю, благодарю! Ты меня, старика, балуешь, милая…

МАРГАРИТА.

Когда мнѣ мой Густавъ заказывалъ угождать вамъ; да вы же такой добрый… Право, я послѣ Густава васъ больше всѣхъ, кажется, на свѣтѣ люблю!

ИГОЛКИНЪ.

Ты что-то опять такая печальная!.. Видно о Густавѣ все еще нѣтъ вѣсти?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ!

ИГОЛКИНЪ.

Молись Богу, мой другъ, и на Него возложи надежду — Онъ наказуетъ насъ горемъ для того, чтобы мы укрѣплялись въ упованіи на его святую волю...

МАРГАРИТА.

Ахъ! г-нъ Иголкинъ... вѣдь два мѣсяца!

ИГОЛКИНЪ.

А мнѣ будто легче твоего, что я не вижу Густава? Вѣдь онъ былъ единственною моею отрадою — вѣдь только черезъ него слыхалъ я вѣсти о моихъ милыхъ, моихъ родныхъ... Богъ не оставитъ его за радости, какими онъ утѣшалъ меня, по Евангельскому слову: «Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте мя!»

МАРГАРИТА.

Онъ самъ тебѣ такъ благодаренъ...

ИГОЛКИНЪ.

За что? За то, что я былъ друженъ съ отцомъ его? Да, стыдно было мнѣ не любить этого добраго старика, съ которымъ мы такъ честно торговались лѣтъ двадцать! Или за

то, что я отдалъ ему сполна долгъ, когда объявили войну?

МАРГАРИТА.

Онъ раззорился бы безъ того. Онъ говоритъ, что ты отдалъ имъ все, что только у тебя было, и самъ безъ копѣйки остался.

ИГОЛКИНЪ.

Да, какъ же было не отдать? Вѣдь онъ вѣрилъ мнѣ на честное слово и росписки не бралъ съ меня!.. А послѣ того, сколько разъ онъ помогалъ мнѣ; и когда меня заключили сюда въ тюрьму—твой Густавъ, не боясь опасности, доставлялъ мнѣ письма отъ моихъ... нарочно познакомился съ отцомъ твоимъ; и видишь ли, милая, какъ Богъ награждаетъ доброе дѣло: безъ этого онъ не узналъ бы тебя, не полюбилъ бы тебя, не былъ бы съ тобою счастливъ...

МАРГАРИТА.

Ахъ! гдѣ-то онъ теперь!...

ИГОЛКИНЪ.

Не грусти мой другъ! Не изъ гордости укажу я тебѣ на себя. Видишь? Унываю ли я?.. А

подумай только, что ты еще не родилась, какъ я ужь былъ въ полону — разлученъ со всѣми, бродилъ плѣнниковъ по улицамъ Стокгольма... И чего не вытерпѣлъ я? О Боже, Боже праведный!.. Когда дошло сюда извѣстіе о Нарвской битвѣ, когда привезли сюда и генераловъ, и плѣнныхъ солдатъ нашихъ... Когда потомъ славный Царь нашъ по Русски расплатился за неудачу... Горе-то мы чувствовали здѣсь, на чужой землѣ, въ неволѣ, а не слыхали радостныхъ кликовъ, не дѣлили и торжества... Но, я виноватъ: забылъ, что говорю съ Шведкой.... Право, я привыкъ считать тебя моею родною... Вотъ и моему внуку Ванюшѣ теперь столько же лѣтъ... Охъ! хоть бы на старости, хоть бы передъ смертнымъ-то часомъ взглянуть мнѣ еще разъ на моихъ родныхъ, мою добрую старуху Прасковью, моего Сашу, моего Ванюшу...

МАРГАРИТА.

Дастъ Богъ, ты увидишь ихъ — вѣдь не вѣкъ будутъ воевать...

ИГОЛКИНЪ.

Да, и мнѣ-то вѣдь недолго остается жить на

бѣломъ свѣтѣ.... сокрушаетъ ретивое тоска кручина.... Эхъ! не молодые годы, не такъ какъ прежде... Судьба ты моя, судьба горемышная! хоть бы разочикъ поглядѣть мнѣ еще на святую Русь, хоть бы разъ еще услышать службу Божію православную, хоть бы во снѣ-то мнѣ приснились родимые берега Волховскіе и мать св. Софія золотоглавая.... Господи! твоя воля!.. *(звонятъ въ колоколъ.)*

МАРГАРИТА.

Ахъ! они опять идутъ — простите, г-нъ Иголкинъ, простите! Мнѣ и поговорить съ вами хорошенько не удалось — эти солдаты такіе грубіяны... *(Убѣгаетъ.)*

ИГОЛКИНЪ *(задумывается).*

Много времени протекло! Теперь въ сѣдомъ Иголкинѣ не узнали бы прежняго молодца Иголкина ни друзья, ни родные, не узналибы того, кто прежде на стѣну одинъ хаживалъ въ кулачныхъ бояхъ, и съ молоду не отставалъ за дружеской братиной, и заливался на звончатыхъ гусляхъ... Молодость, молодость! не такую старость обѣщала ты мнѣ — подрѣ-

зали пташкѣ крылья чужая сторона, да неволя! Не ропщи, старикъ — Божій судъ, Божія судьба! Царь Государь воюетъ за правое дѣло за честь и счастіе великой Русской земли. Не суетная слава заставила его взяться за мечъ, врученный ему Богомъ, да покоряетъ супостаты-... Охъ! и на него-то батюшку, Царя православнаго, хоть бы разъ еще взглянуть, на орла высоколета, сокола золотокрылаго... Помню я, какъ видѣлъ его, юнаго, когда былъ въ Москвѣ.... Чай теперь и онъ, родимый, состарѣлся... Велико дѣло править царствомъ, да какихъ еще бѣдъ не испыталъ ты, отецъ нашъ! И враги, и злодѣи, и море, и земля... Да, не поддался никому — настоящій Русскій Царь!... *(звонятъ.)* Что у нихъ опять такое? Будто дѣло дѣлаютъ! *(Садится въ сторонѣ, вынимаетъ маленькую книгу и читаетъ)* Утѣшительныя словеса, святыя рѣчи!...

ХРИСТІАНЪ, ОФИЦЕРЪ И СОЛДАТЫ.

ОФИЦЕРЪ.

Къ этой двери поставить двухъ часовыхъ!

(Ставятъ двухъ солдатъ пальпо) Никого туда не пускать! Это что за человѣкъ?

ХРИСТІАНЪ.

Русскій плѣнникъ.

ОФИЦЕРЪ.

Что жь онъ тутъ шатается? Зачѣмъ не въ своей канурѣ?

ХРИСТІАНЪ.

Онъ Русскій купецъ — старикъ, да и больной. Самъ г-нъ Коммендантъ его знаетъ и позволилъ ему быть въ этой залѣ... Смирный такой! Въ самомъ началѣ войны захватили его вмѣстѣ съ другими, когда онъ пріѣхалъ за торговымъ дѣломъ въ Швецію, а послѣ побѣга Долгорукаго посадили въ крѣпость, также вмѣстѣ съ другими.

ОФИЦЕРЪ.

А! Ну, чортъ съ нимъ! *(Иголкину)* Что у тебя за книга? Покажи! *(Иголкинъ показываетъ молча книгу).*

ОФИЦЕРЪ.

А! ну, сиди, да читай! — На право! Маршъ! *(Уходитъ съ солдатами и Христіаномъ.)*

ИГОЛКИНЪ *(читаетъ)*. Два солдата.

1-й солдатъ.

Что, братъ камрадъ?

2-й солдатъ.

А что?

1-й.

Да, ничего. Тутъ, спасибо, хоть присѣсть можно, да отдохнуть. *(садится)*.

2-й.

Смотри, чтобы не зашелъ капралъ.

1-й.

Тогда и выпрямимся! Эхъ! всѣ косточки, право, болятъ, а чорта два — служи, служи, да въ награду развѣ пули себѣ жди... Хоть бы выпить чего нибудь...

2-й.

Все же, камрадъ, наше дѣло выгоднѣе, нежели тѣхъ, кто съ Королемъ нашимъ бродитъ по заморскимъ землямъ...

1-й.

За то тамъ раздолье-то какое? Куда пришли — все наше: и вино, и гусь, и индѣйка, и хозяйка...

2-й.

мнѣ удалось только однажды побывать на войнѣ, въ Норвегіи.

1-й.

А я, камрадъ, такъ прошелъ таки землей и моремъ — попилъ, погулялъ, а непріятелей билъ, билъ — безъ счета... Особливо Русскихъ... То-то братъ, дрянь-то! Ха, ха, ха!

2-й.

Мужичье! Ха, ха, ха!

1-й.

Вѣдь только тѣмъ и берутъ они, что у нихъ города построены ледяные, да холодъ такой, что слова мерзнутъ, а что носы-то отморачивать, такъ это у нихъ ни почемъ — то и дѣло!

2-й.

Такъ стало ихъ и водить-то не за что? Ха, ха, ха!

1-й.

Что ихъ водить — ихъ гонять надобно лозами... Когда мы были подъ Полтавой, такъ и ружьевъ въ руки не брали, а просто палками дрались, да орѣхами стрѣляли...

ИГОЛКИНЪ (*тихо*).

Досталось вамъ тамъ на орѣхи, хвастунъ!

2-й.

Постой ка, камрадъ: вѣдь подъ Полтавой-то, кажется, намъ не совсѣмъ-то удалось? — Да ты развѣ тамъ былъ?

1-й.

Гдѣ я не былъ! Что ты говоришь: не удалось? Мы ихъ на голову разбили, и плѣнныхъ набрали столько, что дюжину Рускихъ по грошу продавали Туркамъ...

ИГОЛКИНЪ (*встаетъ.*)

Экой хвастливый враль! (*хочетъ идти*) Лучше уйдти... Хоть и вранье, а все таки досадно, что этому негодяю нельзя рта зажать... Руская кровь такъ вотъ и закипаетъ!

1-й.

Ихъ король то, или, какъ они называютъ, по своему, царь....

ИГОЛКИНЪ

Что онъ осмѣливается говорить о батюшкѣ Царѣ?

2-й.

Я слышалъ, что онъ трусъ...

1-й

Преестественный! Изъ подъ Нарвы онъ опрометью бѣжалъ, какъ услышалъ о приходѣ нашего Короля....

иголкинъ

Лжецъ подлый... Я не вытерплю!

1-й

И вотъ видишь, что я тебѣ объ немъ скажу, что онъ, кромѣ того что трусъ, да еще...

иголкинъ (*подходитъ къ нему.*)

Г-нъ служивый!

1-й

Ты что?

иголкинъ

Я Рускій, а потому не могу слышать твоихъ непристойныхъ рѣчей о моемъ Государѣ — пожалуста перестань!

1-й

Ахъ! ты, старый чортъ! Да какъ ты мнѣ смѣешь приказывать?

иголкинъ

Приказывать я не смѣю, а прошу тебя.

1-й

Плюю я на твои просьбы. Твой Царь воюетъ съ нашимъ Королемъ, а мы бранить его не смѣй!

ИГОЛКИНЪ

Не намъ съ тобой разбирать, за что и почему воюютъ между собой наши Государи, но порицать помазанника Божія грѣхъ, и подданный, который терпѣливо сноситъ оскорбительныя рѣчи о своемъ Государѣ — преступникъ!

1-й

Такъ ты и будь преступникомъ, а мнѣ не мѣшай — ха, ха, х !— Я тебѣ скажу, что Царь-то твой...

ИГОЛКИНЪ

Замолчи же говорю я тебѣ! Ты клеветникъ, лжецъ!

1-й *(вскакивая.)*

Клеветникъ? Ахъ! ты борода пустая!..

ОФИЦЕРЪ *(идетъ по коридору.)*

ИГОЛКИНЪ

Г-нъ офицеръ, г нъ офицеръ!

ОФИЦЕРЪ

Что тамъ такое?

ИГОЛКИНЪ

Позвольте мнѣ принести вамъ жалобу на ваших солдатъ.

ОФИЦЕРЪ

Что они тебѣ дѣлаютъ?

ИГОЛКИНЪ

Стоя здѣсь на часахъ, они ругаютъ насъ, Русскихъ....

ОФИЦЕРЪ

Ну?

ИГОЛКИНЪ

И осмѣливаются поносить непристойными словами моего Государя!

ОФИЦЕРЪ

Только?

ИГОЛКИНЪ

А развѣ этого мало? Вы благородный Шведъ — поставьте себя на моемъ мѣстѣ: еслибы кто осмѣлился непристойно говорить о вашемъ Королѣ...

ОФИЦЕРЪ

Я тому отрубилъ бы носъ и въ добавокъ обрубилъ бы уши. А ты какъ смѣлъ ввязываться?

ИГОЛКИНЪ

Вы сами меня оправдываете.

ОФИЦЕРЪ

Я Шведъ и офицеръ.

ИГОЛКИНЪ

Я Рускій и чести моего надежи-Государя никому не отдамъ! Умру, а не уступлю!

ОФИЦЕРЪ

Ахъ! ты, старый бородачъ, болтунъ! Убирайся къ чорту — я тебя велю отпотчивать фухтелями...

ИГОЛКИНЪ

Бей меня, не щади сѣдинъ моихъ, но я не дозволю ни имъ, ни тебѣ самому ругаться надъ моимъ Царемъ!

ОФИЦЕРЪ

Замолчи ты, сѣдая крыса! Ребята! вамъ будетъ на водку, какъ смѣнитесь. Спасибо, что усердны къ вашему Королю!

СОЛДАТЫ *(вытянувшись.)*

Благодаримъ, ваше благородіе!

(Офицеръ идетъ.)

ИГОЛКИНЪ (*останавливая его.*)

Г-нъ офицеръ! Я васъ прошу покорно... Я буду жаловаться коммендапту...

ОФИЦЕРЪ (*замахиваясь*).

Прочь ты, Русская харя!

ИГОЛКИНЪ

Брани меня — я плѣнникъ, а участь плѣнника горька и безотвѣтна; но ругательства на моего великаго Государя...

(*Офицеръ смѣется и уходитъ; солдаты хохочутъ.*)

1-й СОЛДАТЪ (*садится.*)

Что взялъ, старый хрычъ? Вотъ теперь ужь, съ позволенія его благородія, я скажу тебѣ...

ИГОЛКИНЪ (*горестно.*)

Уйду, уйду! Если онъ еще осмѣлится произнести одно слово.... Да, что я могу сдѣлать... бѣдный плѣнникъ? Царь Государь православный! прости меня — я ничего не могу сдѣлать... Но совѣсть моя теперь чиста!

(*Идетъ въ свою комнату*).

1-й СОЛДАТЪ (*нарочно громко*).

И вотъ еще, напримѣръ сказать, Царь этотъ, когда онъ затѣялъ войну, противъ всѣхъ усло-

вій, забывши, что онъ на колѣняхъ стоялъ передъ Турецкимъ Визиремъ...

ИГОЛКИНЪ *(внѣ себя)*.

Клеветникъ! Ругатель!... Если ты не замолчишь — я оторву тебѣ голову моими руками!

1-й СОЛДАТЪ *(насмѣшливо)*.

Что? что? — Да я и Царю-то твоему:...

ИГОЛКИНЪ *(дрожа отъ ярости)*.

Богъ, укрѣпившій руки Сампсона на Филистимлянъ и отрока Давида на Голіаөа, укрѣпи и благослови раба твоего — за Царя православнаго!

(Онъ бросается на солдатъ, выхватываетъ ружье у перваго солдата; тотъ падаетъ; второй устремляется на Иголкина; онъ колетъ его штыкомъ, потомъ колетъ перваго).

2-й СОЛДАТЪ *(падая.)*

Ой, ой! помогите, помогите!

ИГОЛКИНЪ

Тако да погибнутъ мыслящіи злая!.. Господи! не вмѣни мнѣ во грѣхъ смерти ихъ!

1-й СОЛДАТЪ

Помогите! *(Умираетъ).*

ОФИЦЕРЪ *(вбѣгая)*:

Что это? Ахъ! чортъ побери!

(Убѣгаетъ. Звонитъ въ корридорѣ.)

ИГОЛКИНЪ

Ругатели Царя моего наказаны!... Ура, Иголкинъ!.. Теперь — Господи, благодарю тебя! Теперь хоть испить чашу смертную, благословляя моего Государя православнаго!

(Ставитъ ружье и спокойно садится.)

ХРИСТІАНЪ, ОФИЦЕРЪ, СОЛДАТЫ.

ОФИЦЕРЪ

Что это? Онъ убилъ обоихъ солдатъ! Ты убилъ ихъ?

ИГОЛКИНЪ

Да.

ВСѢ

Какъ? Ты?

ИГОЛКИНЪ

Да, я убилъ ихъ, я, Русскій купецъ Иголкинъ — отмстилъ за честь моего Государя, и — се лежатъ глаголавшіе зло!

ОФИЦЕРЪ

Бѣгите поскорѣе къ коммендашту! Что ты сдѣлалъ, старый злодѣй?

ИГОЛКИНЪ

Кто не сдѣлалъ бы этого на моемъ мѣстѣ, тотъ былъ бы — *не Рускій*, отступникъ чести и присяги своей, а отъ такихъ выродковъ заморскихъ сохрани Господь Русь православную!

ХРИСТІАНЪ

Ахъ! да, я и... и... не опомнюсь... Г-нъ Иголкинъ! вы убили двухъ солдатъ?

ОФИЦЕРЪ

Купчишка проклятый!

ИГОЛКИНЪ

Суди — много ли надобно было ихъ на одну руку Русскому солдату, если я, старый купчишка, управился голыми руками съ двумя вооруженными вашими солдатами...

ОФИЦЕРЪ

Схватите его! Что вы его боитесь?

ИГОЛКИНЪ

Чего меня бояться! Теперь меня и ребенокъ одолѣетъ... Ну, да хоть окуйте меня на всякій случай!

(Солдаты окружаютъ его, уставивъ штыки).

ОФИЦЕРЪ

Не колите, не колите его! Поберегите его для суда и казни!

КОММЕНДАНТЪ (вбѣгая.)

Боже мой! какое ужасное происшествіе!

ОФИЦЕРЪ.

Честь имѣю донести вашему превосходительству, что этотъ Русскій плѣнникъ злоумышленно умертвилъ двухъ солдатъ, стоявшихъ здѣсь на караулѣ.

КОММЕНДАНТЪ

Одинъ? безоружный? двухъ вооруженныхъ? Возможно ли!... Какъ: это ты, Иголкинъ? Я не вѣрю глазамъ моимъ!

ИГОЛКИНЪ

Тамъ два трупа, ваше превосходительство.

КОММЕНДАНТЪ

Ты, человѣкъ старый, кроткій — ты убилъ двухъ солдатъ?

ИГОЛКИНЪ

Богъ подкрѣпилъ руку мою!

КОММЕНДАНТЪ

На подлое убійство!

ИГОЛКИНЪ

Видитъ Богъ, что въ сердцѣ не было и нѣтъ ни малѣйшей злобы. Двое этихъ солдатъ осмѣлились ругать и поносить Царя моего; я уговаривалъ ихъ перестать — они не слушали; я призвалъ вотъ этого г-на офицера — онъ похвалилъ еще ихъ поступокъ; солдаты продолжали ругательства — я наказалъ ихъ — вырвалъ изъ рукъ ихъ оружіе, которое они не достойны были носить, и положилъ ихъ на мѣстѣ. Присяга и совѣсть, не гнѣвъ и не безумная ярость заставили меня умертвить ихъ. Если поступокъ мой считаете вы виновнымъ — жизнь моя въ вашихъ рукахъ!

(Всѣ въ изумленіи).

КОММЕНДАНТЪ

Г-нъ офицеръ!

ОФИЦЕРЪ

Онъ лжетъ. . онъ мнѣ не говорилъ ничего... онъ пьянъ...

ИГОЛКИНЪ.

Жаль же, что и ты не попался мнѣ подъ руку... Хорошо! Положимъ, что я тебѣ ничего не говорилъ...

КОММЕНДАНТЪ (*Офицеру*).

Г-нъ поручикъ! отдайте шпагу! Такіе безпорядки... Христіанъ!

ХРИСТІАНЪ

Помилуйте!...

ИГОЛКИНЪ

Ваше превосходительство! не дѣлайте никого изъ-за меня несчастными; никто не виноватъ — дѣло ясное: я убилъ ихъ и не запираюсь, и если вы почитаете меня достойнымъ казни — казните меня!

КОММЕНДАНТЪ.

Оставьте насъ однихъ съ плѣнникомъ... Идите, говорю я, и дожидайтесь тамъ моихъ приказаній. (*Всѣ выходятъ*). Иголкинъ! я врагъ твой, но я понимаю высокія побужденія и всѣ обстоятельства твоего поступка. Ты убійца моихъ земляковъ, ты преступникъ, но — ты великій человѣкъ, ты герой! Дай мнѣ свою руку!

ИГОЛКИНЪ.

Не знаю, что вы находите геройскаго въ моемъ поступкѣ. Въ присягѣ моему Государю я клялся защищать его святую главу и его

священное имя отъ всякаго зла, и исполнилъ свою присягу.

КОММЕНДАНТЪ.

Но ты погибъ! Тебя — казнятъ...

ИГОЛКИНЪ.

И это вы называете погибелью? Возмите временную жизнь мою, но есть еще жизнь; и если вы казните меня, тамъ ждетъ меня пальма страдальца за честь и величіе помазанника Божія...

КОММЕНДАНТЪ.

Но кто узнаетъ, кто оцѣнитъ твой поступокъ?

ИГОЛКИНЪ.

Не узнаютъ его люди, но его видитъ Богъ. А можетъ быть, и добрые люди вспомнятъ Иголкина; можетъ быть, и надежа-Государь о томъ услышитъ... и изъ его очей покатится слеза жемчужная въ память бѣднаго Иголкина... «Онъ легъ за меня костьми — не посрамилъ земли Русской въ плѣну и въ заточеніи,» скажетъ онъ. О! за такую награду, кто, кто не понесетъ ста жизней на жертву!... Казните меня, рвите мое дряхлое тѣло на куски, бросьте псамъ на съѣденіе трупъ мой — по гласу

Архангела воззовется персть моя передъ престолъ Божій и Иголкинъ станетъ одесную Бога!... И за такого Царя, каковъ нашъ, не положить головы моей, за него, побѣдоносца, спасителя, избранника Божія...

КОММЕНДАНТЪ *(утирая слезу.)*

Стыдись, старикъ, ты плачешь.... Послушай, г-нъ Иголкинъ — я могу спасти тебя. Притворись безумнымъ; мы скажемъ, что у тебя бѣлая горячка, что солдаты хотѣли связать тебя и ты убилъ ихъ сопротивляясь...

ИГОЛКИНЪ.

Я унижу себя ложью передъ моею смертью? Вы шутите, г-нъ коммендантъ!

КОММЕНДАНТЪ.

Но тогда ты останешься живъ.

ИГОЛКИНЪ.

Осужденный на имя безумца? А на что мнѣ тогда жизнь? Да, что вы такъ дорожите моею жизнью? Если совѣсть ваша не мирится съ закономъ — судите меня по совѣсти, а не то осуждайте, забывши совѣсть — это уже не мое дѣло!

КОММЕНДАНТЪ.

Но вообрази слѣдствія: Король строгъ и вспыльчивъ. Этотъ офицеръ вѣтреный молодой человѣкъ, но онъ сынъ знатныхъ родителей — онъ пострадаетъ жестоко; тюремщикъ можетъ погибнуть — тебя разстрѣляютъ черезъ нѣсколько часовъ — я самъ... такіе безпорядки — Король не проститъ меня....

ИГОЛКИНЪ.

Васъ, офицера и тюремщика мнѣ жаль, да то ваше дѣло. Оправдывайте себя, лгите, а я не хочу. Ложь грѣхъ!

КОММЕНДАНТЪ.

Упрямый старикъ!... Дай мнѣ пожать твою руку, хоть на ней Шведская кровь...

(Ходитъ въ нерѣшительности).

ИГОЛКИНЪ *(садится и вынимаетъ книгу.)*

«Больше сея любы нѣсть, еже душу свою положити за други своя...

КОММЕНДАНТЪ.

Эй! сюда!

ХРИСТІАНЪ И СОЛДАТЫ *(входятъ).*

КОММЕНДАНТЪ.

Оковать преступника *(налагаютъ цѣпи на Иголкина)*, но не оскорблять его и запереть въ его комнату — допросъ его произведется немедленно. — Иголкинъ! приготовься къ смерти...

(Иголкина уводятъ въ его комнату направо. Коммендантъ уходитъ съ солдатами).

ХРИСТІАНЪ *(одинъ).*

Ну! передрогло мое сердечушко, ажно и теперь не опомнюсь! Онъ, такой смирный, добрый, старый человѣкъ? И за что? Что онъ тутъ такое толковалъ? Хорошо, что еще г-нъ коммендантъ самъ лично позволялъ ему свободу, а то этакъ — допусти его я... Ухъ! дрожь беретъ — пойду, выпью немножко... Ахъ! какой народъ эти Руские — точно медвѣди! — Этакъ онъ изковеркалъ ихъ!... Ну, диво ли, что Руские поколотили нашего Короля. . Ай! ай! ай!

(Маргарита вбѣгаетъ).

ХРИСТІАНЪ *(вытягиваясь).*

Право, я ничего не говорилъ, ваше благоро-

діе, ваше превосходительство! ничего не говорилъ!

МАРГАРИТА.

Батюшка!

ХРИСТІАНЪ.

Это ты? Тьфу, пропасть — со страху ты показалась мнѣ коммендантомъ!

МАРГАРИТА.

Живы ли вы? Что такое сдѣлалось?

ХРИСТІАНЪ (*щупая себя*).

Кажется, живъ, а ужь больше ничего не спрашивай.

МАРГАРИТА.

Во всей крѣпости такая сумятица — народъ бѣжитъ сюда — велѣли запереть крѣпостныя ворота — говорятъ, ворвались Рускіе...

ХРИСТІАНЪ.

Куда тебѣ — хуже! Иголкинъ, нашъ пріятель, этотъ добрый старичекъ надѣлалъ всѣ эти проказы...

МАРГАРИТА.

Иголкинъ! Гдѣ же онъ теперь?

ХРИСТІАНЪ.

Его оковали и посадили опять на прежнее мѣсто, пока разстрѣляютъ.

МАРГАРИТА.

Его разстрѣляютъ! За что же, батюшка?

ХРИСТІАНЪ.

Дура! слышишь: онъ зарѣзалъ двухъ коммендантовъ — тьфу, бишь — двухъ солдатъ...

МАРГАРИТА.

Въ умѣ ли вы, батюшка?

ХРИСТІАНЪ.

Да, Богъ знаетъ, и до сихъ поръ не опомнюсь — пойду выпью... *(Уходитъ).*

(Становится темно).

МАРГАРИТА *(одна.)*

Что онъ говоритъ? Иголкинъ, нашъ добрый старичекъ, другъ Густава — его разстрѣляютъ... онъ убилъ? Это наклеветали, налгали на него...

ГУСТАВЪ *(вбѣгаетъ).*

Маргарита!

МАРГАРИТА.

Густавъ, милый другъ! Откуда ты? Здоровъ ли ты?

ГУСТАВЪ.

Только что пріѣхалъ и тотчасъ прибѣжалъ къ тебѣ...

МАРГАРИТА.

Ахъ! какъ я рада! Гдѣ ты былъ такъ долго?

ГУСТАВЪ.

Теперь не до того, милый другъ. Ради Бога, Маргарита — скажи, любишь ли ты меня?

МАРГАРИТА.

Люблю ли я тебя?

ГУСТАВЪ.

Помоги же мнѣ, ради Бога! Ты слышала: Иголкинъ, благодѣтель мой, другъ отца моего, добрый, почтенный нашъ Иголкинъ...

МАРГАРИТА.

Онъ убилъ солдата — его хотятъ разстрѣлять... Ахъ! какъ страшно, Густавъ!

ГУСТАВЪ.

Я все слышалъ, все знаю — Иголкинъ... онъ не убійца... *(въ сторону)*. Какъ растолковалъ ей? *(Маргаритѣ)* Если бы онъ и былъ виноватъ — его надобно спасти... Ты мнѣ посо-

бишь.... только повидаться съ нимъ, поговорить...

МАРГАРИТА.

Да, вѣдь говорятъ, что онъ...

ГУСТАВЪ.

Все это вздоръ, клевета — поспѣши поскорѣе — гдѣ онъ теперь? Надобно достать ключъ... Маргарита! ты не любишь меня...

МАРГАРИТА.

Ахъ! очень люблю, да боюсь — если батюшка узнаетъ — если тебя схватятъ...

ГУСТАВЪ.

Никто не узнаетъ — пойдемъ... Посмотри, посмотри — вотъ и судьи идутъ!...

(Онъ и Маргарита прячутся въ уголокъ. Двое СУДЕЙ *и* СЕКРЕТАРЬ *слѣдуютъ за* ХРИСТІАНОМЪ, *который уже довольно пьянъ и несетъ фонарь.* СОЛДАТЫ *съ факелами, становятся у дверей тюрьмы Иголкина. Христіанъ отпираетъ двери. Судьи и Секретарь входятъ въ тюрьму).*

ХРИСТІАНЪ И СОЛДАТЫ.

ХРИСТІАНЪ.

Ну, если появились эти черныя платья — пло-

хое дѣло, и когда они появились, такъ ужъ значитъ, что человѣку долго не жить — то есть, недолго жить, и то есть — пора отправляться въ дорогу — прощай, не поминай лихомъ! А я не виноватъ — вы сами, ваше превосходительство, приказали выпить — вы приказали — поди, Христіанъ, выпей — я и выпилъ, только для куражу, а дѣло не забываю. То есть, тутъ теперь, изволите видѣтъ — выпилъ...

(Маргарита и Густавъ между тѣмъ переговаривали знаками. Онъ выходитъ тихонько въ корридоръ).

МАРГАРИТА *(Христіану)*.

Батюшка! тамъ васъ ждутъ, спрашиваютъ.

ХРИСТІАНЪ.

Кто спрашиваетъ?...

МАРГАРИТА.

Да, кажется, г-нъ коммендантъ!

Слышенъ шумъ. Она прячется въ уголъ и тихонько убѣгаетъ).

ХРИСТІАНЪ *(бодро вытягиваясь)*.

Ваше превосходительство!

КОММЕНДАНТЪ И БАРОНЪ ГЕРЦЪ.

ГЕРЦЪ.

Мнѣ надобно рѣшительно поговорить съ вами, баронъ. Въ какомъ положенiи дѣло этого Русскаго купца, который убилъ солдатъ?

КОММЕНДАНТЪ.

Въ самомъ плохомъ, баронъ. Судьи теперь у него для отобранiя послѣднихъ свѣдѣнiй — вотъ и они...

СУДЬИ И СЕКРЕТАРЬ *(выходятъ)*.

КОММЕНДАНТЪ.

Что говоритъ преступникъ?

СУДЬЯ.

Подтверждаетъ прежнiя показанiя и показываетъ совершенную нераскаянность.

КОММЕНДАНТЪ.

Идите въ судейскую. Я тотчасъ туда буду.

ГЕРЦЪ.

Прикажите всѣмъ удалиться, баронъ.

КОММЕНДАНТЪ.

Кажется, между нами не можетъ быть тайнъ?

ГЕРЦЪ.

Прошу васъ!

КОММЕНДАНТЪ.

Оставьте насъ. *(всѣ уходятъ кромѣ Христіана)* Пошелъ вонъ!

ХРИСТІАНЪ.

Не могу — не смѣю!

КОММЕНДАНТЪ.

Пошелъ вонъ, говорятъ тебѣ. *(Христіанъ пробирается въ корридоръ)* Что вы хотѣли говорить мнѣ, баронъ?

ГЕРЦЪ.

Что вы хотите дѣлать съ преступникомъ?

КОММЕНДАНТЪ.

Поступить по законамъ — его разстрѣляютъ немедленно, за нарушеніе порядка и дисциплины.

ГЕРЦЪ.

Я васъ прошу отсрочить казнь его.

КОММЕНДАНТЪ.

Мнѣ отдано строжайшее королевское повелѣніе о соблюденіи порядка и дисциплины. Я не могу его нарушить.

ГЕРЦЪ.

Я прошу отсрочить казнь плѣнника до полу-

ченія особеннаго королевскаго повелѣнія. Дѣло необыкновенное. Преступникъ не подлежитъ вашему суду: онъ не военный....

КОММЕНДАНТЪ.

Я вамъ докажу, что *подлежитъ*. Ваше вмѣшательство въ дѣло только ускоритъ смерть его. И безъ того распоряженія ваши много отбили уже власти у нашихъ военныхъ судей и государственныхъ чиновъ.

ГЕРЦЪ.

Несчастная война довольно доказала, что не всегда можно слѣдовать совѣтамъ людей военныхъ...

КОММЕНДАНТЪ.

Лучше погибнуть всѣмъ, нежели заключать договоры постыдные!...

ГЕРЦЪ.

Оставимъ-те споры. Разсудите, баронъ, что смерть этого плѣнника, какое бы ни было его преступленіе, раздражитъ Русскаго Царя... Вы знаете, что у насъ начались уже мирные переговоры, и мы должны избѣгать всѣхъ новыхъ поводовъ къ войнѣ...

КОММЕНДАНТЪ.

Вы, а не Король и не Швеція ведутъ эти переговоры...

ГЕРЦЪ.

Я дѣйствую съ воли Короля.

КОММЕНДАНТЪ.

Котораго успѣли вы уговорить къ миру.

ГЕРЦЪ.

Упорство было безполезно. И безъ того мнѣнія людей... вамъ подобныхъ — храбрыхъ, какъ шпага, но и...

КОММЕНДАНТЪ.

И глупыхъ, какъ шпага? Договорите, баронъ!

ГЕРЦЪ.

Вы приняли на себя этотъ трудъ. Но, повторяю, оставимъ споры — послѣдствія оправдаютъ, кто былъ правѣе...

КОММЕНДАНТЪ.

Я исполняю долгъ мой. Поймете ли вы, что по совѣсти я оправдываю этого храбраго Русскаго купца — буду плакать, подписывая его приговоръ, но — законъ неумолимъ! Онъ будетъ разстрѣлянъ и — немедленно. Я долженъ сдѣлать это, даже для успокоенія наро-

да, который шумитъ и тревожится. А политика, баронъ, не мое дѣло. Прощайте!

ГЕРЦЪ.

Я отправилъ уже курьера къ Королю, да его и безъ того ждали съ часу на часъ. Прошу васъ, баронъ... Я ручаюсь вамъ, что Король не подтвердитъ вашего приговора.

КОММЕНДАНТЪ.

Вы слишкомъ много надѣетесь на власть вашу надъ Королемъ.

ГЕРЦЪ *(въ сторону.)*

И эти люди владѣли прежде волею Короля! *(громко)* Дѣло остается на вашей отвѣтственности!

КОММЕНДАНТЪ.

Не на вашей, баронъ, не бойтесь, а я свою обязанность знаю.

ГЕРЦЪ.

Воля Короля....

КОММЕНДАНТЪ.

Не вы ли тотъ сапогъ, который обѣщалъ нашъ Король прислать для управленія нами?

ГЕРЦЪ.

Вы забываетесь, баронъ! Вы забываете мое званіе...

КОММЕНДАНТЪ.

Я обязанъ помнить только долгъ свой.

ГЕРЦЪ.

Хорошо, М. Г., поступайте, какъ вамъ угодно: вы отвѣчаете мнѣ за обиду и послѣдствія...

(Онъ уходитъ.)

КОММЕНДАНТЪ *(одинъ.)*

Краснобай! Золотой дипломатъ, съ шпилькой вмѣсто шпаги! Стану я слушаться твоихъ дипломатическихъ тонкостей — я, сослуживецъ Карла XI. Онъ хочетъ мириться съ Русскимъ Царемъ! Онъ боится гнѣва его... Пожалуй, они и помирятся, а я не успѣю и порохомъ подышать!... И безъ того семнадцать лѣтъ идетъ война, а я сижу въ этой крѣпости, какъ баба, и — умереть здѣсь, и пережить позоръ моей отчизны — видѣть, какъ Руские въ глазахъ нашихъ жгутъ наши города, къ Стокгольму подходятъ, и Царь ихъ съ четырьмя флотами готовитъ высадки; и ужь мужикъ

Русскій становится выше Шведскихъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ... Для чего не таковы стали вы, Шведы? Штенбокъ, Левенгауптъ... Этотъ мужикъ, котораго и память исчезнетъ съ позоромъ — онъ выше васъ — онъ герой!.. Еслибы этотъ дипломатъ за него не заступился... Бояться огорчить непріятеля... Иголкинъ умретъ!

(*Уходитъ*).

ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА (*входятъ осторожно*).

МАРГАРИТА.

Ахъ! слышалъ ли ты? Онъ не послушался даже министра!

ГУСТАВЪ.

Поспѣшимъ! Отецъ твой тамъ сидитъ и храпитъ... Возми у него ключъ!

МАРГАРИТА (*подходитъ къ двери тюрьмы*).

Она не заперта!

ГУСТАВЪ.

Какое счастье! Они забыли запереть замокъ... Слава Богу! (*Отворяетъ дверь*). Онъ молится! Посмотри, посмотри, какъ свѣтло, какъ ожи-

влено лицо его!... О, смерть добродѣтельнаго прекрасный вечеръ прекраснаго дня!.. Но время дорого!... Г-нъ Иголкинъ!

ГОЛОСЪ ИГОЛКИНА.

Кто зоветъ меня!

ГУСТАВЪ.

Это я, Густавъ!

ИГОЛКИНЪ (*выходитъ*).

Добрый Густавъ! Какъ? Ты здѣсь? Давно ли? (*улыбаясь.*) Ну, теперь Маргарита грустить перестанетъ!

МАРГАРИТА.

Ты помнишь обо мнѣ въ такую страшную минуту!

ИГОЛКИНЪ.

Страшную минуту? Чѣмъ же она страшна, дитя мое?

МАРГАРИТА.

Вѣдь тебя ужъ осудили на смерть!

ИГОЛКИНЪ.

Когда я родился, тогда еще былъ я на нее осужденъ. Осудили, говоришь ты? Да будетъ воля Божія! Благодарю Господа за то, что такой кончины Онъ сподобляетъ меня!

ГУСТАВЪ.

Неужели тебѣ не жаль разстаться съ тѣмъ, что было тебѣ такъ мило и дорого...

ИГОЛКИНЪ.

Господь! благослови ихъ...

ГУСТАВЪ.

Я принесъ тебѣ добрую вѣсточку...

ИГОЛКИНЪ (*радостно.*)

Вѣсточку? Отъ нихъ?

ГУСТАВЪ.

Письмо, которое долго залежалось у нашего общаго пріятеля въ Ревелѣ...

ИГОЛКИНЪ.

Подай, подай его! (*Схватываетъ и читаетъ письмо*).
«Милостивый государь дѣдушка! Симъ тебѣ, «государю, кланяюсь до сырой земли и про«шу твоего заочнаго родительскаго благосло«венія. А мы тебя, государь дѣдушка, ждемъ «не дождемся, и надѣемся...»

(*Закрываетъ лицо руками*).

Не надѣйтесь — не дождаться вамъ меня, други мои, не дождаться — не видаться намъ до радостнаго свиданія — *не здѣсь!*

ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА.

Г-нъ Иголкинъ! Почтенный другъ нашъ!

ИГОЛКИНЪ.

Эхъ! слабость человѣческая... Согрѣшилъ я, окаянный! Когда полагалъ я, что все суетное мною уже забыто, когда приготовилъ себя молитвою къ великому переходу — сердце мое болитъ и разрывается! Летитъ душа моя не въ небо а на землѣ она остается, у родныхъ она гоститъ и витаетъ среди нихъ, какъ голубица пустынная... О! прискорбна, душа моя, прискорбна...

ГУСТАВЪ.

Мой другъ и благодѣтель! Ты можешь быть спасенъ.

ИГОЛКИНЪ.

Что ты говоришь? Спасенъ?

ГУСТАВЪ.

Я все припасъ къ твоему побѣгу. — Здѣсь на стѣнѣ виситъ веревочная лѣстница — внизу я приготовилъ лодку — тебя перевезутъ — тамъ ты переодѣнешься — я спрячу тебя у моихъ родныхъ и найду случай переправить

въ Данію... Ради Бога, согласись — дай мнѣ средство доказать тебѣ мою благодарность...

МАРГАРИТА.

Пожалуста, г-нъ Иголкинъ!

ИГОЛКИНЪ.

Густавъ! за что ты любишь и благодаришь меня?

ГУСТАВЪ.

Ты... благодѣтель мой... Ты училъ меня добру...

ИГОЛКИНЪ.

Развѣ я училъ тебя когда нибудь хитрить, лгать и обманывать?... Ты не отвѣчаешь?... Молодой человѣкъ! развѣ не видишь ты, что побѣгъ отсюда невозможенъ?

ГУСТАВЪ.

Нѣтъ! можно, можно...

ИГОЛКИНЪ.

Благодарю тебя, благодарю, что принесъ мнѣ послѣднюю земную радость при дверяхъ гроба, но не стыдно ли тебѣ даже и то, что ты обманомъ прокрался ко мнѣ! Вы, вѣрно, напоили старика Христіана?

МАРГАРИТА.

Нѣтъ! Онъ самъ подгулялъ, и спитъ теперь, вонъ тамъ!

ИГОЛКИНЪ.

Хорошо, я убѣгу—а Маргарита, а отецъ ея? Вѣдь его казнятъ за мой побѣгъ?

МАРГАРИТА.

Ахъ! Густавъ! Ты мнѣ не сказалъ!...

ИГОЛКИНЪ.

Не бойся, милая — я не убѣгу — я не посрамлю моего праваго дѣла, не покрою стыдомъ сѣдинъ моихъ, не обезславлю Русскаго имени — не заставлю другихъ проклинать меня...

ГУСТАВЪ (*на колѣняхъ*).

Ты праведникъ! Благослови, благослови меня!

ИГОЛКИНЪ.

О, дай мнѣ въ лицѣ твоемъ обнять всѣхъ дѣтей моихъ, внуковъ моихъ, родныхъ моихъ... Юноша! слушай и исполни завѣтъ мой послѣдній: когда не будетъ меня, не устыдись коснуться моего обезславленнаго трупа — сними съ него этотъ мѣдный крестъ, который надѣли на меня при моемъ рожденіи, который

былъ со мною во все время моего тяжкаго плѣна, которому буду я молиться въ минуту смерти моей и на которомъ охолодѣютъ уста мои .. Сними его — отошли его на Русь матушку, къ женѣ моей, къ дѣтямъ, къ внукамъ. Скажи имъ... А можетъ быть, ты и увидишь ихъ когда нибудь... Скажи имъ... что тебѣ ввѣрилъ я мое послѣднее имъ благословеніе ....Пусть не плачутъ они обо мнѣ — пусть только помянутъ меня по христіански — будутъ добрыми, боятся Бога, и — не жалѣютъ живота за Царя и Отечество...

ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА.

Ахъ! другъ нашъ! *(обнимаютъ его).*

ИГОЛКИНЪ.

Довольно. Прошло земное. Готовъ, Господи, готовъ! Готово сердце мое, готово, Боже!

(Барабанный бой).

(Густавъ и Маргарита съ ужасомъ вскрикиваютъ и бѣгутъ въ сторону. Иголкинъ спокойно идетъ въ тюрьму свою. Барабанный бой.)

ХРИСТІАНЪ *(вбѣгаетъ въ испугѣ).*

Ай, ай, ай! Да что это? Гдѣ ключъ? Дверь

незамкнута! Онъ ушелъ — пропала моя голова! *(съ робостію заглядываетъ)* Тутъ! Ахъ! какой почтенный, милый человѣкъ... Вотъ ужь настоящій другъ!...

КОММЕНДАНТЪ, СУДЬИ, СЕКРЕТАРЬ, СОЛДАТЫ *(входятъ)*, ГУСТАВЪ И МАРГАРИТА, *въ сторонѣ, на колѣняхъ, молятся. Дверь тюрьмы отпираютъ.* ИГОЛКИНЪ *выходитъ. Съ него снимаютъ цѣпи.*

Безмолвіе.

КОММЕНДАНТЪ *(скрывая свое чувство).*

Не имѣешь ли ты чего завѣщать передъ смертью?

ИГОЛКИНЪ.

Боже! благослови мое отечество, спаси Царя, покори подъ ноги его враги и супостаты! Вотъ мое завѣщаніе. Ведите меня!

(Онъ складываетъ руки на грудь, молится и спокойно идетъ. Солдаты слѣдуютъ за нимъ).

ГЕРЦЪ *(вбѣгаетъ поспѣшно.)*

Остановитесь, остановитесь! Онъ помилованъ! Писать приказа было некогда, но я клянусь

вамъ моею честью.... Самъ Король скачетъ сюда!

ГУСТАВЪ (*радостно*).

Помилованъ! Остановитесь, остановитесь! (*убѣгаетъ*).

КОММЕНДАНТЪ.

Его Величество жалуетъ самъ?

(*Барабанный бой.*)

ТѢ ЖЕ И КАРЛЪ XII-й.

КАРЛЪ.

Гдѣ Русскій плѣнникъ?

(Иголкинъ *возвращается. Его окружаютъ* Густавъ, Маргарита и солдаты.)

КАРЛЪ (*долго смотритъ на Иголкина*).

Ты поступилъ славно!

ИГОЛКИНЪ.

Я исполнилъ долгъ свой.

КАРЛЪ.

Я тебя прощаю.

ИГОЛКИНЪ.

Нѣтъ Государь! Вы также исполняете только

долгъ свой — прощаютъ преступниковъ, а я не преступникъ!

КАРЛЪ.

Браво! Хороши мои, да и эти молодцы! Герцъ! смерти его я никогда бы себѣ не простилъ, но, вы, коммендантъ, поступали, какъ слѣдовало. Дайте руку! *(смѣется)* Вы хотите драться? Вы ѣдете со мною — мы будемъ вмѣстѣ драться. А шпага перу не помѣха — дайте руку Герцу.

КОММЕНДАНТЪ.

Государь!.. Баронъ! простите меня!

(Онъ обнимаетъ Герца).

КАРЛЪ.

Герцъ! ты отправляешься немедленно на Аландъ. Возми съ собою этого старика; скажи брату моему Петру, что я посылаю ему дорогой подарокъ... Если у него есть въ запасѣ еще нѣсколько такихъ стариковъ — мы кое что успѣемъ сдѣлать вмѣстѣ....

ИГОЛКИНЪ.

Ты хочешь мириться съ моимъ Государемъ? Ты мнѣ даешь свободу, Государь?

КАРЛЪ.

Слуга покорный! Такого забіяку оставить въ Стокгольмѣ: ты еще перебьешь у меня дюжины двѣ солдатъ, а мнѣ они надобны противъ Датчанъ. Вѣдь они не всѣ такіе негодяи, какъ тѣ, которыхъ ты вычеркнулъ изъ списка. Съ братомъ Петромъ мы покажемъ, что Рускіе и Шведы стоятъ другъ друга. Кланяйся ему, старикъ.... Дай руку — молодецкая, желѣзная рука!

ИГОЛКИНЪ (*улыбаясь*).

Русская рука, Ваше Величество, которая на себя охулы не положитъ...

КАРЛЪ (*смѣется*).

Братъ Петръ успѣлъ убѣдить меня въ томъ — я не вѣрилъ прежде, и за увѣреніе заплатилъ недешево. Герцъ! ты придешь ко мнѣ: — старику я приготовлю въ дорогу гостинецъ... Баронъ Аделькрейцъ! пойдемте!

(*уходитъ*).

КОММЕНДАНТЪ.

Иголкинъ! дай обнять себя! Ты зайдешь проститься со мною?

(*Онъ обнимаетъ его и уходитъ за Королемъ*).

ГЕРЦЪ.

Готовы ли вы въ путь, г-нъ Иголкинъ?

ИГОЛКИНЪ.

Готовъ ли я? *(Густавъ и Маргарита бросаются въ его объятія.)* Видите ли, какъ я люблю васъ... Мнѣ отдали жизнь, честь, свободу — я ѣду на святую Русь, а мнѣ грустно разставаться съ вами!

ЭПИЛОГЪ.

Площадь между Троицкою церковью, домикомъ Петра Великаго и крѣпостью. Сзади Нева. За нею строенія на нынѣшней Адмиралтейской сторонѣ. На площади веселится и ходитъ народъ. Слышна пѣсня:

Какъ на матушкѣ, на Невѣ рѣкѣ,
На Васильевскомъ славномъ островѣ,
Молодой матросъ корабли снастилъ
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ.

ДВОЕ КУПЦОВЪ.

1-й КУПЕЦЪ.

Мое почтеніе, Иванъ Ивановичъ! Давно ли изъ Москвы?

2 й купецъ.

Только что вчера.

1-й купецъ.

Ну, что новаго?

2-й купецъ.

Москва вамъ кланяется. Живемъ по добру, по здорову. Что у васъ слышно, Петръ Петровичъ?

1-й купецъ.

На Русской землѣ когда безъ радостей, слава-те Господи! Вотъ, къ вамъ не дошли развѣ такія вѣсти, что батюшка нашъ, православный Государь, воротился изъ чужихъ краевъ, и съ матушкой Царицей?

2-й купецъ.

Да, не отъ того ли у васъ въ Питерѣ и народъ такъ гуляетъ?

1-й купецъ.

Именно. Возвращеніе Царя праздникъ для Русскаго сердца. А особливо вѣдь мы его, батюшку нашего, такъ долго, долго не видали. Ѣздилъ онъ за нашимъ же счастьемъ: бесѣдовалъ тамъ съ иноземными владыками, какъ

бы имъ все устроить на миръ и спокойствіе, да на благо народное...

2-й купецъ.

Слышно было у насъ въ Москвѣ, что будто и съ Шведомъ у насъ скоро миръ будетъ?

1-й купецъ.

Да, кажется, что такъ. Увидѣлъ Шведскій Король что не подъ силу ему бороться съ нашимъ великимъ государемъ и прислалъ своихъ министровъ. Начали было тутъ Шведы спорить, такъ Царь Государь и говоритъ: «Скажите имъ, что сильно-то спорить имъ не приходится: вѣдь я на *кангрессъ*-то 40 000 пословъ пришлю, съ ружьями, вмѣсто перьевъ.»

2-й купецъ.

Ай, да Царь православный!

1-й купецъ.

А слышалъ ли ты, что въ прошломъ году на Шведа ходили Англичане, Голландцы, Датчане, наши Рускіе — всѣ на корабляхъ, а надъ всѣми четырьмя флотами главный былъ нашъ Государь православный!

2-й купецъ.

Дай ему Богъ здоровья! Объ немъ радостныхъ

вѣстей и не переслушаешь. Да, неужели здѣсь, на такой тѣсной площади, у васъ въ Питерѣ главное гулянье бываетъ?

1-й купецъ.

Тѣсна эта площадь, да Русскому разгулу на ней просторно. Видишь ли вотъ бѣдный домикъ? Этотъ домикъ первоначально построилъ себѣ царь Петръ Алексѣевичъ, какъ заложилъ Питеръ. Здѣсь онъ жилъ, здѣсь онъ трудился, здѣсь онъ молился за свое царство православное, и теперь онъ часто здѣсь бываетъ и любуется на народъ православный, а потому и любимое здѣсь гулянье народное.

2-й купецъ.

Въ этомъ домикѣ жилъ онъ? Царь Россіи, великій, могущій, жилъ въ этомъ домикѣ, когда онъ могъ себѣ золотыя палаты построить? Поведи меня туда — дай мнѣ поклониться святому убѣжищу Царя великаго!...

1-й купецъ.

Постой, постой! Вотъ раздается наша Русская родная пѣсня.... Народъ хороводы повелъ!

2-й КУПЕЦЪ.

Русская пѣсня! Эхъ! такъ отъ нея сердце и забилось!...

(Толпа народа, мужчины, женщины, дѣти. Впереди запѣвало. Они останавливаются на срединѣ).

ПѢСНЯ.

Засвѣтилась звѣзда самоцвѣтная
Надъ Невой рѣкой, во поднебесьи.
Чуетъ вѣщее радость дивную —
Прилетѣла къ намъ золотая вѣсть:
Воротился нашъ православный Царь!
Радость-солнце нашъ отецъ,
Золотой на немъ вѣнецъ!
Съ нимъ и матушка-Царица,
Словно свѣтлая зарница!

ХОРОВОДЪ.

Заплетися, плетень, заплетися,
Православный народъ веселися!
Ты завейся, труба золотая,
Веселись, веселись, Русь святая!
Завернися, камка хрущатая,
Загреми наша пѣсня родная!

ХОРЪ.

Слава Богу на небѣ, слава!
Государю на сей землѣ, слава!

Государь нашъ, надежда не старѣтся, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Золотой казнѣ его счета нѣтъ, слава!
Его воинство—громы небесные, слава!
А любовь къ нему — океанъ море, слава!

(*Пляски*).

2-й купецъ.

Эхъ! утѣшили душку Эй молодцы! Да, посмотри-ка, посмотри, Петръ Петровичъ, что еще такое?

1-й купецъ.

Не знаю, родимый. Купечество, съ хлѣбомъ солью, и офицерство, и солдатушки наши...

купцы *идутъ съ хлѣбом--солью.* Преображенскій капитанъ и солдаты.

Народъ обступаетъ ихъ.

старшій купецъ (*народу*).

Позвольте, добрые люди, очистите дорогу къ пристани. Царь Государь велѣлъ встрѣтить намъ почетнаго гостя, который плыветъ сюда съ чужой стороны и близко подплываетъ.

(*Народъ становится по сторонамъ*).

1-й купецъ.

Позволь, родимый, узнать: кого-же это велѣлъ такъ привѣтствовать и встрѣчать царь Петръ

Алексѣевичъ? Не короля ли какого? Не енарала ли?

СТАРШІЙ КУПЕЦЪ.

Нѣтъ! Русскаго купца Иголкина, о которомъ ты, вѣрно, слыхалъ, какъ онъ, не жалѣя живота, бывши въ полону, отметилъ оскорбленіе великаго царскаго имени!

1-й КУПЕЦЪ.

Онъ возвращается на родину?

СТАРШІЙ КУПЕЦЪ.

Да, Король Шведскій одарилъ его за подвигъ дарами богатыми и послалъ къ Царю съ граматкой; говоритъ:» Вотъ тебѣ, Государь, подарокъ, лучше котораго и прислать нечего!» А Царь прочиталъ граматку, велѣлъ приготовить пиръ почетный, и ждетъ его, тамъ, во дворцѣ своемъ, хлѣба-соли кушать, съ хозяюшкой своей, съ министрами, съ воеводами, а намъ велѣлъ встрѣтить здѣсь его и привѣтствовать...

НАРОДЪ.

Ѣдетъ, ѣдетъ Иголкинъ!

(Всѣ стремятся къ берегу).

1-й купецъ.

А, пріятель? Что скажешь? Умѣетъ ли за любовь и вѣрность награждать Русскій Царь?

2-й купецъ.

Эхъ, братъ! Плакать хочется, а говорить-то ужь не въ могуту!

Лодка пристаетъ къ берегу; Иголкинъ *выходитъ изъ нея. Всѣ стоятъ почтительно.*

иголкинъ.

Русь моя матушка! Да не во снѣ ли ты мнѣ грезишься? Ты ли это, моя родимая сторонушка? Дай мнѣ обнять себя, дай прижать тебя къ ретивому! *(Онъ падаетъ на землю и цѣлуетъ ее)* Люди Русскіе! Здравствуйте, православные! Заговорите со мной Русскимъ языкомъ! Пусть услышу я отъ васъ рѣчь родную, привѣтную!

старшій купецъ.

Милости просимъ, добро пожаловать. Люди Русскіе тебя привѣтствуютъ, челомъ тебѣ бьютъ, хлѣбъ-соль подносятъ!

капитанъ.

Его Царское Величество поздравляетъ тебя

съ пріѣздомъ, присылаетъ тебѣ кафтанъ золотой и проситъ тебя пожаловать на почетный пиръ!

(Иголкинъ хочетъ говорить, и не можетъ).

ЖЕНА И ВНУКЪ ИГОЛКИНА *(бѣгутъ къ нему).*

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? Дѣдушка!

(Иголкинъ прижимаетъ ихъ къ сердцу. Многіе бросаются обнять его. Окруженный женою, внукомъ, народомъ, онъ выступаетъ впередъ и становится на колѣни.

ИГОЛКИНЪ *(едва можетъ говорить).*

Господи!... Услыши молитву мою: да будутъ внуки наши такъ *любить Отечество и Царя Православнаго*, какъ мы ихъ любимъ, и *да будутъ Цари Русскіе подобны царю* Петру Алексѣевичу!

Общій кликъ: Ура! Ура!

ПАРАША

СИБИРЯЧКА.

РУССКАЯ БЫЛЬ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ДОБРОЙ СЕСТРѢ МОЕЙ, КАТ. АЛЕКС. АВДѢЕВОЙ.

Сестра, сестра! и въ жизни есть мгновенья,
Когда за скорбь, за слезы, за мечты,
Погибшія въ тоскѣ, безъ раздѣленья,
За все, за все, въ обитель суеты
Слетаетъ къ намъ посланникъ Провидѣнья:
Онъ голосъ сердцу, рѣчь даетъ устамъ;
Онъ, какъ младенцу, тихо шепчетъ намъ...

И рѣчи тѣ сердцамъ людей понятны:
Искуства нѣтъ — душа въ нихъ говоритъ;
Они поймутъ тѣ рѣчи благодатны
И съ ними насъ слеза ихъ примиритъ,
И слезы тѣ и тихи и отрадны.
Блаженъ, кто ихъ сердцамъ людей внушалъ —
Не даромъ онъ и жилъ здѣсь и страдалъ!

Когда моей Сибири отдаленной
Изображалъ раздолье я степей,
Лѣса, пустыни, дѣвы вдохновенной
Святую мысль и подвигъ — и Царей
Любовь и благость... И Тебя, Благословенный...
О, голосъ мой не тщетно слышенъ былъ —
Въ сердцахъ другихъ онъ отзывъ находилъ.

Я видѣлъ: дочь Владыки полусвѣта.
Прекрасная, какъ Божья благодать,
Какъ свѣтлая, святая мысль поэта,
Явилась намъ страданью сострадать,
И плакала, какъ чистый ангелъ свѣта...
Въ тотъ свѣтлый мигъ, какъ я благоговѣлъ —
Я говорить не могъ и — не умѣлъ...

Тѣ слезы, даръ святаго Провидѣнья,
Душа моя, какъ чистый перлъ, хранитъ;
Ихъ не отнимутъ люди и волненья,
И скорби — и ничто, ничто не истребитъ...
Сестра, сестра! и въ жизни есть мгновенья
Прекрасныя, кто на землѣ ихъ зналъ,
Не даромъ тотъ и жилъ здѣсь и страдалъ!

17-го Января, 1840.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Неизвѣстный, ссыльный въ Сибирь г-нъ каратыгинъ 1.
Жена его . . . . г-жа валберхова.
ПАРАША, дочь ихъ, родившаяся
въ Сибири . . . . г-жа асенкова.
Прохожій . . . . г-нъ сосницкій.
Нѣсколько Тунгусовъ.

ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА, чиновница вдова, живущая въ Москвѣ. г-жа гусева.
ТАНЮША, дочь ея . . . . г-жа волкова.
ѲЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШИСУЛЬКИНЪ, отставной секретарь . . . . г-нъ каратыгинъ 2.
ѲЕДЯ, дѣти Ѳеклы Ѳедосѣевны . . . . г-нъ рамазановъ 2.
МИТЯ, дѣти Ѳеклы Ѳедосѣевны — несоцкій (вп.)
МАША, дѣти Ѳеклы Ѳедосѣевны — прихунова (вп.)
СОНЯ, дѣти Ѳеклы Ѳедосѣевны . . . . сергѣева (вп.)
ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ ДОБРОВЪ, помѣщикъ, пріѣхавшій въ Москву . . . . г-нъ дубровинъ.

ЛЕОНИДЪ, молодой помѣщикъ, сосѣдъ его . . . . г-нъ Горшенковъ.
Прохожій . . . . г-нъ Сосницкій.
ПАРАША . . . . г-жа Асенкова.
Слѣпая старуха . . . . г-жа Сибирякова.
Внукъ ея . . . . Асенковъ (вн.)
1) . . . . г-нъ Іевлевъ.
2) говорящіе изъ народа . . . . . г-нъ Васильевъ.
3) . . . . г-нъ Чайскій.
Одинъ изъ народа . . . . г-нъ Афанасьевъ.
Солдаты и народъ.

ВЪ ЭПИЛОГѢ.

Неизвѣстный . . . . г-нъ Каратыгинъ 1.
Жена его . . . . г-жа Валберхова.
ПАРАША, дочь ихъ . . . . г-жа Асенкова.
ЛЕОНИДЪ . . . . г-нъ Горшенковъ.
Капитанъ-исправникъ . . . . г-нъ Третьяковъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Сибири; второе въ Москвѣ, въ 1801 году; эпилогъ въ Сибири.

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Асенковой, 17-го Января 1840 года.

ДѢЙСТВІЕ I.

мрачный лѣсъ. Снѣгъ на деревьяхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Нѣсколько тунгусовъ сходятся на сценѣ, съ рогатинами и дубьемъ.

ПЕРВЫЙ, кличетъ.

Эй! эй!

ВТОРОЙ, отзывается.

О! о!

ПЕРВЫЙ.

Ну, что, тоёнъ? Пойдемъ — гдѣ Рускій?

ВТОРОЙ.

Онъ придетъ. Труби! *(Трубятъ въ рогъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, идетъ изъ лѣса, съ ружьемъ.

ПЕРВЫЙ ТУНГУСЪ.

А, бачка! здорова, здорова!

ВТОРОЙ.

Мы готовы. Пойдемъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Хорошо ли вы знаете дорогу?

ПЕРВЫЙ.

О, какъ же! Руками возмемъ... Только, смотри — не сробѣй, бачка!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А что?

ПЕРВЫЙ.

Видишь: миша ужь такой... О, такой большой тоёнъ — мы ужь того — знаешь... поставили бурхану большую подачку...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ стало медвѣдь великъ?

ПЕРВЫЙ.

Да, кажется, такого еще мы и не видывали!

Какъ зареветъ, такъ вотъ жилки, бачка, дрожатъ... Нашъ Хочька не пойдетъ съ нами...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что? Струсилъ? Этакой удалецъ?

ПЕРВЫЙ.

Нѣтъ, не струсилъ, а что то понездоровилось ему... такъ схватило... *(Смѣется)* Лежитъ въ юртѣ, да охаетъ... Не сробѣй, бачка, смотри!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не бойся — мы и безъ Хочьки управимся...

ПЕРВЫЙ.

О, про тебя что и говорить! Твоя винтовка еще никогда не давала промаха, да ужь и кто не дивится тебѣ! И откуда у тебя удаль берется? Ты настоящій старинный Тунгусскій богатырь: тебѣ, кажется, смерть родная тетка; такъ не боишься ты ее... что вотъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Полно болтать! Идите, я за вами! Вѣдь сюда идти, налѣво?

ПЕРВЫЙ.

Вонъ туда; тамъ черезъ чащу, да въ долину... а тамъ большая падь...

(Неизвѣстный стоитъ задумавшись, опершись на ружье. Тунгусы уходятъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Смерть тетка... Нѣтъ! она мнѣ мачиха, что до сихъ поръ я жду и не дождусь ее... Нейдетъ, проклятая! А кажется, я ищу ее такъ давно и такъ прилежно... Смерть!... Тунгусскій богатырь!... Ха! ха, ха! Бѣдняки не понимаютъ, что тотъ, кто не боится смерти, разумѣется, не струситъ идти на медвѣдя...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПРОХОЖІЙ, выходитъ и останавливается, опираясь на костыль.

Какая дикая пустыня! Куда это я зашелъ? Тутъ нѣтъ и слуха человѣческаго жилища! Кажется, надобно было идти съ перекрестка влѣво? Или я ошибся отъ того перелѣска въ мятель... Лѣсъ, снѣгъ, ни пути, ни дороги... Но, вотъ, кажется, слѣды человѣческіе. Сохрани, Господь, уповающихъ на тебя! Силы мои истощились; голодъ и жажда мучатъ ме-

ня... Съ самаго разсвѣта блужу я по сугробамъ...

—•—

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРОХОЖІЙ И ПАРАША.

ПАРАША, идетъ, напѣвая пѣсню, и несетъ ведро на коромыслѣ.

Заря, зоренька,
Сестра солнышка!
Ты румяная раскрасавица,
По поднебесью зарумянилась!

ПРОХОЖІЙ.

Что это? Русская пѣсня! Кто эта дѣвушка... Она уходитъ! Стало, здѣсь есть гдѣ нибудь близко жилье? — Эй, послушай, милая, красная дѣвица!

ПАРАША.

Что это за старичокъ?

ПРОХОЖІЙ.

Помогай Богъ, милая!

ПАРАША.

Благодарю. Откуда ты, дѣдушка?

ПРОХОЖІЙ.

Прохожій странникъ, милая. Что ты глядишь на меня? Неужели боишься? Я не злой человѣкъ и христіанинъ.

ПАРАША.

Я и не боюсь тебя, да мнѣ чудно, какъ ты сюда зашелъ?

ПРОХОЖІЙ.

Сбился съ дороги. Сегодня утромъ, помнишь, поднялась было такая мятель, что я думалъ запропаду въ вашихъ лѣсахъ.

ПАРАША.

А куда же ты идешь, дѣдушка?

ПРОХОЖІЙ.

Идти мнѣ еще далеко, а иду я на свою сторону.

ПАРАША.

Далеко ли твоя сторона?

ПРОХОЖІЙ.

Слыхала ли ты о городѣ Кіевѣ?

ПАРАША.

О Кіевѣ? Гдѣ Печерская обитель, гдѣ рѣка Днѣпръ и князь Владиміръ крестилъ Русь?... Ахъ! какъ не слыхать!

ПРОХОЖІЙ, *про себя.*

Она знаетъ Кіевъ! *(въ слухъ)* А кто же тебѣ разсказывалъ, милая, о моемъ Кіевѣ, моей родинѣ?

ПАРАША.

Матушка сказывала мнѣ и о Кіевѣ, и о Москвѣ, въ которой сорокъ сороковъ церквей православныхъ.

ПРОХОЖІЙ.

Стало, твоя матушка тамъ бывала? А кто твоя матушка?

ПАРАША.

Зовутъ ее Павла Павловна, а батюшку Александръ Григорьевичъ.

ПРОХОЖІЙ.

Такъ видно здѣсь есть селеніе? Вы здѣсь и живете? Въ этомъ лѣсу?

ПАРАША.

Селенія нѣтъ, а мы здѣсь живемъ — вотъ, тутъ, за лѣсомъ, наша избушка. Не хочешь ли отдохнуть? Мы тебѣ будемъ рады; у насъ рѣдко гости бываютъ.

ПРОХОЖІЙ, *тихо.*

Вѣрно, какой нибудь несчастный ссыльный!

(въ слухъ) А Тобольская дорога близко отъ васъ?

ПАРАША.

Недалеко.

ПРОХОЖІЙ.

И вы живете здѣсь одни?

ПАРАША.

Нѣтъ, подлѣ насъ, вотъ тамъ, живутъ еще Тунгусы, а тамъ вонъ Остяцкая деревня. — Пойдемъ, дѣдушка, я проведу тебя; ты отдохни, а тамъ батюшка укажетъ тебѣ дорогу и проводитъ тебя...

ПРОХОЖІЙ.

Благослови тебя Господь! *(Они уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5.

Бѣдная хижина; скамейка; столикъ. Въ сторонѣ занавѣска отдѣляетъ часть хижины.

ЖЕНА НЕИЗВѢСТНАГО И ПАРАША.

ЖЕНА входя.

Смеркается, а отецъ твой все еще не воротился... Боже мой! гдѣ-то онъ теперь!

ПАРАША.

Богъ сохранитъ его, милая матушка... Онъ сказалъ, что пойдетъ на охоту съ добрыми нашими закомыми, Тунгусами. Они вчера приходили къ нему и долго что-то съ нимъ говорили.

ЖЕНА.

Этого-то я и боюсь. Ужь, вѣрно, не на добро они его уговаривали... Охота! Полно, опять не за медвѣдемъ ли они отправились!...

ПАРАША.

Ахъ! матушка, ты пугаешь меня! Да, что же, если и за медвѣдемъ — чего бояться? Батюшка такой молодецъ...

ЖЕНА.

Ахъ! Параша!

ПАРАША.

Ты опять станешь плакать, милая матушка! Полно — мнѣ и самой остановится грустно... Ты было такъ развеселилась, слушая разсказы этого старичка...

ЖЕНА.

Развеселилась! Я и теперь весела, мой

другъ, а какъ послушала, что онъ говорилъ, и вспомнила, какъ молода бывала...

ПАРАША.

Ты и теперь еще моя молодая красавица, матушка! Я какъ на тебя погляжу, такъ мнѣ весело и радостно становится! Да, и о чемъ намъ печалиться? Все у насъ есть; ты, слава Богу, теперь здорова и батюшка сталъ отъ того повеселѣе. А вотъ опять придетъ весна — Богъ опять украситъ цвѣтами луга и долины; мы опять пойдемъ въ лѣсъ собирать ягоды, да грибы — и намъ будетъ такъ весело — я стану пѣть тебѣ любимыя твои пѣсенки... Полно, не грусти, матушка!

ЖЕНА.

Добрая моя Параша!... А что нашъ гость?

ПАРАША.

Онъ теперь отдыхаетъ. Ахъ! матушка! какой онъ добрый и ласковый, и какъ онъ хорошо говоритъ!... Послушай, матушка: вѣдь я почти людей не вижу, кромѣ того, какъ проѣзжаетъ здѣсь нашъ исправникъ, Игнатій Ѳерапонтовичъ, когда собираетъ казенный ясакъ. Вотъ и онъ такой добрый, какъ этотъ стари-

чекъ: стало, матушка, вѣрно всѣ люди добры, которыхъ Богъ создалъ?

ЖЕНА.

Да... всѣ люди добры, милая ..

ПАРАША.

Такъ, послушай, матушка: для чего же не живемъ мы съ другими людьми? Для чего живемъ мы одни въ этомъ лѣсу?

ЖЕНА.

Развѣ тебѣ здѣсь скучно?

ПАРАША.

Нѣтъ — оно не то, что скучно... съ тобой и съ батюшкой мнѣ скучно не будетъ, а... иногда мнѣ думается... что тамъ, съ людьми — также не скучно... А особливо, когда слышу я о большихъ городахъ, о Кіевѣ, о Москвѣ.... Мнѣ хотѣлось бы поглядѣть на тамошніе высокіе домы, на тамошнихъ дѣвушекъ...

ЖЕНА.

Можетъ быть, Богъ дастъ, ты и будешь тамъ.

ПАРАША.

Да, вѣдь только съ тобой и съ батюшкой,

милая — безъ васъ я не поѣду туда — лучше останусь здѣсь, въ нашемъ лѣсу; не правда ли, что и ты поѣдешь со мной туда?

ЖЕНА.

Я? Туда? *(тихо)* Боже мой! она терзаетъ мое сердце!

ПАРАША.

Ахъ! какъ будетъ это весело и хорошо! Мы тамъ увидимъ столько диковинокъ, столько людей — столько подругъ найду я...

ЖЕНА.

Полно, полно!... Поди-ка, позаботься объ ужинѣ... Отецъ скоро долженъ воротиться...

ПАРАША.

Постой — я спрошу у него: когда поѣдемъ мы въ Москву?

ЖЕНА.

Параша — другъ мой! Что ты говоришь!... *(Слышны голоса)* Ахъ! вотъ и отецъ твой!..

ПАРАША.

Батюшка! *(Бросается къ нему).*

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, *тащитъ шкуру медвѣдя.*

Постой, постой, Параша! Вотъ я принесъ тебѣ подарокъ на шубу...

ПАРАША.

Ахъ! какой славной мишка! А, разбойникъ, даромъ, что силенъ былъ, да попался... Ну, милый батюшка, благодарю, благодарю... Да, ты я думаю, усталъ? Сними съ себя даху, положи ружье... Мы тебя ждали, ждали...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, *садится.*

Ждали?

ПАРАША.

Да! Не хочешь ли ты выпить, съѣсть чего нибудь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ! Я думаю и до ужина недалеко. А поди-ка поднеси по чаркѣ вина моимъ товарищамъ — они мнѣ славно помогали.

ПАРАША.

Сей часъ! Я вѣдь ихъ знаю; поздороваюсь съ ними по Тунгусски: саламъ алыкъ, тоёнъ... *(Бѣжитъ вонъ)*.

→•←

ЯВЛЕНІЕ 7.

НЕИЗВѢСТНЫЙ И ЖЕНА ЕГО.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Милая Параша!.. *(Женѣ)* Ты опять плакала?

ЖЕНА.

Нѣтъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я вижу по глазамъ. Что̀, развѣ еще что нибудь сдѣлалось?

ЖЕНА.

Ничего. *(Молчаніе)*. Ты еще ходилъ за медвѣдемъ... Ты не слушаешь меня... Видно, жизнь тебѣ недорога и мои просьбы потеряли въ твоихъ глазахъ всю цѣну...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Видишь — я воротился здоровъ...

(Онъ встаетъ и ходитъ).

ЖЕНА.

Ты не подумаешь...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Полно! Я хотѣлъ бы совсѣмъ разучиться думать, и прошу тебя избавить меня отъ упрековъ и слезъ! Не былъ ли кто у насъ изъ сосѣдей?

ЖЕНА.

Я и забыла тебѣ сказать, что у насъ теперь гость.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой гость? Человѣкъ?

ЖЕНА.

Конечно, не медвѣдь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Кто такой? Зачѣмъ зашелъ онъ къ намъ?

ЖЕНА.

Прохожій странникъ. Онъ, по обѣщанію, пѣшкомъ ходилъ въ Мангазею, въ тамошній монастырь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой нибудь бродяга!

ЖЕНА.

И теперь возвращается на родину, въ Кіевъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

На *родину!...* У него есть родина? Онъ *возвращается* туда?

ЖЕНА.

Что съ тобой сдѣлалось?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ничего, ничего!... Да, за чѣмъ зашелъ онъ къ намъ? Развѣ мимо насъ дорога?

ЖЕНА.

Онъ сбился съ пути во время мятели утромъ, и Параша встрѣтила его въ лѣсу, когда пошла за водою.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не замерзъ, не бось, въ лѣсу!

ЖЕНА.

Такой добрый, почтенный старичокъ. Какъ онъ благодарилъ насъ, сколько намъ разсказывалъ... и о Кіевѣ, и о Москвѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И при Парашѣ?...

ЖЕНА.

Да, мы обѣ его заслушались. Онъ такъ хорошо говоритъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты могла слушать его болтовню, какъ тебѣ угодно, да за чѣмъ позволяла ты дочери слушать его глупые разсказы — ей, когда ей жить и умирать здѣсь, въ Тунгусскихъ лѣсахъ?... *(Смягчаясь, ласково)* Ну, полно, полно! Это глупо сдѣлано, да я не сержусь... Дай руку... Гдѣ этотъ старикъ? Вѣдь онъ старикъ, сказала ты?

ЖЕНА.

Да, онъ старичокъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

То есть, старый дуракъ, или старый плутъ — но все равно — я радъ ему! Зови его сюда...

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢ ЖЕ И ПАРАША.

ПАРАША.

А ты не знаешь, батюшка, что къ намъ гость безъ тебя пришелъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Слышалъ, милая, и — очень радъ.

ПАРАША.

Такой онъ добрый! Расспросилъ теперь, какъ тебя зовутъ, и матушку, и говорилъ со мной такъ хорошо, какъ я должна любить и утѣшать васъ и молиться за васъ Богу...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Утѣшать!... Молиться!... Что же? Готово ли ужинать?

ПАРАША.

Я тамъ ужь накрыла столъ.

ЖЕНА.

Пойду взглянуть сама. Параша! пойдемъ; отецъ тотчасъ придетъ за нами...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, да, идите — я приду. *(Жена его и Параша идутъ, но Параша возвращается).* Я опять увижу *человѣка* — не полузвѣря, Остяка или Тунгуса — опять долженъ говорить съ нимъ, припоминать, какъ говорятъ по человѣчески... *(Параша подходитъ тихо)* А! Что тебѣ надобно, другъ мой?

ПАРАША.

Ты сегодня опять такой сердитый, а то я было хотѣла спросить тебя.....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что такое?

ПАРАША.

Зачѣмъ это не ѣдемъ мы съ тобой въ ту сторону, откуда пришелъ этотъ старичекъ? Зачѣмъ живемъ мы всегда въ лѣсу? Развѣ ты никогда не будешь въ Москвѣ? Развѣ тебѣ не хочется туда ѣхать, жить тамъ, съ людьми?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, тихо.

Сердце мое!... *(Въ слухъ)* А тебѣ развѣ хочется туда... къ людямъ?

ПАРАША, обнимая его.

Ахъ! милый батюшка! Такъ бы и полетѣла... хоть бы разъ взглянула, какъ тамъ живутъ, какъ тамъ церкви Божьи съ золотыми главами, и терема царскіе, и людей, говорятъ, такое множество...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, содрогаясь.

Несчастная!... *(Парашѣ)* А что же? Вѣрно, тебѣ этотъ старикъ наговорилъ, какъ тамъ хорошо, какъ тамъ весело?

ПАРАША.

Ахъ! я давно ужь и сама о томъ думала; мнѣ иногда становится здѣсь такъ скучно, такъ скучно....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, что же? Поѣзжай туда — я тебя отпущу! Поѣзжай съ Богомъ!

ПАРАША.

Безъ тебя и безъ матушки? А ты развѣ не поѣдешь со мною?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я?

ПАРАША.

Да, ты. Мнѣ всегда хотѣлось тебя о томъ спросить, а сегодня, когда нашъ старичокъ разговорился съ нами — мнѣ все такъ живо опять представилось... Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ умерла моя нянька, моя добрая старая Агаѳья, я кромѣ тебя и матушки никого не вижу и мнѣ говорить не съ кѣмъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А наши добрые сосѣди, Тунгусы?

ПАРАША.

Ахъ! да они какіе-то не люди — они такіе смѣшные. .

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Они люди, они болѣе достойны имени человѣка, нежели тѣ, кого ты такъ желаешь видѣть... *(тихо)* Но что я дѣлаю? Что я говорю? Бѣдное, бѣдное дитя!... Какой проклятый случай завелъ сюда этого бродягу, который вдавилъ въ душу мою новое, ядовитое жало скорби... О, я готовъ удавить его моими руками...

ПАРАША.

А вотъ и гость нашъ, батюшка!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢ ЖЕ И ПРОХОЖІЙ.

ПРОХОЖІЙ.

Миръ хозяину дома и Божіе благословеніе!

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*тихо*).

Скрѣплюсь — притворюсь: вѣдь онъ человѣкъ, а съ людьми должно скрываться и лу-

кавить.... (*Оборачивается къ прохожему*) Великій Боже!

ПРОХОЖІЙ, въ изумленіи.

Если не ошибаюсь... (*Костыль падаетъ у него изъ рукъ*).

ПАРАША, съ изумленіемъ смотритъ на нихъ.

Что это такое? Развѣ онъ знаетъ его?

ПРОХОЖІЙ.

Вѣрить ли глазамъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, удерживаясь.

Здравствуй, здравствуй, добрый старичокъ, добро пожаловать... Параша! иди къ матери — мы тотчасъ придемъ...

ПАРАША, тихо.

Что съ ними сдѣлалось? Я и боюсь и радуюсь... Мнѣ хотѣлось бы подслушать ихъ... Спрячусь здѣсь.... (*Въ слухъ*) Хорошо, батюшка — мы дожидаемся васъ...

(Она идетъ, хлопаетъ дверью и тихонько крадется за занавѣску).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ѳедоръ! не обманываютъ ли меня глаза мои? Ты ли это?

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! тебя ли я вижу?

(Бросаются въ объятія другъ къ другу.)

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты здѣсь? Въ Сибири? Въ нашихъ лѣсахъ, гдѣ я не думалъ болѣе видѣть человѣческаго образа?

ПРОХОЖІЙ.

Черезъ 20 лѣтъ я встрѣчаю тебя здѣсь, добрый, старый другъ, товарищъ! Помнишь ли, гдѣ мы разстались? Въ лагерѣ подъ Очаковомъ, когда князь Григорій Александровичъ послалъ тебя въ Петербургъ курьеромъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А ты прощался со мною, и обѣщалъ, что къ пріѣзду моему будешь маіоромъ!

ПРОХОЖІЙ.

Великій Боже!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я страшусь спросить тебя... Ты въ Сибири... ты здѣсь — нищимъ старикомъ!

ПРОХОЖІЙ.

Воля Божія. Но я возвращаюсь на родину, а ты... ты, мой другъ и товарищъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ смущенiи.

Скажи... что было съ тобой послѣ того... Я помню....

ПРОХОЖIЙ.

Господь смирилъ меня! Тяжка была жизнь моя, но разсказывать ее недолго. Я хотѣлъ сдержать свое обѣщанiе, не жалѣлъ себя и напрашивался на опасность — молодъ, здоровъ я былъ тогда и голова моя горѣла безумiемъ почестей! Мы перешли съ княземъ Рѣпнинымъ за Дунай, и накапунѣ Мачинской битвы — плѣнъ и страданiе были моимъ удѣломъ! Варвары изувѣчили, увлекли меня, и 15 лѣтъ плѣна въ степяхъ Курдовъ и горахъ Друзовъ сдѣлали изъ молодаго, храбраго офицера... видишь, дряхлаго, бѣднаго старика... Я увидѣлъ наконецъ родину, и — никто не привѣтилъ меня... Мать моя давно умерла. . родныхъ не было у сироты, а моя сабля составляла все мое богатство... Въ горахъ Сирiи далъ я обѣтъ идти пѣшкомъ къ святынѣ Мангазейской, если Богъ освободитъ меня изъ варварскаго плѣна; теперь исполнилъ я мой обѣтъ и возвращаюсь умереть на ро-

днѣ; посвящу Богу жизнь, которую сохранилъ онъ мнѣ донынѣ... А ты, ты другъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И ты не гнушаешься называть другомъ преступника, который заклейменъ позоромъ въ глазахъ людей, имя котораго — *несчастный*, жизнь котораго — казнь и пытка!

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! Вездѣ и всегда — ты для меня прежній Александръ. И Господь не отвергаетъ грѣшника, даже и люди прощаютъ преступника...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А самъ себѣ развѣ проститъ онъ?... Развѣ... А! ты не испыталъ, ты не знаешь того страшнаго наказанія, какое испытываетъ злодѣй, преслѣдуемый совѣстью, Каинъ, проклятый Богомъ... если и люди и Богъ его прощаютъ!

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! я знаю, я слышалъ, что излишняя пылкость твоя увлекла тебя въ тяжкое преступленіе...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Увлекла! Зачѣмъ хочешь ты смягчить словами ужасный поступокъ мой? Оправдываютъ ли причины и обстоятельства злодѣйство? Шестнадцать лѣтъ страданія не только не задушили змѣи, грызущей душу мою — нѣтъ! она разраслась тутъ, въ груди моей — она сосетъ кровь изъ моего сердца — она лишаетъ меня покоя здѣсь и — надежды тамъ... Напрасно укрылся я отъ людей, напрасно ушелъ отъ нихъ, чтобы и самый видъ ихъ не напоминалъ мнѣ, что есть еще кромѣ меня кто нибудь на свѣтѣ... чтобы и имя мое было ими забыто: его никто здѣсь не знаетъ, кромѣ жены моей, исправника, и — есть еще, Кто знаетъ его, къ ужасу моему...

ПРОХОЖІЙ.

Другъ! неужели ни разу святая надежда...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Надежда? Мнѣ?

ПРОХОЖІЙ.

И раскаяніе передъ Богомъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я не могу молиться!

ПРОХОЖІЙ.

Другъ! ты ужасаешь меня! Нѣтъ такого несчастія, которое лишило бы насъ надежды на милосердіе Божіе...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Есть оно, есть, и оно называется — преступленіе! Оно то ужасное сознаніе, что мы погубили жизнь свою, счастье свое, милыхъ намъ людей, надежду за гробомъ — погубили все, все... *(Останавливается)* А! въ 16 лѣтъ въ первый разъ вдругъ два подарка судьбы... Тебя вижу я, и вотъ — посмотри: вѣдь это, кажется, слезы—слезы благодатныя!... Другъ! я начинаю думать, что Богъ милуетъ меня!.. Я вижу тебя и — плачу!

ПРОХОЖІЙ.

Плачь — слезы спасительны...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ты долженъ узнать все — сердце мое хочетъ высказаться тебѣ — суди меня, осуждай, потомъ презри — возненавидь! Молодъ, бѣшенъ страстями, полонъ надеждами разстался я съ тобою; всѣ роды обольщеній, всѣ роды счастья встрѣтили меня въ Петербургѣ и на

родинѣ — богатство, чины, добрая мать, дружба, любовь... она увлекла меня, для нея забылъ я все и повелъ къ алтарю мою подругу, отказался отъ службы, уѣхалъ въ мои богатыя помѣстья... Но кровь моя страшно кипѣла страстями. Рано было уединеніе; мнѣ скоро наскучило оно; скоро не взмилились ласки жены, малютки сына — низкія страсти увлекли меня. Карты, проклятыя карты... Я запилъ, игралъ, увлеченный развратными друзьями, раззорялся, не смотрѣлъ на слезы матери и жены... Въ шумной, буйной бесѣдѣ, я увидѣлъ низкій обманъ друзей, и — рука моя обагрилась въ нечистой крови ихъ... Едва совершилось преступленіе, я узналъ всю глубину бездны, въ какую упалъ...

ПРОХОЖІЙ.

Несчастный другъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мать моя умерла, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ — въ острогѣ... Честное имя мое сдѣлалось добычей палача — люди презрѣли, отвергли меня, и самое сожалѣніе, самая любовь ихъ стали моимъ мученіемъ!... О, еслибы

юноша, тревожимый несчастными страстями, могъ видѣть теперь меня, могъ пережить со мною эти 16 лѣтъ ссылки и позора, могъ заглянуть въ душу мою — онъ жизнью купилъ бы возвратъ на дорогу добродѣтели...

ПРОХОЖІЙ.

Но неужели и любовь жены твоей, доброй жены твоей, которая добровольно, охотно поѣхала за тобою, оставила все, раздѣлила съ тобой позоръ и бѣдствіе — не была для тебя счастьемъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

О, зачѣмъ она это сдѣлала! Зачѣмъ я согласился... Другъ безчеловѣчный! ты трогаешь самое страшное, самое больное мѣсто души моей, заглядываешь въ самый темный уголъ сердца моего!... Да, да! Но чувство, что я погубилъ бытіе драгоцѣннаго мнѣ сердца... И — ежели я видѣлъ потомъ — потомъ, когда прошелъ порывъ безумнаго ея великодушія — я видѣлъ... и слезу отъ меня скрываемую, и взоръ укоризны, невольно являвшійся... О, не раскрывай сердца человѣческаго — въ немъ есть такія бездны, куда не долженъ загляды-

*

вать человѣкъ... Ты видѣлъ дочь мою, а знаешь ли, что она — она самое ужасное наказаніе въ жизни моей, какое ниспослалъ мнѣ Богъ!

ПАРАША, тихо.

О Боже мой! Что онъ говоритъ?

ПРОХОЖІЙ.

Сумасшедшій! Она, такая добрая, милая, благочестивая...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А кто она? — Дочь ссыльнаго! Что ждетъ ее? Позоръ, безславіе съ колыбели! Она не знаетъ, а я знаю, что ея сердцу надобны дружба, и любовь и радости; она не знаетъ, рожденная подъ кровомъ ссыльнаго, въ дикомъ лѣсу, что есть міръ Божій, міръ прекрасный, есть люди, есть радости... И что же, если она явится къ нимъ? Они отвергнутъ ее, прогонятъ, уничтожатъ!... И къ чему родилась она, моя милая, цвѣтущая красотою, съ такой душой, съ такимъ сердцемъ — къ чему?... Что съ ней будетъ, когда умру я, умретъ мать ея?... Нищая — можетъ быть, проклятая людьми — она умретъ, проклиная

отца и мать!... И знать, что я, я одинъ всему причиной...

ПРОХОЖІЙ.

Александръ! что ты говоришь? Да, развѣ отсюда нѣтъ возврата? Развѣ страданіе не изглаживаетъ преступленія... Дай мнѣ — я иду туда; я стану просить за тебя: за мой плѣнъ, за мою кровь я потребую только тебѣ прощенія, свободы, возврата... Юный Государь услышитъ мою просьбу, проститъ тебя...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Какой юный Государь?

ПРОХОЖІЙ.

Развѣ ты не знаешь? Вѣдь теперь воцарился императоръ Александръ Павловичъ. Его ждутъ лѣтомъ въ Москву для коронованія. Святая надежда Россіи, да будетъ и твоею надеждою.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Нѣтъ! Это невозможно — мнѣ, отсюда — нѣтъ возврата... Простятъ!... Да, зачѣмъ явлюсь я туда? Скрываться отъ людей, или читать мой стыдъ въ ихъ каждомъ взорѣ, въ каждомъ словѣ ихъ?

ПРОХОЖІЙ, *послѣ нѣкотораго молчанія.*

У тебя тамъ остался сынъ. Ты сказалъ, что у тебя былъ сынъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, *холодно.*

Вѣроятно, онъ умеръ, сирота безпріютный, и слава Богу, если умеръ...

ПРОХОЖІЙ.

А если онъ еще живъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Живъ?... Да, ты развѣ объ немъ слышалъ что нибудь?...

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ, но я все узнаю — буду въ Москвѣ, испрошу тебѣ прощеніе; ты увидишь сына своего — милосердіе Монарха и многолѣтнее страданіе очистятъ имя твое отъ позора; дочь твоя останется въ объятіяхъ брата, и кости твои успокоятся тамъ, на родинѣ, подлѣ могилъ отца и матери — и другъ будетъ подлѣ тебя: я не разлучусь съ тобою, Александръ... У меня нѣтъ никого въ мірѣ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Искуситель! что ты говоришь? Зачѣмъ ты

изображаешь рай небесный грѣшнику въ адскомъ пламени?... Мнѣ туда? Мнѣ прощеніе? — Увидѣть сына — увидѣть родину — могилу отца и матери — плакать надъ ними — передать мою Парашу брату... Онъ, вѣрно, живъ — не правда ли: онъ живъ? Онъ, вѣрно, добръ?...

ПРОХОЖІЙ.

И вѣрно съ честью служитъ отечеству. Ты знаешь, что въ нашемъ благословенномъ Русскомъ царствѣ преступленіе отца не безславитъ сына, что ему остаются и имя и имѣніе отцовское, и путь къ заслугѣ не загражденъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И можетъ быть, онъ счастливъ! — Онъ почти не зналъ меня, забылъ — а я напомню ему, что отецъ его преступникъ...

ПРОХОЖІЙ.

А дочь твоя? А ея судьба?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Дочь!... О, муки ада! Что же вы такое, если это не адскія мученія?... *(Бѣжитъ вонъ).*

ПРОХОЖІЙ.

Постой, остановись, Александръ!... Иду за нимъ — успокою сердце его, отогрѣю его на моемъ сердцѣ... Боже! услышь молитву мою; даруй словамъ моимъ силу убѣжденія; продли еще жизнь мою, пока я успѣю возвратить его родинѣ, сыну, спасти бѣдную дочь его... Въ милосердіе Русскаго Царя я вѣрю, какъ въ милосердіе Божіе!...

(Уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ 10.

ПАРАША, выходитъ изъ-за занавѣски, блѣдная, едва держась на ногахъ.

Боже великій! что я узнала, что я услышала?... Отецъ мой! Добрый, несчастный мой отецъ!... О, еслибы жизнью моею могла я искупить тебѣ хоть минуту счастія, могла спасти тебя... мать мою! Такъ, у меня есть также родина? есть братъ?... «Царь милосердъ, какъ Богъ» — говорилъ онъ... Ахъ! зачѣмъ я не птичка Божья, не ласточка — я перелетѣла бы туда, туда, гдѣ тронъ Царя мило-

сердаго — я сѣла бы подлѣ него, у ногъ его, прощебетала бы ему: «Государь добрый! когда всѣ радуются — есть одинъ страдалецъ въ царствѣ твоемъ! Дочь проситъ тебя за отца! Я перелетѣла изъ Сибири далекой — Государь! прости отца моего! *(Падаетъ на колѣни)* Прости и вся жизнь моя на молитву за тебя»... *(Вскакивая)* Боже всемогущій! Какая мысль! Не Ты ли послалъ мнѣ ее, отецъ милосердый? Не тобой ли она внушена мнѣ?... Я пойду туда, въ Москву, далеко, далеко... Простите, лѣса дремучіе, простите, отецъ и мать! Послѣ того, что я узнала, услышала, мнѣ не жить съ вами — не ваша я — Божья! Если не увижу васъ счастливыхъ — не видать вамъ меня... «Дочь ссыльнаго! Они отвергнутъ ее!»... Да, есть мѣста, гдѣ никого не отвергаютъ, есть святыя обители, гдѣ самъ Господь пріемлетъ, не спрашивая: ссыльнаго или вельможи дочь пришла, стучится у дверей и проситъ пристанища!... И Тотъ, кто птичкѣ указываетъ путь въ теплыя стороны, кто движетъ по небесамъ облачко перелетное, кто питаетъ росою цвѣтокъ пусты-

ни — Тотъ поведетъ и доведетъ меня!... Всемогущій! укажи мнѣ путь мой, пошли мнѣ твоего ангела хранителя!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАРАША и ПРОХОЖІЙ.

ПАРАША, увидѣвъ его.

Вотъ онъ — вотъ ангелъ хранитель мой!

ПРОХОЖІЙ.

Дочь моя! что съ тобою? Что ты?

ПАРАША.

Дѣдушка милый! ты возмешь меня съ собою?

ПРОХОЖІЙ.

Что такое? Куда взять?

ПАРАША.

Туда, туда—не знаю куда, куда идешь ты, туда, гдѣ я увижу Государя, и гдѣ выпрошу прощеніе отцу моему..

ПРОХОЖІЙ.

Какъ?

ПАРАША.

Да, я все слышала, я все знаю! Я не оста-

нусь здѣсь — я пойду съ тобою! Вѣдь ты хотѣлъ просить Царя за отца моего? Но что слова твои противъ моихъ словъ, твои слезы противъ слезъ дочери?... О, мнѣ, мнѣ испросить ему прощеніе!...

ПРОХОЖІЙ.

Какъ? Ты хочешь идти со мною, пѣшкомъ? Да, знаешь ли ты, какъ далеко отсюда Москва?

ПАРАША.

Не дальше рая небеснаго, куда Господь ведетъ насъ черезъ гробъ и могилу! Дѣдушка милый! я недавно узнала тебя, но я полюбила тебя — я пойду съ тобою — возми меня! Я поведу тебя, когда ты устанешь, я буду утѣшать тебя, когда ты запечалишься, ходить за тобою, когда ты сдѣлаешься боленъ... Возми меня! Умоляю тебя, дѣдушка! *(Падаетъ къ ногамъ его).*

ПРОХОЖІЙ.

Господь всесильный, умудряющій младенцовъ! не твою ли волю слышу, не твой ли голосъ внимаю я?... Предпріятіе трудно, тяжко... Бѣдная! А что, если сердца людей затво-

рятся мольбѣ твоей?... А твой отецъ? Что будетъ съ нимъ безъ тебя!

ПАРАША, вставая.

Отецъ мой? На что ему я, если видъ мой теперь не радость ему, а скорбь и мученье! Не говорилъ ли онъ, что рожденіе мое позоръ мой, что я погибну, когда его не будетъ, и жизнь не въ жизнь ему... Если ты не возьмешь меня... я не могу теперь жить болѣе: все, все погибло для меня... Не свѣтить болѣе красному солнцу, не жить болѣе Парашѣ... Старикъ! кровь моя на твою сѣдую голову

ПРОХОЖІЙ.

Постой, постой, дочь моя!... Боже! да будетъ воля твоя!... Параша! отнынѣ ты моя дочь — я беру тебя съ собою!

ПАРАША.

Дѣдушка! если отецъ мой отвергаетъ меня — ты заступишь мнѣ его мѣсто, ты удѣлишь мнѣ уголокъ въ сердцѣ твоемъ — ты не отвергнешь меня?

ПРОХОЖІЙ.

Нѣтъ! Не мнѣ, слабому старику, лелѣять

надежды твои: сиротамъ, страждущимъ и обремененнымъ есть общій Отецъ—Ему молись, дитя несчастія!

ПАРАША.

Мы уйдемъ съ тобою сегодня же—теперь—ночью.

ПРОХОЖІЙ.

Но я обѣщалъ отцу твоему прожить у него три дня...

ПАРАША.

Три дня!... Да, переживу ли я эти три дня? Нѣтъ, нѣтъ! теперь — или я уйду одна: буду спрашивать дорогу у добрыхъ людей, буду просить у нихъ милостыни... Они не откажутъ мнѣ; я скажу имъ: «Я иду просить у Государя прощенія отцу моему; у васъ есть отцы, у васъ есть дѣти!» Они не откажутъ мнѣ...

ПРОХОЖІЙ.

Дочь моя! молись Богу — мы идемъ немедленно... Я отдохнулъ отъ моего пути...

ПАРАША.

Я пойду и скажу отцу и матери, что я нездорова, не буду ужинать, лягу спать; онъ

сегодня утомился на охотѣ и заснетъ крѣпко. А когда онъ проснется... О, видъ мой не будетъ уже упрекать его: у него уже не будетъ дочери!... Легче ли будетъ ему безъ меня!...

(Она закрываетъ глаза руками и медленно уходитъ).

→•←

ЯВЛЕНІЕ 12.

ПРОХОЖІЙ, одинъ.

Судьбы неисповѣдимыя! Что воля, что желанія смертнаго, если онъ видитъ перстъ Божій, указующій ему путь! «Да будетъ воля Твоя!»... Бѣдный другъ!... Что съ тобою будетъ?... Но, можетъ быть, это послѣднее твое горе... Послѣднее — если только не первая радость ему могила, не первый вѣстникъ радости — смерть!... *(Уходитъ).*

→•←

ЯВЛЕНІЕ 13.

ПАРАША, входитъ, осматривается во всѣ стороны и долго безмолвствуетъ.

Простите, мои родные!... Завтра, когда вы проснетесь, Параша не придетъ поздравить

васъ съ добрымъ утромъ, не скажетъ вамъ: «здравствуй!» не попроситъ вашего благословенія... Далеко, далеко будетъ она, и каждый шагъ будетъ раздѣлять насъ, раздѣлять любовь вашу отъ меня...

Нѣтъ, нѣтъ! Любовь не знаетъ разлуки — съ вами она будетъ, съ вами молитва дочери...

Здѣсь *(вынимаетъ письмо)*, здѣсь вы все узнаете, и когда будете читать — благословите меня...

Что тамъ увижу я? Листокъ, сорванный бурей съ роднаго дерева, куда полечу я—сирота безпріютная!...

ЯВЛЕНІЕ 14.

ПАРАША, НЕИЗВѢСТНЫЙ, ЖЕНА ЕГО И ПРОХОЖІЙ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Другъ! твое появленіе показало мнѣ, что милосердіе Божіе не оставляетъ человѣка никогда... Давно — давно не былъ я такъ веселъ... Мнѣ кажется, если только въ будущемъ остаются мнѣ радости — вотъ первый

счастливый день мой!... Но, ты что-то загрустился, кажется?

ЖЕНА.

Ты забываешь, что добрый другъ нашъ усталъ сегодня; ему надобно отдохнуть...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Правда, правда!... Параша! что ты здѣсь дѣлаешь?

ПАРАША.

Я... я хотѣла проститься съ вами...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вотъ, дурочка, какъ будто въ дальнюю дорогу отправляешься!

ПАРАША.

Ахъ! кто знаетъ....

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я тебѣ напередъ скажу, что ты завтра проснешься весела и здорова...

ПАРАША.

Завтра!... Простите, батюшка! (*Она обнимаетъ его*) Благословите, благословите меня!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Поди, усни спокойно. А завтра, знаешь ли

что? Мнѣ обѣщали принести пару живыхъ зайчиковъ — вотъ тебѣ будутъ радости!

ПАРАША.

Матушка! простите!

ЖЕНА.

Что это, Параша? Ты плачешь?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Плачетъ?

ПАРАША.

Нѣтъ, нѣтъ! я не плачу — я весела — я счастлива...

ЖЕНА.

Право, мнѣ показалось, будто у тебя капула слеза...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Тебѣ все слезы кажутся!

ЖЕНА, тихо.

Ахъ! я потеряла имъ счетъ!

(Параша уходитъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Ну, до свиданія, другъ Ѳедоръ! Тебѣ вотъ здѣсь приготовлена постеля — не взыщи, не мягкая — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Завтра

покажу я тебѣ все мое хозяйство, познакомлю тебя съ Тунгусами и ты навѣрно ихъ полюбишь!... А тамъ, забудемъ хоть на время горе и поговоримъ о бываломъ, предоставляя будущее Богу.

ПРОХОЖІЙ.

Да, Ему, Ему наше будущее! — До свиданія... до завтра!

(Неизвѣстный и жена его уходятъ).

МЕЛОДРАМА.

Звуки музыки. Прохожій провожаетъ Неизвѣстнаго взорами и остается въ задумчивости. Параша выходитъ, одѣтая по дорожному, и знаками показываетъ, что она готова. Прохожій благословляетъ, обнимаетъ ее и идетъ. Параша идетъ за нимъ медленно, обращаясь къ двери, куда ушли отецъ и мать.

Вдругъ, она не выдерживаетъ своего чувства и бросается къ нимъ. Прохожій останавливаетъ ее. Параша выражаетъ, что она хочетъ проститься съ ними.

Онъ показываетъ, что тогда все предпріятіе ихъ разрушится.

Параша въ отчаяніи. Прохожій указываетъ ей на небо и велитъ молиться.

Она падаетъ на колѣни. Прохожій поднимаетъ руки надъ ея головою и молится.

Поспѣшно вскакиваетъ Параша и влечетъ Прохожаго за собою.

ДѢЙСТВІЕ II.

Неопрятная комната, убранная по мѣщански. Өекла Өедосѣевна сидитъ у столика и шьетъ. Танюша въ сторонѣ за работою. Өедя, Митя, Маша, Соня играютъ и шалятъ въ углу.

ЯВЛЕНІЕ I.

ӨЕКЛА ӨЕДОСѢЕВНА, ТАНЮША И ДѢТИ.

ӨЕКЛА ӨЕДОСѢЕВНА.

Да, да, дѣтки, не всегда васъ Господь на радость даетъ! Просишь, просишь васъ у Бога, а какъ съ дюжину васъ накопится, такъ ужь и прибери васъ Господи! — Тсъ! вы, бѣсенята! расшумѣлись! Слова сказать не дадите!... Танюшка! А что бишь сказалъ Өедоръ Григорьевичъ? Когда онъ обѣщалъ придти?

ТАНЮША.

Да, сегодня, маменька.

ѲЕКЛА ѲЕОДОСѢЕВНА.

Сегодня, да когда? Вѣдь они люди дѣловые — ихъ заставить дожидаться нельзя. А у меня дѣла полны руки. Къ теткѣ Акулинѣ Сидоровнѣ надобно сходить — старушка что-то недомогаетъ. А тамъ на Арбатъ, къ благодѣтелю нашему — надо Митюшку-то въ Корпусъ, либо куда нибудь... Вотъ, что вамъ! Мать гдѣ ни бери, а васъ корми, да пой, да воспитывай!... Цыцъ, Сонька!... Шутка ли изъ Рогожской, да на Арбатъ; а тамъ еще къ благодѣтельницѣ, Ея Сіятельству, что въ пользу бѣдныхъ играла — авось не выпрошу ли на бѣдность съ сиротами... Вѣдь нынѣче.... Охо, хо, хо! время, время такое...

ТАНЮША.

Да вѣдь, маменька, что же? Есть насъ бѣднѣе. У насъ таки и пенсія, и отъ батюшки осталось...

ѲЕКЛА ѲЕОДОСѢЕВНА.

Ахъ! ты негодная! Да какъ ты смѣешь говорить? Да, гдѣ ты этакихъ мыслей набралась? Ахъ! ты, дѣвчонка гадкая! Да какая у насъ пенсія? Да что у насъ осталось?... До-

мишко-то? Да онъ весь развалился!... Да если бы не я горячими слезами вымаливала, такъ вы съ голоду бы давно передохли! Видишь — богатая выѣхала, барышня бѣлоручка! Этакъ ты другимъ говорить станешь!... Ужь не эта ли нищая Сибирячка тебѣ наговорила?

ТАНЮША.

Ахъ! нѣтъ, маменька! Она почти ничего не говоритъ. Она все плачетъ только, да молится!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Плачетъ!... Видно, слезки-то дешевы; молится!... Видно, лучше-то дѣлать нечего!... А все вотъ моя доброта — навязала себѣ на шею дѣвку, и Богъ знаетъ кто такая, зачѣмъ?

ТАНЮША.

Маменька! вѣдь вы говорили, что старичекъ, который съ ней пришелъ, былъ благодѣтель моему отцу, и что гдѣ онъ живетъ, на томъ домѣ благословеніе Божіе.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Дура ты! Мало ли что говорится! Конечно, благословеніе было бы, еслибы онъ умѣлъ

брать все, что дадутъ благочестивые люди... а онъ, поди-ко, и не думаетъ... Ходитъ себѣ по судамъ за справками, да къ знатнымъ.... Да, знатнымъ-то до того ли имъ? Эвося выѣхать! Теперь готовятся пиры, да балы...

ТАНЮША.

Неужели никто не пожалѣетъ о бѣдной дочери, которая пришла пѣшкомъ просить прощенія отцу своему?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Такъ, какъ же она проситъ? То больна сдѣлалась — нѣженка! Вишь, устала, изъ Сибири пѣшкомъ пришла... изъ Сибири... пришла, а кто знаетъ? можетъ и пріѣхала!... А тутъ сидитъ, да плачетъ! Этакъ развѣ просятъ? Вотъ я, какъ о пенсіи хлопотала, такъ, бывало, пороги обобьешь, да слугѣ-то въ ножки — «Доложи барину!» — А секретарю-то и пообѣдать не дашь — онъ за кусокъ, а ты, бывало, ужь и тутъ, да и въ ноги — «батюшка! спаси сироту горегорькую! Не пусти по міру съ дѣтьми!»... Такъ, вотъ какъ дѣла-то дѣлаютъ, а не этакъ, что изъ Сибири пріѣхать, да плакать, да молиться, да другихъ си-

ротъ объѣдать, которыя изъ милости уголъ дали, себя стѣснили...

ТАНЮША.

Маменька! вѣдь они намъ за квартиру заплатили.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Заплатили! Заплатили! А тебѣ съ чего толковать? Этакъ ты другимъ скажешь, да и дѣвкѣ-то все дѣло испортишь. Скажутъ—«богата-дескать!...» Заплатили! Ну, да, мнѣ откуда бы взять кормить-то ихъ? А? Да, развѣ я не хлопочу за нее? Тоже на ея имя и отъ благодѣтелей собираю, хоть старику и не говорю: все отдамъ, не воспользуюсь, не покорыстуюсь — да, сохрани меня, Господи! Да, вотъ и Ѳедора Григорьевича сегодня пригласила, посовѣтоваться съ нимъ о дѣлѣ нашей Сибирячки — вѣдь его надобно угостить — все расходы... Вотъ и онъ, кажется? *(Смотритъ въ окно)* Пожалуйте, пожалуйте, отецъ родной! — Поди, зови нашу плаксу Сибирячку, а я приготовлю закусить, да водочки!... *(Танюша уходитъ. Дѣти бѣгутъ за нею)*. Тише вы, бѣсенята! Нелегкая васъ побери!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА И ПИСУЛЬКИНЪ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Мое почтеніе, матушка, Ѳекла Ѳедосѣевна!

ѲЕКЛА ѲЕОДОСѢЕВНА.

Батюшка, Ѳедоръ Григорьевичъ! Пожалуйте, отецъ родной! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Охъ! заботы одолѣли, матушка! Дѣло наше приказное—день бѣгаешь, ночь сидишь; судьи нынче стали не прежніе, не нашего времени — вѣдь дѣла сами читаютъ... Охо, хо! Такъ пишетъ прозебку, да, знаете — за ухомъ почесываешь! Охо, хо! Утрудился дальнимъ путемъ!

ѲЕКЛА ѲЕОДОСѢЕВНА.

Да, не угодно ли, батюшка, водочки? Извини на сиротскихъ недостаткахъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Благое дѣло! Здоровья и долгоденствія? *(Пьетъ и ѣстъ)* Ну, матушка, какъ поживаете?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Худо, отецъ родной — дѣло сиротское.... Вотъ дѣвка на возрастѣ — вотъ сынишка надо опредѣлить...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ что же? Сынку мѣстечко сыщется, только бы по батюшкѣ пошелъ. Вашъ супругъ, Ѳекла Ѳедосѣевна, былъ человѣкъ — вотъ ужь много сказать — человѣкъ онъ былъ!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что ты, отецъ мой? Да, чей же онъ человѣкъ былъ? Вѣдь отецъ его былъ въ воеводской канцеляріи подьячимъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Вы не поняли, то есть, Ѳекла Ѳедосѣевна, видите, не поняли: я аллегорически говорю, что человѣкъ онъ былъ... Да, впрочемъ, признаться — время мнѣ дорого; вотъ еще тутъ къ сосѣду вашему забѣжать — прозебку ему; а отъ него въ Таганку — въ конкурсъ, а тамъ въ Палату надо поспѣть... Такъ, матушка, что такое? Чѣмъ могу служить?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, не о себѣ хочу трудить, а о той Сибирячкѣ, что призрѣла Христа ради...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Помню, помню, хоть и не вслушался хорошенько. Вы, знаете, таково скоро говорили.. Объясните же, матушка...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

А вотъ она сама вамъ объяснитъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

ТѢ ЖЕ И ПАРАША.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ, батюшка, рекомендую вамъ сиротку, которая покорнѣйше проситъ васъ... Кланяйтесь, сударыня, кланяйтесь: это вашъ благодѣтель, Ѳедоръ Григорьевичъ Писулькинъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Если имѣю случай быть полезнымъ, позвольте мнѣ... *(Ѳеклѣ)*. Да, что же она ничего не говоритъ?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ну, дѣло сиротское, отецъ ты мой, и дочь такого человѣка, что.... Проси, сударыня, проси, кланяйся!

ПАРАША.

Я не знаю г. Писулькина, не знаю, о чемъ мнѣ и просить его.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Какъ о чемъ?... Вотъ: все хлопочи за васъ.. Видите, батюшка, то есть, ея батюшка въ несчастіи, въ Сибири; такъ она пріѣхала похлопотать за него; такъ не откажись, родной, научить уму разуму...

ПИСУЛЬКИНЪ.

А позвольте, сударыня—имени вашего знать чести не имѣю — вы меня извините — просить васъ сѣсть и разсказать мнѣ о дѣлѣ... Вы изъ Сибири?

ПАРАША.

Да.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Холодная сторона! Говорятъ, тамъ ѣздятъ на медвѣдяхъ и оленяхъ... Такъ-съ, знаемъ!... Вашъ батюшка, вѣроятно, чиновникъ былъ?

ПАРАША.

Я не знаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ-съ. А сущность дѣла его вамъ, конечно, извѣстна, то есть, сущность... Вѣроятно, онъ вамъ объяснилъ...

ПАРАША.

Я ничего не знаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, вѣроятно, у васъ есть бумаги, гдѣ можно видѣть...

ПАРАША.

У меня нѣтъ никакихъ бумагъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ-съ. Но имя ваше?

ПАРАША.

Меня зовутъ Парашей.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Хмъ! Хе, хе, хе! Ну, а батюшку вашего?

ПАРАША.

Александръ Григорьевичъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, Прасковья Александровна, но — фамилія родителя вашего и бывшее званіе его...

ПАРАША.

Я васъ не понимаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ѳекла Ѳедосѣевна! что же: я тутъ ничего сдѣлать не могу. — Нельзя ли мнѣ растолковать яснѣе!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! не сердитесь, отецъ мой! Ея дѣло сиротское...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Да, что жь — сиротское! Мнѣ потребно знать сущность дѣла, и средства, и способы... *(Парашѣ)* Вашъ родитель, вѣроятно, васъ рекомендовалъ своимъ благодѣтелямъ...

ПАРАША.

У меня одинъ благодѣтель — Богъ!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Умно, но однакожь — вѣдь вы пріѣхали въ Москву...

ПАРАША.

Я пѣшкомъ сюда пришла.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Пѣшкомъ? Какъ?... Но, какъ же пѣшкомъ могли вы принести... такъ... то есть, деньжонки, напримѣръ, или что нибудь...

ПАРАША.

У меня не было денегъ.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ну, да вѣдь Сибирь земля богатая — собольки тамъ, говорятъ, по улицамъ бѣгаютъ... Иногда и парочка ихъ стоитъ чего нибудь... Вѣдь и на дорогу вамъ надобно было что нибудь...

ПАРАША.

Насъ вездѣ добрые люди даромъ кормили и на дорогу намъ давали...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ вы милостыней питались?

ПАРАША.

Они говорили, что даютъ не мнѣ, по Богу!

ПИСУЛЬКИНЪ, отводя Ѳеклу Ѳедосѣевну.

Послушайте, Ѳекла Ѳедосѣевна: тутъ что-то странное! Она, либо дура, либо — плутовка!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что вы, отецъ мой!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Да, какъ же! Нынѣ времена мудреныя... Что это такое? Морочитъ что ли она насъ! Изъ Сибири, пѣшкомъ, ни съ чѣмъ, ни къ кому, сама не знаетъ за чѣмъ! Смотрите!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! батюшка! не пугайте вы меня!

ПИСУЛЬКИНЪ, *гордо.*

А позволь, милая, спросить: у тебя есть видъ какой? паспортъ, то есть?

ПАРАША.

Я васъ не понимаю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Такъ, неужели вы, Ѳекла Ѳедосѣевна, держите у себя неизвѣстную вамъ дѣвушку, безпаспортную?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Что ты, что ты, родной! Да вѣдь съ ней пришелъ старикъ богомолецъ, мнѣ знакомый .. старый такой...

ПИСУЛЬКИНЪ.

А имя его извѣстно ли вамъ?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ ужь этого-то ты и не спрашивай. Наше дѣло женское.

ПИСУЛЬКИНЪ.

То-то, сударыня, Ѳекла Ѳедосѣевна, видно-на всякаго мудреца бываетъ довольно простоты, хоть къ вамъ, кажется, и нельзя примѣнить пословицы, что у женщины волосъ дологъ, да умъ коротокъ! У реченнаго старца богомольца имѣется ли законный видъ? Во ономъ видѣ означена ли сія дѣвица Парасковія? Записали ли вы видъ ихъ, гдѣ слѣдуетъ? Дѣло женское, дѣло женское...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ахти, батюшка! не погуби!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Дѣло женское... А если дѣвица оная вида не имѣетъ, занеможетъ, кончитъ животъ — пособитъ ли вамъ дѣло женское?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Охъ! не сердись, родной! Вникни, выслушай!...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Я и то вникаю! *(Пьетъ водку и ѣстъ)* Хорошо, хорошо!... Послушай, моя милая — то есть, вашъ... твой батюшка неужели ничего не говорилъ *(наливаетъ рюмку и держитъ ее въ рукѣ)*, когда отпускалъ васъ... тьфу... тебя...

ПАРАША.

Я тихонько ушла отъ него, скрылась, убѣжала — онъ не отпустилъ бы меня...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Какъ? *(Рюмка падаетъ у него изъ рукъ).*

ПАРАША.

Съ надеждой на Бога и на Государя пришла я сюда...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Государя! Что это значитъ?

ПАРАША.

Я у него буду просить прощенія отцу моему; я скажу ему, что я пришла изъ Сибири... Онъ милосердъ — онъ отецъ нашъ — мы всѣ дѣти его...

ПИСУЛЬКИНЪ, *схватывая шляпу.*

Прощайте, Ѳекла Ѳедосѣевна!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА *держитъ его.*

Отецъ мой! Батюшка! Благодѣтель!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Тутъ какое-то казусное дѣло... Ей идти къ Государю? Это что? Да какъ? Да, съ чего?... Безъ паспорта... Сдѣлайте милость, увольте... Прошу и не сказывать, что я тутъ вмѣшивался — свидѣтелей, спасибо, не было... Я совѣтую тебѣ, голубушка, если ты обманщица и плутовка, вспомнить...

ПАРАША.

Обманщица!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Что въ Москвѣ есть полиція и отъ нея глупостью да незнаніемъ не отговоришься... Ты къ Государю? Да, кто тебя пуститъ? Да, какъ ты смѣешь? Прощайте, Ѳекла Ѳедосѣевна! Не ожидалъ я отъ васъ, не ожидалъ...

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Кормилецъ, отецъ, благодѣтель! *(Парашѣ)* А съ тобой, сударыня, я справлюсь — сегодня

же съ двора долой!... Видишь: изъ Сибири, этакая барышня выѣхала... *(Бѣжитъ за Писулькинымъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПАРАША, одна.

Что я имъ сдѣлала? За что они разбранили меня?... Обманщица!... Меня не пустятъ къ Государю!... Съ двора долой!... Боже великій!... И мой благодѣтель такой грустный... Когда я спрашивала его вчера, онъ сказалъ мнѣ: «Погоди, дочь моя! Молись Богу, Параша! Не на людей мы надѣялись, а на Бога и Царя!» Погодить... А если каждая минута медленія убиваетъ моего отца — если онъ изнываетъ теперь въ ожиданіи — если я выпрощу ему милость и принесу ему на могилу его!... Неужели Господь провелъ меня черезъ тысячи верстъ лѣсовъ и пустынь и теперь отвергнетъ меня... Нѣтъ! Нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПАРАША И ТАНЮША.

ТАНЮША.

Параша, Параша! слышала ли ты новость?

ПАРАША.

Новость? Что такое?

ТАНЮША.

Государь пріѣхалъ!

ПАРАША.

Государь!

ТАНЮША.

Да, сегодня въ ночь, и сегодня въ первый разъ явится онъ намъ всѣмъ въ Кремлѣ, когда изъ дворца пойдетъ молиться въ Успенскій соборъ.

ПАРАША, трепеща.

Развѣ всѣ его могутъ видѣть?

ТАНЮША.

Вотъ еще! Дѣтямъ запретить видѣть отца своего! Вѣдь онъ нашъ отецъ!

ПАРАША.

И отъ него не гонятъ ни кого? Къ нему всѣ могутъ подойдти?

ТАНЮША.

Вотъ хорошо! Да, ты посмотрѣла бы, какъ нашего Государя окружаетъ толпа народа, какъ всякій тѣснится къ нему, цѣлуетъ его руку, смотритъ на него... Да, когда же намъ на него и наглядѣться? Царь наше солнышко свѣтлое — на кого онъ взглянетъ, тотъ становится веселъ и счастливъ!

ПАРАША.

Веселъ и счастливъ!... Боже! Туда?... Но они сказали, что меня не пустятъ!... Отецъ милосердый! Но переживу ли я? Дойду ли я?... Могу ли говорить?... Напишу! Танюша; дай мнѣ бумаги, перо!

ТАНЮША.

Что съ тобой? Ты дрожишь? Что ты пишешь? *(Читаетъ изъ-за нея)* «Государь милосердый! Я пришла изъ Сибири просить прощенія отцу моему — Государь! прости его! Господь благословитъ тебя, а я стану за Тебя молиться!»

ПАРАША.

Ни слова больше! *(Въ восторгѣ)* Танюша! прощай! Если ты меня еще увидишь, я ужь

буду счастлива... Если не приду сегодня... не жди меня никогда!

ТАНЮША.

Что ты говоришь? Куда ты идешь?

ПАРАША.

Въ Кремль — туда, къ Царю, къ отцу нашему!

ТАНЮША.

Ты не знаешь дороги.

ПАРАША.

Я спрошу у перваго: куда идти? гдѣ живетъ Государь? Я буду смотрѣть на золотую голову Ивана Великаго — я спрошу у сердца моего, у земли Русской: она отвѣтитъ мнѣ, скажетъ, гдѣ живетъ Государь милосердый!... Боже! благослови! (*Бѣжитъ вонъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТАНЮША и потомъ ПРОХОЖІЙ.

ТАНЮША.

Ахъ! Боже мой! Что это она дѣлаетъ! Что скажетъ маменька?

ПРОХОЖІЙ, входитъ задумчивый.

И опять холодный отказъ! И три человѣка, на которыхъ я надѣялся, три богача, три временщика отказали мнѣ. Одинъ — не пустилъ меня къ себѣ — тотъ, которому нѣкогда въ битвѣ спасъ я жизнь! Другой, бывшій другъ мой, едва узналъ въ старикѣ бывшаго капитана своего... Онъ теперь силенъ и великъ, а я бѣденъ, нищій, калѣка. А третій — коварный себялюбецъ... совѣтовалъ мнѣ не мѣшаться въ дѣло... И эта барыня, которая плакала о смерти своей собачки, презрительно улыбнулась, когда разсказалъ я, что дочь пришла изъ Сибири, пѣшкомъ... А та...та, которая давала концертъ для бѣдныхъ... Ей, правда, нѣкогда было — она примѣривала новое платье... Люди, люди! Неужели только нищета и несчастіе научаютъ васъ быть людьми! Горе вамъ, сильные земли! если вы не думаете, что Богъ потребуетъ отчета, въ томъ, что̀ сдѣлали вы изъ вашей силы и богатства!... Но, гдѣ Параша?

ТАНЮША.

Я боюсь вамъ сказать...

ПРОХОЖІЙ.

Что такое? Ради Бога...

ТАНЮША.

Она ушла въ Кремль.

ПРОХОЖІЙ.

Одна?

ТАНЮША.

Когда услышала она, что Государь пріѣхалъ, и сегодня пойдетъ въ Успенскій соборъ, какъ безумная бросилась она...

ПРОХОЖІЙ.

Боже мой! Ее тамъ задавятъ, сомнутъ — тысячи народа бѣгутъ туда... Она, вѣрно, хочетъ увидѣть Государя, но она не знаетъ, что нельзя, невозможно... Но, нѣтъ, нѣтъ! у насъ возможно! *(Съ радостнымъ восторгомъ)* Милосердію Бога нѣтъ границъ — нѣтъ ихъ и милосердію Русскаго Царя! Въ храмъ Божій всегда отверзты двери — и къ Царю всюду доступъ его дѣтямъ!... Я размышлялъ, сомнѣвался, а она рѣшила и исполняетъ! Съ дѣтскимъ чувствомъ любви, съ надеждою и вѣрою, приступаетъ она прямо къ трону Вла-

дыки Русскаго... Богъ не отвергалъ младенцовъ — Царь, подобіе Бога на землѣ — не отвергнетъ ихъ... Иду туда и подлѣ нея поставлю мою сѣдую голову... Чего не скажутъ ея слезы, то договорятъ слова мои! Господь! веди меня!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТАНЮША И ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Насилу-то уговорила, чтобы не гнѣвался Ѳедоръ Григорьевичъ!... Вотъ, сударики мои, дѣлай этакъ добро... Но говорятъ, Государь пріѣхалъ... Танюшка! одѣвайся; пойдемъ въ Кремль — туда вся Москва идетъ, а мы развѣ не люди, а мы развѣ не хотимъ Государя видѣть...

(Уходитъ съ Танюшей).

Кремлевская площадь. Звонъ на Иванѣ Великомъ. Толпа народа ходитъ по площади; слышны говоръ и шумъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПЕРВАЯ ТОЛПА.

Сюда, сюда! Здѣсь виднѣе!

ВТОРАЯ ТОЛПА.

Пріѣхалъ, пріѣхалъ!

ПЕРВАЯ ТОЛПА.

Скоро выйдетъ!

ПАРАША, выходитъ изъ толпы.

Такъ это-то царскій Кремль, это Иванъ Великій, это соборы православные? Но гдѣ же дворецъ царскій? Куда мнѣ идти? Гдѣ стать на ту святую землю, на которую ступитъ нога Государя и гдѣ онъ явится мнѣ ангеломъ милосердія? Спрошу... у кого?

(Старушка, слѣпая; ее ведетъ мальчикъ).

ПАРАША.

Бабушка! позволь тебя спросить...

СТАРУШКА.

Что, родимая?

ПАРАША.

Гдѣ мнѣ увидѣть Государя?

СТАРУШКА.

Будто ты не знаешь!

ПАРАША.

Не знаю, бабушка. Я недавно въ Москвѣ, я не здѣшняя.

СТАРУШКА.

Ну, и не диво. Вѣстимо, Царь пойдетъ съ Краснаго крыльца въ соборъ. Тутъ и надобно стать, на Царской площади, гдѣ сукно разстелятъ. Да, пойдемъ со мною, я тебѣ покажу...

ПАРАША.

Ахъ! бабушка! какъ ты одолжишь меня!

СТАРУШКА.

И, родимая! Да, кому же батюшку нашего видѣть не хочется? — Веди, Ванюша, а ты не отставай, милая!

ПАРАША.

Бабушка! да, развѣ ты сама не видишь?

СТАРУШКА.

Вотъ ужь десятый годъ, какъ наказалъ Господь!

ПАРАША.

Да, какъ же ты увидишь Государя?

СТАРУШКА.

А развѣ у души моей нѣтъ очей? Развѣ я меньше счастлива буду, если услышу, какъ пойдетъ онъ? А можетъ, Господь со мной и чудо сдѣлаетъ — просвѣтитъ мнѣ очи мои на то мгновеніе!

ПАРАША.

О, кого такъ любятъ — тотъ милосердъ и не отвергнетъ меня! Пойдемъ, пойдемъ скорѣе!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА И ТАНЮША.

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ну, ужъ затолкали, да и только! Какіе невѣжды! Никакой амбиціи нѣтъ! Пустите! Дайте пройдти!

ЯВЛЕНІЕ 3.

ПИСУЛЬКИНЪ, подходитъ къ ней.

Что, матушка, и вы сюда пожаловали?

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Да, вотъ пробиться не могу! Такіе грубіяны — не пускаютъ меня, какъ будто я какая мѣщанка! Пособи, родимый, проведи насъ! Тебѣ, чиновной особѣ, дадутъ проходъ...

ПИСУЛЬКИНЪ.

Нѣтъ, матушка! Тутъ вѣдь самъ Государь, такъ къ нему всѣмъ свободный доступъ — не то что въ судѣ у насъ! Тутъ толкни-ка кого нибудь, такъ такъ натолкаютъ... Господа! посторонитесь — дамъ мѣсто!

ЯВЛЕНІЕ 4.

ПРОХОЖІЙ, *входитъ*.

Нѣтъ! я не могъ ее встрѣтить! И гдѣ увидѣть ее между тысячами? Москва вся въ Кремлѣ, вся двинулась на встрѣчу великому Гостю своему! Попытаюсь еще.... Позвольте пройдти, господа! Дайте старику не умереть, не видавши Государя!

НАРОДЪ.

Ступай, ступай, дѣдушка! *(Пропускаютъ его).*

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Вотъ, какого-то старичишка пропустили, а меня, чиновницу... *(Звонъ усиливается).*

НАРОДЪ.

Государь! Государь! — Идетъ, идетъ! Шапки долой! Ура, Ура! *(Всѣ бѣгутъ въ одну сторону. Сцена почти пуста).*

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА, которую толкаютъ.

Тише, батюшка, тише! Охъ! пустите душу на покаяніе!

(Слышны за сценою крики: Ура! Ура! Народъ опять толпою бѣжитъ на сцену).

НАРОДЪ.

Видѣли, видѣли!

ПЕРВЫЙ.

Онъ кланялся всѣмъ!

ВТОРОЙ.

Какой красавецъ!

ТРЕТІЙ.

Какой милостивый!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ПАРАША, безъ чувствъ; ее несутъ на рукахъ. Народъ тѣснится кругомъ.

ПИСУЛЬКИНЪ

Что это такое? Ѳекла Ѳедосѣевна — вѣдь это ваша Сибирячка!

ѲЕКЛА ѲЕДОСѢЕВНА.

Ахти, и точно она!

ТАНЮША, бросается къ Парашѣ.

Милая Параша! Помогите ей!

ПИСУЛЬКИНЪ.

Что сдѣлалось?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Она подала просьбу Государю.

ПИСУЛЬКИНЪ.

Ахти! бѣда! Да, какъ она прошла, какъ осмѣлилась?

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Я стоялъ подлѣ самаго сукна, а подлѣ меня стала слѣпинькая старушка съ мальчикомъ, да эта дѣвушка, а сама вся такъ и дрожитъ, и слышу, молитву творитъ. Ну, да

знаешь, не до того... А какъ вышелъ нашъ надежа на Красное крыльцо, да какъ глянулъ орлинымъ взглядомъ, да какъ поклонился, такъ ужь отъ слезъ-то я и свѣта не взвидѣлъ. Кричу: Ура! забылъ все — сердце такъ-бы вотъ на дорогу ему выложилъ — а вотъ скажи онъ — такъ и на тысячу бы одинъ пошелъ... А онъ-то, соколъ нашъ, и пошелъ, и идетъ, и кланяется — а какъ поравнялся съ нами, дѣвушка-то и упала ему въ ноги, да руками-то ухватилась и рыдаетъ, и говоритъ: «Государь, Государь! помилуй, помилуй! Прости отца моего! Я изъ Сибири пришла пѣшкомъ — помилуй его, Государь!»

НАРОДЪ.

Изъ Сибири! Пѣшкомъ!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

А онъ остановился — взялъ у нея изъ рукъ какое-то письмо и говоритъ: «Встань, встань, мой другъ!» — и самъ ее поднимаетъ...

НАРОДЪ.

Онъ съ ней говорилъ! Онъ самъ поднималъ ее!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Тутъ всѣмъ, кто стоялъ, какъ будто Господь слово далъ, всѣ за одинъ голосъ: «Надежа Государь! помилуй!» А кто на колѣни, кто ему въ ноги! «За твоего отца всѣ просятъ — я прощаю его!» сказалъ Государь... Братцы, други, Русскіе люди! О, еслибы въ ту минуту могли вы видѣть лицо его, слышать его... Она какъ услышала: «Прощаю!« такъ и покатилась, а Государю и проходу не даютъ! — «Дайте,» говорятъ одни — «пустите его: онъ за насъ молиться идетъ!» Тутъ генералъ отъ Государя подошелъ и началъ говорить съ какимъ-то старикомъ, что подлѣ дѣвушки стоялъ, а мы подхватили ее, сердечную, да и вынесли сюда... Не умерла ли, полно?... Эхъ! какая молодая, а видно спознала горе...

ЯВЛЕНІЕ 6.

ДОБРОВЪ, ЛЕОНИДЪ, ПРОХОЖІЙ.

ДОБРОВЪ.

Пустите, братцы, пустите! Гдѣ та дѣвушка, что Государю просьбу подала?

НАРОДЪ.

Здѣсь! Здѣсь!

(Параша опомнилась, глядитъ кругомъ, протираетъ глаза. Леонидъ съ трепетомъ стоитъ въ отдаленіи).

ПАРАША.

Мнѣ казалось... Въ раю была я, или сонъ то былъ?...

ДОБРОВЪ.

Не сонъ... Государь простилъ отца твоего!

ПАРАША, вскакиваетъ.

Не обманывай меня... Скажи!...

ПРОХОЖІЙ.

Параша! опомнись: твой отецъ прощенъ — онъ опять получилъ честное имя, честь свою...

ДОБРОВЪ.

И Государь велѣлъ благодарить тебя, что ты дала ему случай на доброе дѣло... А этого молодца знаешь ли ты? Онъ мой сосѣдъ, на рукахъ моихъ воспитанъ и выросъ, а—имя его... онъ — братъ твой!

ЛЕОНИДЪ.

Сестра!

ПАРАША, бросается къ нему.

Братъ мой!... *(Бросается на колѣни)* Боже! возми жизнь мою и благослови милосердаго Государя!

(Народъ кричитъ: Ура! — Прохожій, за Парашею, подъемлетъ руки къ небу въ безмолвіи. Занавѣсъ опускается).

Эпилогъ.

Декорация перваго дѣйствія. Внутренность хижины Неизвѣстнаго. Онъ лежитъ на бѣдной постелѣ; жена сидитъ подлѣ него.

ЯВЛЕНІЕ I.

НЕИЗВѢСТНЫЙ И ЖЕНА ЕГО.

ОНА.

Ты проснулся?

ОНЪ.

Да, я чувствую, что сонъ подкрѣпилъ меня. Мнѣ лучше, другъ мой!

ОНА.

Слава Богу!

ОНЪ.

Ты благодаришь Бога? Добрая подруга моя! я не зналъ тебѣ цѣны прежде — прости меня!

ОНА.

О другъ мой!

ОНЪ.

Да, гордость и свирѣпость владѣли моимъ сердцемъ, и несчастіе не смиряло меня. Съ какимъ ужасомъ думаю теперь, что смерть могла застать меня въ грѣхѣ ожесточенія! Я искалъ смерти, и — страшился ея... Онъ пріемлетъ только смиреніе, Онъ прощаетъ только кроткимъ...

ОНА.

Тебѣ вредно говорить.

ОНЪ.

Нѣтъ! Что же, если смерть и кончитъ бытіе мое — я готовъ теперь, а вѣдь ты недолго переживешь меня? Только не умирай прежде — а если и ты оставишь меня... Да, я думалъ, что вся мѣра бѣдствія истощена надо мною, но разлука съ Парашею показала мнѣ, что былъ еще для меня участокъ счастія на землѣ.

ОНА.

Полно, мой другъ!

ОНЪ.

Не бойся, не бойся — я роптать не стану... Благословляю Создателя такъ же за бѣдствіе, какъ за счастье... А знаешь ли? Мнѣ... мнѣ хотѣлось бы опять прочитать письмо Параши... Дай мнѣ его... Сегодня мы еще его не читали... *(Она подаетъ ему письмо)* Да, это оно!... *(Цѣлуетъ его и плачетъ надъ нимъ).*

ОНА.

Другъ мой!...

ОНЪ.

Не бойся — это слезы почти радости. Знаешь ли, что сегодня, въ первый разъ послѣ разлуки съ нею — я видѣлъ ее во снѣ?...

ОНА, падаетъ на скамью.

О Боже мой!

ОНЪ, поднимаясь на постелѣ и оживляясь постепенно.

Да, да, я ее видѣлъ — она, казалось мнѣ, слетѣла откуда-то — у нея были золотыя крылья... Да, да, я видѣлъ... Тутъ была и ты... Она обняла насъ обоихъ... Ничего не сказала — и полетѣла куда-то, полетѣла... и

все манила насъ рукой! И все улыбалась намъ! *(Онъ встаетъ, забывшись.)*... Да, да, улыбалась, и мы шли за нею... и кто-то пѣлъ, такъ сладко, такъ хорошо... и сердце мое усладилось, какъ будто я наплакался вдоволь...

ОНА.

Ахъ! не смерть ли ея предвѣщаетъ твой сонъ!... Гдѣ ты, моя Параша?

ОНЪ.

Гдѣ? Можетъ быть, тамъ — дома... О, не плачь — благослови ее... Хотѣлъ бы я только видѣть ея могилу, лечь подлѣ нея *(Останавливается)*... Мнѣ кажется, тамъ что-то шумятъ, говорятъ? Слышишь? Кто бы это?

->•<-

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И ИСПРАВНИКЪ.

ИСПРАВНИКЪ.

А, здравствуй, Александръ Григорьевичъ! Поздравляю, братъ, поздравляю...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Съ чѣмъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Да, видишь: ты молодецъ молодцомъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да, мнѣ теперь лучше...

ИСПРАВНИКЪ.

Садись-ка, садись — поговоримъ! Вотъ, видишь... *(тихо)* Какъ начать?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы что-то смущены, Игнатій Ѳерапонтовичъ? Скажите: не случилось ли несчастія?

ИСПРАВНИКЪ, ходитъ по хижинѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Такъ, братецъ!... Что ты все о несчастіяхъ говоришь... Думай, что Богъ иногда и счастье намъ посылаетъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Его ли щедроты истощатся на человѣка!

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, то-то же! Вотъ тебѣ, развѣ нельзя еще ожидать счастья? А?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, улыбаясь.

Мнѣ?

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, что ты смѣешься? Вотъ, на примѣръ,

еслибы ты получилъ извѣстіе о твоей дочери.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, подымаясь.

Дочери?

ЖЕНА, приближается.

О Парашѣ?

ОБА, съ двухъ сторонъ.

Развѣ есть письмо отъ нея?

ИСПРАВНИКЪ.

Нѣтъ, я такъ говорю, что еслибы...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

А! такъ! На что же шутите вы такими рѣчами!...

(Жена подводитъ его опять къ скамейкѣ и поддерживаетъ; двери немного отворяются — видны Леонидъ и Параша).

ИСПРАВНИКЪ, замѣтя ихъ, дѣлаетъ знаки, чтобы они не выходили.

Вотъ другая бѣда — и тѣхъ не удержишь! Спрячьтесь, спрячьтесь!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Что вы говорите, Игнатій Ферапонтовичъ?

ИСПРАВНИКЪ.

Такъ... про себя...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы добрый человѣкъ, а чуть было не убили меня.

ИСПРАВНИКЪ.

Да, что ты, братецъ, въ самомъ дѣлѣ — не убили!... Вѣдь этакъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ пришло отъ дочери твоей письмо, такъ чтобы съ тобой дѣлать? Если у меня точно есть письмо?

НЕИЗВѢСТНЫЙ, вскакивая.

Письмо! Отъ Параши!

ЖЕНА.

Отъ нея письмо! Жива ли она? Здорова ли?...

ИСПРАВНИКЪ.

И если еще она пишетъ, что и просьбу ея услышали...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Письмо! Отдай мнѣ письмо — ради Бога!

(Онъ падаетъ передъ нимъ на колѣни).

ИСПРАВНИКЪ.

Ну, была не была!... Умирай же отъ радости: ты прощенъ — дочь твоя видѣла Государя — она ѣдетъ сюда!

(Неизвѣстный начинаетъ хохотать дикимъ хохотомъ.

Ну, старый дуралей! Надѣлалъ я дѣла! — Такъ знай же, что она ужь здѣсь — и сынъ твой съ нею!

ГОЛОСЪ ПАРАШИ.

Пустите меня! Батюшка! Матушка!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, бросается къ дверямъ и вышибаетъ ихъ.

Параша!

(Она бросается въ его объятія безъ чувствъ. Леонидъ на колѣняхъ).

Мертвая!

ИСПРАВНИКЪ.

Живая, братецъ, живая! Кто отъ радости умираетъ!... А этотъ молодецъ? Вѣдь это сынъ твой... О, тьфу пропасть!

(Отходитъ въ сторону и плачетъ).

ПАРАША.

Батюшка! ты прощенъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ объятіяхъ сына и дочери.

Благословенный! да встрѣтятъ тебя Ангелы такою радостью, когда ты будешь *нашъ ангелъ на небесахъ!*

ОДА
ПРЕМУДРОЙ ЦАРЕВНѢ
КИРГИЗЪ-КАЙСАЦКОЙ ФЕЛИЦѢ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КНЯЗЬ А. А. знатный вельможа.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ, дѣйств. тайн. совѣтникъ.

КНЯГИНЯ ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА, статсъ-дама и Президентъ Россійской Академіи.

ГАВРІЛО РОМАНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ, коллежскій совѣтникъ, служащій у Князя А. А.

О. П. КОЗОДАВЛЕВЪ, чиновникъ, служащій въ Горномъ Корпусѣ.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ХЕМНИЦЕРЪ, также чиновникъ, служащій въ Горномъ Корпусѣ.

ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ N. N., чиновникъ при Державинѣ.

МИРОНЪ ѲЕДОСЬЕВИЧЪ ТОЛСТОСУМОВЪ, откупщикъ.

Слуга Князя А. А.

Дѣйствіе въ С. Петербургѣ, въ 1782 году, въ домѣ Князя А. А.

ОДА ПРЕМУДРОЙ ЦАРЕВНѢ

КИРГИЗЪ - КАЙСАЦКОЙ ФЕЛИЦѢ.

БОГАТО УБРАННАЯ КОМНАТА. — МЕБЕЛЬ ВО ВКУСѢ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛѢТІЯ. — ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛЪ, И НА НЕМЪ БУМАГИ И ПОРТФЕЛИ. — НА СТѢНѢ ВИДѢНЪ ЗВОНОКЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

N. N. (входитъ).

Его еще нѣтъ, а Князь уже два раза изволилъ спрашивать. Прекрасно! Какое-то важное дѣло: если не ошибаюсь, кажется, рѣшеніе о процессѣ Мирона Ѳедосѣевича по законному взысканію... Если оно не готово еще у г-на Державина — посмотримъ, милостивецъ вы мой, какъ-то выпутаетесь!... Князь терпѣть не можетъ неаккуратности и медленности. И какъ иначе такому человѣку, у кото-

раго и думать-то много о дѣлахъ некогда, а не только еще раздумывать — думаютъ за него одни, а дѣлаютъ другіе: ему остается только *рѣшать* и *исполнять*... И въ прошедшій разъ г-ну Державину плохо приходилось: я увѣренъ, что бумага была не готова, но Богъ знаетъ, что за человѣкъ такой! Кажется, такой разсѣянный — глаза въ небо, о дѣлѣ не думаетъ, а сядетъ, да начнетъ — гдѣ нашему брату туголобу, дѣловому человѣку!... такъ, вотъ, у него и льется!... А откуда? Голова-то у него не больше нашей, да ужь, кажется, и сидишь, сидишь, потѣешь, потѣешь... Онъ, какъ бѣльмо на глазу у меня, этотъ г-нъ Державинъ. Еслибы не онъ, давно бы Князь отличилъ мое усердіе.... мою дѣльность... Мое... (*глядитъ на столъ съ бумагами*). Хмъ! не уже ли грѣхъ? (*задумывается*) А средство чудесное!. Если правда, что Державинъ точно занимается піитикою и сочиняетъ риомы — стоило бы показать ихъ Князю, и тогда — честь имѣемъ поздравить, г-нъ Державинъ!... Князь терпѣть не можетъ риомоплетовъ, и недавно еще изволилъ говоритъ, что для него

все равно, что *стихотворецъ*, что *смѣхотворецъ* ...хе! хе! хе!... Третьягодня замѣтилъ я... *(осматривается).* Ну, Яковъ Петровичъ — вѣдь никого нѣтъ!... Посмотрѣть въ его бумагахъ... Ухъ!... Тутъ что-то... *(указывая на сердце)* Молчи, дура совѣсть! вѣдь я пользу принесу, если избавлю Его Сіятельство.... отъ... отъ стихотворца... *(перебираетъ бумаги поспѣшно).* Ба, ба, ба! Что это? Что это? Стихи! *(читаетъ про себя).* Великій Боже! Какъ? — Да, это злодѣйство! Да, это *пашквиль*, да, онъ фармазонъ, вольнодумецъ!... О драгоцѣнная бумажка! О... Его ли только рука? Его, его! *(читаетъ снова)* Сатира, злыя, вредныя мысли... Это на Его Сіятельство. Какія ругательства! Ахъ! да, онъ злодѣй! О, Яковъ Петровичъ! О, блаженный изъ смертныхъ! О... сегодня же Его Сіятельству въ руки...

(Слышенъ голосъ Державина: Отойдите, сударь, прочь — говорю я вамъ! Если дѣло ваше правое, мнѣ никакихъ просьбъ вашихъ не нужно!)

Онъ идетъ! Приведемъ все въ порядокъ — нѣтъ сомнѣнія: онъ пашквилантъ, риомачъ —

онъ фармазонъ! Спрячемъ драгоцѣнную бумажку — онъ не догадается — до того ли ему! Голова-то у него вѣтромъ набита....

ЯВЛЕНІЕ 2.

N. N. и ДЕРЖАВИНЪ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Чего онъ хочетъ, этотъ мерзавецъ? — Лѣзетъ въ глаза каждый разъ, какъ будто его гибкая спина доказательство правоты его... А, здравствуйте, Яковъ Петровичъ! Вы давно ужь здѣсь?

N. N.

Давно. Вы сегодня опоздали...

ДЕРЖАВИНЪ.

Дѣла... *(тихо)* Эта проклятая строфа... эта рифма... и цѣлое утро за ними просидѣть... Глупо, глупо!...

N. N.

Его Сіятельство изволилъ спрашивать васъ....

ДЕРЖАВИНЪ.

Ну, что же?

N. N.

Какую-то бумагу изволили упоминать ..

ДЕРЖАВИНЪ.

Готова.

N. N.

Уже?

ДЕРЖАВИНЪ.

Разумѣется. — *(въ сторону)* А я и приняться за нее не успѣлъ!

N. N. (помолчавъ).

Хмъ!... Миронъ Ѳедосѣевичъ приходилъ также...

ДЕРЖАВИНЪ.

Если придетъ еще, скажите, что мнѣ съ нимъ говорить некогда.

N. N.

Съ Мирономъ Ѳедосѣевичемъ?

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, да, съ Мирономъ Ѳедосѣевичемъ.

N. N.

Но онъ былъ у Его Сіятельства, и кажется...

ДЕРЖАВИНЪ.

Государь мой! вамъ можетъ казаться что угодно, а я свое дѣло знаю.

N. N. (тихо).

Врядъ ли знаешь!... Кути на свою голову!... *(уходитъ).*

ДЕРЖАВИНЪ, (садится за столъ).

Примемся за *дѣло... (перебирая бумаги)* Какая пасквильная рожа у этого Якова Петровича — такъ оплеуху и вызываетъ... Да, если въ домахъ терпятъ крысъ и мышей, для канцеляріи такія крысы и мыши необходимы.... И онъ слыветъ еще *дѣловымъ человѣкомъ!...* Какъ будто трудно, употребивши весь свой умишко, напутать подьяческую бумагу.... А этой бумаги я писать не стану — тутъ безбожная неправда — онъ мошенникъ. Но въ правѣ ли я разсуждать? Я машина: что велятъ, то и дѣлай!... Неправда! Гдѣ моя совѣсть говоритъ: *нѣтъ*, пусть цѣлый міръ говоритъ: *да* — «нѣтъ!» скажу я... Пусть назовутъ меня *бездѣльникомъ*, а имени *дѣловаго человѣка* такою подлостью я не хочу поку-

пать!... Вотъ здѣсь, гдѣ милости моей Монархини изливаются на ея государство, здѣсь я готовъ употребить все мое стараніе.... Однакожь, и она неготова... Да, долго ли написать!... А зачѣмъ не написана?... Эти проклятые стихи отняли у меня сегодня все время... Хороши, правда, и вышли: жена похвалила, а у нея есть вкусъ... Она уговорила меня не бросать моей Оды *Богъ*. И памяти ли моего добраго друга не прославить моей поэзіей?... Прославить!... А кто тебѣ сказалъ, бѣднякъ, что ты ее прославишь? Да, еще уцѣлѣетъ ли твой стихъ? Вспомнятъ ли потомки хоть о томъ, что *былъ на Руси Державинъ?* — И что такое вся наша поэзія? Не сумасбродство ли низать глупыя риомы? — Восторгъ! Какой тутъ восторгъ, когда, вотъ, риома остановила у меня мысль, и вотъ я бьюсь за ней — упускаю дѣла — дѣла, обязанность: я сынъ отечества, я чиновникъ — я берусь за трудъ и не дѣлаю... Проклятъ, кто творитъ дѣло свое съ небреженіемъ! — Страшно подумать! Нѣтъ, прочь, поэзія! Ты мечта: не промѣняю суеты твоей на истинную пользу!... Клянусь..

(пишетъ) Если.... я отру слезу бѣднаго *теперь,* промѣнять ли ее на безвѣстное *будущее... (бросаетъ перо)* Ни одной мысли не приходитъ въ голову! Трудись, Державинъ, работай!... *(читаетъ)* «И въ слѣдствіе вышерѣченнаго, поелику таковыя послѣдствія.... поелику таковыя послѣдствія.... поелику...» *(бормочетъ скоро)* И.... красы.... косы.... *(вскакиваетъ)* Она, точно: *и... и... и точитъ лезвее косы!* Какая полная выходитъ картина! Прекрасно, прекрасно! *(въ восторгѣ)* Среди пира, среди роскоши — гробъ; веселая пѣсня смѣняется воемъ похороннымъ, и смерть пируетъ среди тлѣнія и суеты міра:

Гдѣ столъ былъ яствъ—тамъ гробъ стоитъ!
Гдѣ пиршествъ раздавались клики —
Надгробные тамъ воютъ лики
И — блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ!
Глядитъ на всѣхъ — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и въ сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны
И — точитъ лезвее косы!

Не скажутъ ли опять, что это *слишкомъ просто* — нѣтъ *піитическаго украшенія?* Но — дураки они, не понимаютъ, что тутъ-то и поэзія. Нѣтъ! сердце мое говоритъ мнѣ, что это хорошо .. Записать,! записать скорѣй! *(садится)* Ахъ! какъ я радъ, какъ я веселъ теперь! Боже мой! еслибы человѣкъ всегда могъ такъ сладостно упиваться такими минутами, еслибы жизнь его была исполнена одной поэзіи чистой, безпримѣсной... Кто тогда подумалъ бы о суетѣ міра? Радуйся, поэтъ: *здѣсь* у тебя есть что-то и оно шепчетъ тебѣ о безсмертіи! Пусть кричатъ, пусть говорятъ —

Ничто меня вредить не можетъ —
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А *я* — поэтъ, и не умру!

Такъ поэтъ пустой, бездѣльный человѣкъ, милостивые государи? — Ха, ха, ха! Онъ не творитъ пользы отечеству? Онъ, поучающій людей, руководящій сердца къ добру, ведущій въ храмъ славы героевъ? Нѣтъ, нѣтъ! врете вы, дурачье! *(Ходитъ поспѣшно по комнатѣ).*

ЯВЛЕНІЕ 3.

ДЕРЖАВИНЪ и N. N.

N. N.

Гаврило Романовичъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Тысячи дѣльцовъ живутъ теперь въ Россіи, а Державинъ — одинъ! Они всѣ забудутся, а меня — не забудутъ!

N. N. (громче).

Гаврило Романовичъ! (тихо) Что онъ руками то машетъ? Ну, ужь не стихи ли читаетъ?

ДЕРЖАВИНЪ, (не видя его).

Необычайнымъ я пареньемъ
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ,
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь!

N. N. (тихо).

Что онъ говоритъ о лебедяхъ? Не прислана ли бумага о новой высылкѣ ихъ въ Царское Село?

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, такъ: хоть родомъ я не славенъ,
Но будучи любимецъ Музъ,
Другимъ не буду смертнымъ равенъ
И самой смертью предпочтусь!

N. N. (тихо).

Ну, ужь это, воля ваша, онъ стихи читаетъ! Ахъ, ты, Господи! Вотъ, вмѣсто дѣла, да чѣмъ занятъ? а?

ДЕРЖАВИНЪ.

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не обращусь я въ прахъ...

N. N. (тихо).

Звѣзды прахъ! Ахъ! ты фармазонъ проклятый! Вотъ какъ разсуждаетъ онъ о знакахъ отличія!

ДЕРЖАВИНЪ.

Но будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ....

N. N. (тихо).

Что? Голоса небесъ? — И слушать-то грѣхъ!... Ну, я выведу тебя наружу... Постой, любезный!... *(громко)* Гаврило Романовичъ!

ДЕРЖАВИНЪ, (содрогаясь).

Что такое?

N. N.

Его Сіятельство изволятъ требовать бумагу по дѣлу Мирона Ѳедосѣевича.

ДЕРЖАВИНЪ, (съ досадою).

Бумагу?... Скажите, что я самъ приду сей часъ....

N. N.

То есть, изволите-дескать, сами принести?

ДЕРЖАВИНЪ.

Приду, говорю я вамъ, а не принесу! Объ этомъ надобно объясниться....

N. N.

Его Сіятельство изволятъ требовать.

ДЕРЖАВИНЪ, (съ досадою).

Она, сударь, еще не написана....

N. N.

Но....

ДЕРЖАВИНЪ (горячо).

Я и писать ея не хочу!

N. N. (улыбаясь).

Такъ и сказать прикажете?

ДЕРЖАВИНЪ, (смѣшавшись).

Нѣтъ, нѣтъ!... Этого не нужно говорить... *(тихо)* О, Боже мой!... *(въ слухъ)* Скажите, что я иду.... *(N. N. усмѣхается и уходитъ)* Вотъ тебѣ и поэзія!... О, друзья мои, друзья мои! Вы, которые упрекаете меня въ лѣности въ безпечности — вотъ посмотрите: какъ ужиться моей поэзіи съ жизнью — вотъ хорошо мѣсто восторгу нашли въ подьяческой канцеляріи!

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой —
Пищитъ, бѣдняжка, вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: «Пой, птичка, пой!»

ЯВЛЕНІЕ 4.

ДЕРЖАВИНЪ, КОЗОДАВЛЕВЪ, ХЕМНИЦЕРЪ.

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Войдемъ, братецъ, войдемъ — вѣдь тутъ онъ одинъ!

ХЕМНИЦЕРЪ (робко).

Да, если Князь... если Его Сіятельство придетъ....

ДЕРЖАВИНЪ (*Важно*).

А! Осипъ Петровичъ, Иванъ Иванычъ! Здорово, друзья, здорово!

ХЕМНИЦЕРЪ (*робко*).

Братецъ, Гаврило Романовичъ, если твой Генералъ-Прокуроръ... Здравствуй.... (*осматриваясь*) Никого, кажется, нѣтъ... (*ободрясь*) Здорово, милый! (*бьетъ въ его руку*).

КОЗОДАВЛЕВЪ.

А знаешь, за чѣмъ мы къ тебѣ? Если есть у тебя минутка свободная....

ДЕРЖАВИНЪ.

Ну?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Прочти намъ свою Фелицу.

ДЕРЖАВИНЪ (*усмѣхаясь*).

Фелицу?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да, братецъ, пожалуста, прочитай!

ДЕРЖАВИНЪ.

Вы очень кстати пришли!... Ну, пусть бы ужь Иванъ Иванычъ — такъ и быть, а ты,

Осипъ Петровичъ? Кажется, ты человѣкъ благоразумный...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Такъ чтожь такое?

ДЕРЖАВИНЪ.

Пришелъ стихи читать — въ подьяческую мастерскую... Эхъ, пріятель, ты смѣешься надо мною!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Вотъ вздоръ какой! Да, это, братецъ, я его уговорилъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Оно и видно! Охъ, ты, Лафонтенъ Иванычъ. Иванъ Лафонтенычъ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Что тутъ *Лафонтен* ! Мы встрѣтились съ нимъ и разговорились объ тебѣ. Я и началъ бранить тебя: «что, молъ онъ занимается дрянью подьячествомъ, съ его талантомъ которымъ могъ бы онъ прославить свое отечество.» и прочее, и прочее, что я тебѣ всегда говорю. А Осипъ Петровичъ мнѣ и говоритъ, что ты такую пьесу написалъ, что она ужь

все прежнія затмѣваетъ. Я и присталъ къ нему: «Скажи, какую?» — Не могу, говоритъ: далъ слово молчать и даже ни отцу родному не говорить. — «Такъ пойдемъ же, молъ, къ Державину — онъ мнѣ самъ прочтетъ.» Зашли къ тебѣ на Литейную — ты ужь уѣхалъ. Мы сюда... Ты что-то не веселъ, буйну голову повѣсилъ?...

ДЕРЖАВИНЪ.

Ничего — такъ! По службѣ непріятности...

ХЕМНИЦЕРЪ.

По службѣ? А чортъ тебѣ велитъ, прости Господи, не за свое дѣло приниматься? Ну, а если ты служишь, такъ и служи...

ДЕРЖАВИНЪ.

Служить моей великой Монархинѣ готовъ вѣрою и правдою, но угождать прихоти каждаго негодяя, видѣть зло и не мочь истребить его — о! это разрываетъ мое сердце! Какія подлости, низости повсюду!... Я увѣренъ, что есть люди, которые хотѣли бы пособить злу...

ХЕМНИЦЕРЪ.

Пособить бы нетрудно, еслибы только по-

слушались моего совѣта... Что толку въ желаніи добра, если не такъ за дѣло берутся?...

ДЕРЖАВИНЪ (нетерпѣливо).

А какъ же по твоему?

ХЕМНИЦЕРЪ (добродушно улыбаясь).

Какъ? А вотъ, послушай сказочку, которую я только что написалъ вчера — ты еще не слыхалъ....

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Да, и премилую сказочку!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Премилую? Ужь я, братъ, не милую никого, если на правду пошло. Послушай:

Все надобно стараться
Съ потребной стороны за дѣло приниматься,
А если иначе — все будетъ безъ пути.
Хозяинъ нѣкакой сталъ лѣстницу мести,
Да, началъ, не умѣя взяться,
Съ ступеней нижнихъ месть. Хоть съ нижней соръ
смететъ,
А съ верхней соръ опять на нижнюю спадетъ.
«Не безтолковъ ли ты,» ему тутъ говорили,
Которые при этомъ были:
«Кто съ низу лѣстницу мететъ

ДЕРЖАВИНЪ.

Какое же выводишь ты тутъ *правоученіе*?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Какое?..? Хе, хе, хе!

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, какомъ бы то ни было,
Не съ вышнихъ степей, а съ нижнихъ начинать.

ДЕРЖАВИНЪ (горько усмѣхаясь).

Соръ сметать?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ну, да, положимъ — «соръ сметать»....

ДЕРЖАВИНЪ.

Умно. Ну, а если намъ нельзя его сметать?...

ХЕМНИЦЕРЪ.

Такъ лучше, братецъ, удалиться отъ зла и сотворить благо...

ДЕРЖАВИНЪ.

Правда правда, и кажется, дѣло тѣмъ и кончится, что я разстанусь съ моимъ начальникомъ... Не спорю, онъ человѣкъ почтенный, честный, умный, но...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Но стихотворцовъ, говорятъ, терпѣть не можетъ, хоть самъ человѣкъ ученый, которому изъ училища былъ данъ самый выгодный аттестатъ. Мы читали его, помнишь? «Скончалъ геометрію и регулярную фортификацію, учится иррегулярной съ атакой; рисуетъ ландшафты красками хорошо; разумѣетъ и говоритъ по Нѣмецки; переводитъ съ Россійскаго на Нѣмецкій языкъ; нарочито сочиняетъ Нѣмецкія письма по диспозиціи; учится Исторіи универсальной и Исторіи специяльной; фехтуетъ нѣсколько, танцуетъ менуэты...»

ДЕРЖАВИНЪ.

Его вспыльчивый нравъ, и особливо его охота слушать навѣты негодяевъ, при его недовѣрчивости; его проклятая политика: ссорить подчиненныхъ, чтобы они другъ на друга выводили.... — Я рѣшился объясниться съ нимъ, и если онъ не убѣдится моими словами — просить у него свободы... Что ты опять смѣешься, Иванъ Ивановичъ?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ничего! Мнѣ только опять пришла въ голову побасенка, очень кстати — послушай:

Въ неволѣ неутѣшно быть:
Какъ не стараться
Свободы получить?
Да, надобно за все подумавши приняться,
Чтобы большой бѣды отъ малой не нажить.
Собака привязи избавиться хотѣла
И привязь стала было рвать —
Не рвется привязь — грызть ее, и — перегрызла!
Но тою жь привязью опять,
Которой связанны концы короче стали, —
Короче прежняго собаку привязали....

ДЕРЖАВИНЪ.

Благодарю за совѣтъ, мой любезный, да мнѣ онъ не нуженъ — я не собака и не на цѣпи: сыщу мѣсто!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Воспомни мою лисицу, которая забыла прорыть въ норѣ своей отнорки....

Когда съ Лисицы вдругъ о людяхъ говорить,
Какъ впрямь того не похвалить,
Кто съ осторожностью на службѣ поступаетъ,
Что напередъ себя мѣстами запасаетъ:
Сталъ новый командиръ изъ мѣста выживать,

Другое есть, куда пристать...
Хоть впрочемъ иногда случится,
Гдѣ статскій чинъ сидѣлъ, военный очутится,
Да дѣло здѣсь о томъ: когда пришла бѣда,
Что надобно бѣжать, такъ было бы куда!

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, чтожь ты, братецъ, неужели въ самомъ дѣлѣ думаешь, что въ свѣтѣ нѣтъ добрыхъ людей, что не сыщутся мнѣ добрые друзья?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ой, братецъ, ой! Чѣмъ больше живу, тѣмъ больше увѣряюсь, что всего лучше на свѣтѣ — родиться дуракомъ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Дуракомъ?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да!

Дуракъ ужь вѣрно сыщетъ средство
Счастливымъ въ свѣтѣ быть!

А то, куда вотъ съ этакими умными головами, какъ твоя — не сладишь!

ДЕРЖАВИНЪ.

Благодарю, но въ сердцѣ моемъ никогда

не истребится святая увѣренность къ людямъ....

ХЕМНИЦЕРЪ.

Людямъ-то ты и вѣрь, да друзьямъ-то только не вѣрь... *(Державинъ съ досадою отворачивается и садится).* И на сей разъ прочелъ бы я тебѣ побасенку — ужь извини: вѣдь стихотворцы назойливы, но....

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Твои Езоповскія поученія очень хороши, но ты только сердишь ими нашего друга.

ХЕМНИЦЕРЪ.

За правду ему сердиться грѣхъ, а если правды свѣтъ не любитъ — пришлось сказки сказывать — сказки вранье, а со вранья пошлины нѣтъ... А между тѣмъ люди не замѣчаютъ, что вѣдь сказкой-то только пилюлю истины золотятъ...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Ты самъ не забылъ ли пословицы: «Соловья *баснями* не кормятъ»?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Охъ! люди-то не соловьи, Осипъ Петровичъ

— видалъ я изъ нихъ сычей, воронъ, галокъ, кукушекъ, воробьевъ, Индѣйскихъ пѣтуховъ, а соловьевъ Богъ не приводилъ еще видать...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Я говорю о нашемъ другѣ.

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ну, и онъ не соловей!

ДЕРЖАВИНЪ (вскакивая).

Такъ, что же я, по твоему мнѣнію?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ты орелъ громовержецъ! Потому-то ты и смѣшонъ въ стадѣ галокъ и не годишься къ воронамъ подъ пару! И вмѣсто того, чтобы тебѣ разорвать свои цѣпи и парить къ солнцу, ты пресмыкаешься въ пыли канцелярій и вельможескихъ переднихъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Не твою ли безпечную жизнь перенять мнѣ? Не орломъ ли и ты себя почитаешь? Не потому ли ты разбилъ всѣ цѣпи?

ХЕМНИЦЕРЪ (грустно).

Нѣтъ, а потому, что рано узналъ я и горе жизни и ничтожество свое. Хлѣбомъ сироты

вскормили меня. Я бѣжалъ изъ хирургической школы, бросился на войну и увидѣлъ тамъ ту же анатомическую школу, только въ большомъ видѣ. Давай Богъ ноги! Ну, сталъ мыкаться по бѣлу свѣту: видѣлъ пчелиный улей въ Нѣмеціи, видѣлъ недорослей во Франціи, видѣлъ сундуки, вмѣсто людей, въ Голландіи — видѣлъ много, и еслибы не старушка мать моя, не видать бы вамъ меня здѣсь — ушелъ бы я отъ васъ далеко, въ какой нибудь уголокъ — Богъ съ вами, братцы! — А теперь, чтожъ дѣлать: живу — смѣюсь сквозь слезъ, да изрѣдка сказываю басенки.... Чувствую, что и затѣмъ мнѣ не ужиться! Уѣду отъ васъ, уѣду — тогда вспомните бѣднаго Ивана Хемницера, да будетъ поздно!

ДЕРЖАВИНЪ (обнимаетъ его).

Братъ! извини! Я все еще не научусь понимать тебя — тебя истиннаго философа!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Что я люблю тебя, что я дивлюсь тебѣ, что вижу въ тебѣ великаго человѣка — вотъ что пойми ты. Послушай меня: брось все — лиру въ руки, вперя очи въ безсмертіе!

ДЕРЖАВИНЪ.

Нѣтъ! ты меня не увѣришь! Мои опыты такой вздоръ, такъ ничтожны... Гдѣ мнѣ сравняться съ Михайломъ Васильевичемъ Ломоносовымъ!...

ХЕМНИЦЕРЪ (съ досадой).

Что ты бредишь? Ломоносовъ былъ уменъ, ученъ, а ты, братецъ, поэтъ, ты геній! Пусть Свѣтлѣйшій говоритъ Денису, что онъ не умретъ — не знаю: доростетъ ли его Недоросль до безсмертія, а твой *Богъ*, твой *Вельможа*, планы того, что ты хочешь еще писать — залогъ твоего безсмертія безъ поруки свѣтлѣйшихъ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Мой добрый Хемницеръ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Въ тебѣ Пиндаръ Россіи, въ тебѣ наши Клопштоки, въ тебѣ тотъ великій духъ, который.... Какъ бишь ты такъ хорошо выразилъ? — Память у меня предурная — только помню свои вздорныя побасенки.... «Сей духъ»... какъ бишь?

ДЕРЖАВИНЪ (воспламеняясь).

Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,
Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту....

ХЕМНИЦЕРЪ.

Далѣе, далѣе!...

ДЕРЖАВИНЪ.

Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить!

ХЕМНИЦЕРЪ (всплеснувъ руками).

Гаврило Романовичъ! бѣги, бѣги, въ уединеніе — укройся отъ людей — твоя подруга пойдетъ съ тобой въ хижину, а у тебя есть кусокъ хлѣба подъ сельскимъ кровомъ — тамъ твое мѣсто: Державинъ въ лѣсу за Камою — исполинъ; Державинъ здѣсь, въ канцеляріи — пигмей!

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, почему не позволяютъ они мнѣ быть полезнымъ и моею службою? Кого я оскор-

бляю? Кому я не желаю добра? у кого отбиваю мѣста? кому мѣшаю?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Кого, кому, у кого! Бездѣльникамъ, плутамъ, пронырамъ — твоими поступками; всѣмъ — твоимъ умомъ... Да, убей Богъ! — Поэтъ, а дивится еще, что огонь съ водой не уживаются! Ну, да и стишки-то твои... хмъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

А ты самъ развѣ не колешь баснями?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Этакъ сравнилъ! Комаръ жужжитъ въ побасенкѣ изъ за уха... а вѣдь ужь ты, какъ хватишь....

ДЕРЖАВИНЪ.

Такъ чтожъ? Скрывать что ли, таить мнѣ негодованіе, мой кипучій гнѣвъ....

ХЕМНИЦЕРЪ.

Такъ ты бей комаровъ, а не трогай волковъ, да медвѣдей... или не жалуйся, если они тебя гнутъ лапой....

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, что ты въ самомъ дѣлѣ? Кому я навя-

зываюсь съ своими стихами? Кого я задѣлъ ими изъ большихъ людей? Не я ли уважаю, почитаю, прославляю ихъ всѣхъ? Не я ли славилъ Свѣтлѣйшаго? Не я ли...

ХЕМНИЦЕРЪ.

Не ты ли въ Читалагайскихъ одахъ изобразилъ намъ гордаго сластолюбца, временщика, неблагодарнаго Сарданапала... вотъ въ тѣхъ чудесныхъ стихахъ, гдѣ ты, какъ громъ небесный, разразился надъ презрѣннымъ вельможей? Какъ бишь они? «Орелъ паритъ подъ облаками»....

ДЕРЖАВИНЪ (съ жаромъ).

Ты все перевираешь! «Орелъ по высотамъ паря...»

ХЕМНИЦЕРЪ (тихо).

А мнѣ бы только заставить его читать: услада душѣ, какъ онъ читаетъ, а я ихъ и самъ наизусть знаю.... *(громко)* Ну, да, да! «Орелъ по высотамъ паря».... «Увидѣлъ солнце»... кажется....

ДЕРЖАВИНЪ (съ жаромъ).

Вздоръ какой! Вотъ какая безтолковая у тебя голова!

Орелъ, по высотамъ паря,
Ужь солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ,
А твой чертогъ едва заря
Румянитъ сквозь завѣсъ червленныхъ,
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Струятся розы и лилеи —
Ты съ ней спокойно спишь, — а тамъ!
А тамъ израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межь челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ, и — ждетъ тебя ужь часъ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Браво, браво! «А тамъ»....

ДЕРЖАВИНЪ.

А тамъ, вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцомъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга,
Въ тебѣ его зрѣвъ прежде друга,
Пришла мольбу тебѣ принесть!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Чудо! Ну, ну!

ДЕРЖАВИНЪ.

А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами —
Заимодавцовъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами!
Проснися, сибаритъ, ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердце мнишь:
«Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ исторьи вѣки....

(Останавливается, видя, что Хемницеръ хохочетъ).

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ну, этакіе стишки прочти-ка въ публикѣ: не поморщится ли кто изъ слушающихъ? А?

ДЕРЖАВИНЪ *(задумавшись)*.

Правда, мой мудрецъ, правда!... Но я буду умѣть доказать, что поэтъ, съ святою истиною въ устахъ, не погибнетъ подъ державою Русской Царицы — я славилъ ея побѣды — я хочу сказать ей и великія истины. У трона ея провозглашу я пѣснь мою, отъ которой за-

трепещетъ порокъ, которою будутъ поучаться цари!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Трудно тебѣ будетъ туда пробиться: чиновникамъ 6-го класса пріѣздъ ко Двору не позволенъ....

ДЕРЖАВИНЪ.

Не *коллежскій совѣтникъ*, но *поэтъ* Державинъ — *мурза* Державинъ проговоритъ ихъ, и не *Императрицѣ*, но *Ордынской Царевнѣ Фелицѣ*....

ХЕМНИЦЕРЪ (тихо).

Добился! (*громко*) Такъ это, стало быть, и составило содержаніе твоей Фелицы?

ДЕРЖАВИНЪ (увлекаясь).

Да, видишь, какая мысль: ты знаешь наставленія, какія Государыня изобразила въ сказкѣ своей, которую написала она для своего внука, того Александра, которому предвѣщалъ я славу и величіе, который обезсмертитъ себя великими дѣлами, въ чемъ крѣпко увѣрено мое сердце, котораго потомки назовутъ — Александръ Благословенный!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ну, ну!

ДЕРЖАВИНЪ.

Ты знаешь еще, что мой предокъ былъ Татарскій мурза Багримъ. Вотъ я и пишу: *Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ Сактпетербургѣ; переводъ съ Арабскаго языка.»* Понимаешь: это не ода, не коллежскій совѣтникъ Державинъ поетъ свою Императрицу, но — *мурза Багримъ* говоритъ съ *Фелицею* — все исчезло между нами: здѣсь *Она* и — *я*, *Царица* и *поэтъ*, *Фелица* и *Багримъ*!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Понимаю, понимаю!

ДЕРЖАВИНЪ.

Какъ досадно — не помню... Осипъ Петровичъ! у тебя есть, кажется, списокъ... Ну, ужь такъ и быть, прочти ему... Мнѣ, право, и некогда теперь...

КОЗОДАВЛЕВЪ (тихо).

Какъ онъ догадался, что у меня есть спи-

сокъ! *(громко)* Что ты? Какой списокъ? Ты мнѣ позволилъ только показать Фелицу теткѣ моей....

ДЕРЖАВИНЪ.

Ну, чтожь ты испугался? Я вѣдь такъ говорю — совсѣмъ забылъ... Постой, постой! Вотъ, кажется, какъ я начинаю:

Богоподобная царевна
Киргизъ-Кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойдти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Онъ мой и духъ и умъ плѣняетъ —
Подай найдти ея совѣтъ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Превосходно!

ДЕРЖАВИНЪ.

Тутъ я изображаю пороки, страсти, глупости людей и мурзъ, срываю личины со всѣхъ — узнавай себя, кто хочетъ — что мнѣ до того! А потомъ исчисляю ея добродѣтели, ея дѣла, за которыя свѣтъ назвалъ ее Великою

— по негромко, по неиышно: я дерзаю, да я хочу

истину царямъ съ улыбкой говорить!

Я обращаюсь къ трону Фелицы, и изъ души моей льются тѣ истины, тѣ поученія царямъ, которыя осуществила она своими дѣлами:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что Ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что Ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто Ты народу смѣло,
О всемъ, и въ явь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить?

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, сколь счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирной,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить!

Стыдишься слыть Ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть:
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить.
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства,
Тому ланцетовъ нужны ль средства,
Безъ нихъ кто обойдтися могъ?
И славно ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ, какъ Богъ?

Фелицы слава — слава бога,
Который брани усмирилъ,
Который сира и убога
Прикрылъ, одѣлъ и накормилъ,
Который окомъ лучезарнымъ
Шутамъ, трусамъ, неблагодарнымъ
И праведнымъ свой свѣтъ даритъ,

Равно всѣхъ смертныхъ освѣщаетъ.
Больныхъ покоитъ, исцѣляетъ —
Добро лишь для добра творитъ!...

Больше не помню — не помню, какъ все у меня писалось — помню одно, что слезы капали у меня изъ глазъ, и еслибы Царица моя могла видѣть тогда мое сердце...... О, Она поняла бы все, поняла и увѣрилась, что самъ Богъ вдохновляетъ поэта, и что Державинъ говоритъ то, что подтвердятъ позднѣйшіе потомки....

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Прочти, прочти заключеніе!

ДЕРЖАВИНЪ.

Прошу Великаго Пророка,
Да праха ногъ твоихъ коснусь,
Да словъ твоихъ сладчайша тока
И лицезрѣнья наслаждусь!
Небесныя прошу я силы,
Да, ихъ простря сапфирны крилы,
Невидимо тебя хранятъ
Отъ всѣхъ болѣзней, золъ и скуки,
Да, дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблеститъ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Боже мой! какъ это хорошо! Счастливъ я, бѣдный маратель бассень, что знаю, понимаю тебя, что ты удостоиваешь меня своею дружбою.... Откуда берутся у тебя эти звуки? Откуда эти рѣчи?

ДЕРЖАВИНЪ (съ жаромъ).

Отсюда, другъ! *(указываетъ на сердце)* Ни наука, ни умъ, ничто не поможетъ! Самъ не знаю, какъ они сюда вливаются, будто роса небесная, и вдохновеніемъ, вдохновеніемъ наполняютъ сердце мое — оно окрыляетъ, возноситъ, исторгаетъ мое бытіе изъ пеленъ плоти, изъ земныхъ предѣловъ! Отъ вдохновенія бурные порывы, пламенные восторги, великія мысли, таинственныя предвѣщанія — отъ него скакали холмы подъ струнами Царя-пѣвца, дымились горы, преклонялось небо — и маніемъ Зевсовой главы колебалась вселенная!..

ХЕМНИЦЕРЪ (задумавшись).

Что же такое ты, Поэзія? Безуміе ли ты, или мысль неба — не понимаю! Вотъ онъ: человѣкъ, какъ другіе — я *умнѣе* его, а онъ... Ты сумасшедшій, Державинъ, ты безумецъ...

но дай, дай мнѣ преклонить передъ тобой колѣна....

(со слезами становится на колѣни).

ДЕРЖАВИНЪ.

Что ты, что ты, другъ мой, милый Хемницеръ!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Нѣтъ! Благослови тебя Богъ! Мои совѣты тебѣ не нужны. Иди, иди, куда тебя Богъ вдохновитъ — иди къ трону Фелицы: Она услышитъ, пойметъ тебя — и сокрушатся предъ тобой враги и суеты жизни!... Прочь только эти бумаги, прочь ихъ!...

(бросается къ столу).

(Звонокъ).

ХЕМНИЦЕРЪ (испугавшись).

Ай! что это?

ДЕРЖАВИНЪ (насмѣшливо улыбаясь).

Ничего! Это Князь зоветъ меня къ себѣ....

ХЕМНИЦЕРЪ.

Такъ онъ развѣ близко?... Охъ! братецъ, а мы. . Да, вѣдь звонкомъ-то зовутъ только....

ДЕРЖАВИНЪ.

Лакеевъ? Ну, а я что такое здѣсь?.... Что я такое, если....

ХЕМНИЦЕРЪ.

Охъ! братецъ, если услышатъ.... Прощай, прощай! убѣгу въ свой уголъ — убѣгу и напишу басню — Звонокъ!

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТѢ ЖЕ И N. N.

N. N.

Гаврило Романовичъ! Его Сіятельство гнѣвается и зоветъ васъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Иду! — *(Козодавлеву)* Братъ Осипъ Петровичъ! зайди ужо ко мнѣ вечеркомъ: мнѣ надобно съ тобой поговорить, посовѣтоваться.... Понимаешь?...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Пожалуста только — не горячись!

ДЕРЖАВИНЪ.

Я? — Я хладнокровенъ — видишь... *(съ досадой собираетъ бумаги).*

КОЗОДАВЛЕВЪ. (усмѣхаясь).

Вижу!

ДЕРЖАВИНЪ (пожимаетъ руки ему и Хемницеру и уходитъ поспѣшно).

→•←

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ДЕРЖАВИНА.

ХЕМНИЦЕРЪ (стоитъ задумавшись).

Да, онъ поэтъ великій, и мнѣ кажется, любезный другъ *(забывшись обращается къ N. N.)*, если только его Фелица можетъ быть...

N. N. (изумляясь).

Что такое вы изволите говорить?

ХЕМНИЦЕРЪ (отскакивая отъ него).

Что это за рожа? Откуда взялась?

(Онъ и N. N. глядятъ другъ на друга).

КОЗОДАВЛЕВЪ (въ сторону).

Боюсь, что онъ наговоритъ Князю.... Надо-

бно позаботиться объ немъ. Повидаюсь съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, поговорю съ Екатериной Романовной. Онъ не понимаетъ, что Фелица, если ее пустятъ въ ходъ, можетъ почесться самою злою сатирою — перетолкуютъ, представятъ въ такомъ видѣ... И Потемкины, и Орловы... Что они скажутъ? Чего нельзя перетолковать во зло?.... Я очень неосторожно поступилъ — мнѣ надобно было поберечь моего добраго поэта, сообразить....

ХЕМНИЦЕРЪ (начинаетъ хохотать).

Ха, ха, ха!

N. N. (оскорбясь).

Что вы изволите находить во мнѣ смѣшнаго?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да, какъ же, батюшка! Вотъ точно такую обезьяну видѣлъ я въ Амстердамѣ, какъ ваша милость!

N. N.

Обезьяну? Позвольте узнать ваше имя?

КОЗОДАВЛЕВЪ (вступаясь между ними).

Что вамъ угодно?

N. N.

Его милость — имени и прозванія не имѣю чести знать — изволитъ насмѣхаться надо мною, чиновникомъ Его Сіятельства.....

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Что такое ты сдѣлалъ, Иванъ Ивановичъ?

ХЕМНИЦЕРЪ (изумляясь).

А что я сдѣлалъ?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Чѣмъ ты оскорбилъ его благородіе?

N. N.

Высокоблагородіе! Я имѣю рангъ ассессорскій.

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да, развѣ онъ оскорбился? Я только сказалъ, что онъ походитъ...

N. N.

Договорите, если смѣете!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да, что вы ко мнѣ льнете, батюшка?

N. N.

Ваше имя?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Мое имя не безчестно: я Иванъ Ивановъ Хемницеръ.

N. N.

А рангъ вашъ, г-нъ Хем... Такъ что ли... г-нъ Хемъ...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Г-нъ Хемницеръ служитъ въ Горномъ Корпусѣ; онъ коллежскій совѣтникъ....

N. N.

А, а! извините, но при такомъ рангѣ, я... я не понимаю...

КОЗОДАВЛЕВЪ (*Хемницеру*).

Что ты тутъ опять накутилъ?

ХЕМНИЦЕРЪ.

Право, братецъ, ничего не понимаю...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Молчи лучше! — (*N. N.*) Г-нъ коллежскій совѣтникъ Хемницеръ совсѣмъ не думалъ васъ обижать — онъ проситъ извинить, если...

N. N.

А, это другое дѣло! Извинить...

КОЗОДАВЛЕВЪ (*Хемницеру*).

Извиняйся скорѣе!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Да, пожалуй! Извините, сударь, меня — самъ не знаю въ чемъ!....

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Пойдемъ отсюда скорѣе. Съ твоей дѣтской разсѣянностью вѣчно въ бѣду попадешь!

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ну, право, я наконецъ откажусь говорить съ людьми! А вѣдь Фелица-то его удивительна!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Пойдемъ, пойдемъ — поговоримъ дорогой!

ЯВЛЕНІЕ 7.

N. N. и потомъ ТОЛСТОСУМОВЪ.

N. N. (одинъ).

Что это за народъ такой? Видно, риомачи, фармазоны, такіе же, какъ г-нъ Державинъ! Какъ бишь онъ себя назвалъ? Хемъ... Хемъ... Да, я справлюсь, узнаю.... Подозрительные люди! Вредныя связи! И они приходятъ въ канцелярію Генералъ-Прокурора... *(увидя вхо-*

дящаго Толстосумова) А, Миронъ Ѳедосѣевичъ! Добро пожаловать!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Здравствуйте, батюшка, Яковъ Петровичъ!

N. N.

Что новаго?

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Отъ васъ желалъ бы услышать, родной вы мой!

N. N.

Ничего не знаю, мой почтеннѣйшій, ничего... не могу сказать!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Ахъ! царь небесный! Стало быть мое дѣло... Вѣдь я васъ просилъ...

N. N.

Истинно ничего не могу... *(вынимаетъ табакерку)*.

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Не прикажете ли моего табачку? *(подчиваетъ)*.

N. N.

О, о, о! Вы щеголяете: у васъ Францув-

скій... И табакерочка-то прелестная! Позвольте — какая живопись! Золотая, кажется?

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Пустяшная вещица! Вамъ она правится?

N. N.

Табакерочка чудеснѣйшая!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Ну, такъ благоволите оставить на память табачекъ, а при немъ и табакерочку!

N. N.

Помилуйте! Какъ это можно — никогда! *(кладетъ въ карманъ табакерку)* Развѣ, развѣ....

ТОЛСТОСУМОВЪ.

А я вѣдь къ вамъ, моему благодѣтелю — просилъ — намѣкнуть — истинно не понимаю, за что вашъ г-нъ Державинъ такъ на меня сердится... Еслибы я могъ лично объяснить Его Сіятельству...

N. N.

Знаете-ли? Я ужь говорилъ Его Сіятельству!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Благодѣтель!

N. N.

И Его Сіятельство, то есть... Понимаете, что гнѣвъ г-на Державина вамъ не страшенъ: дѣло рѣшится въ вашу пользу!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Я по гробъ мой...

N. N.

Но, вѣдь оно пахнетъ, кажется, мильончикомъ, почтеннѣйшій, Миронъ Ѳедосѣевичъ!

ТОЛСТОСУМОВЪ *(тихо)*.

Проклятая піявка! *(громко)* Да, неужели я не доказалъ вамъ, что я не неблагодарный человѣкъ?

N. N.

Помилуйте! Не обо мнѣ рѣчь! Но я говорилъ вамъ.... Еслибы вы взяли винца съ завода г-на Директора — вѣдь онъ находится въ вашемъ откупѣ — ну, что вамъ тамъ!

ТОЛСТОСУМОВЪ *(чешется)*.

Видите.... Г-нъ Директоръ немного дорожится — вѣдь со 100,000 ведеръ по полтинѣ лишней, такъ .. *(чешетъ затылокъ)* 50 т. рублевъ....

N. N.

Но, вѣдь вы знаете, что г-нъ Директоръ взятокъ не беретъ.... Это благороднѣйшій и — вамъ нужный человѣкъ.... честнѣйшій.... Ну, а пользу за свое добро почему упускать, и что вамъ по полтинѣ на ведро прикинуть!...

ТОЛСТОСУМОВЪ (въ сторону.

То есть, это не *взятки*!

N. N. (холодно).

Впрочемъ, какъ угодно. Ваше дѣло — недостаетъ справочки по тому обстоятельству, знаете — и извѣстной бумаги при немъ не оказывается.....

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Но.... но.... Да ужь доложите г-ну Директору, что мы сойдемся... Еслибы завтра онъ удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ — у меня будетъ маленькій обѣдишко — такъ, дрянь — персонъ на сто, почтеннѣйшихъ.... на моей дачѣ, на острову... И вы, надѣюсь, удостоите?... Мы поговорили бы тамъ за рюмкой Венгерскаго....

N. N.

О, о!... Ну, да, такъ ужь и быть — от-

крою: дѣло ваше Его Сіятельство почти рѣшилъ!...

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Такъ, то есть — то есть, рѣшилъ....

N. N.

Вамъ остается поговорить...

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Съ г-мъ Державинымъ?

N. N. (усмѣхаясь).

Не лучше ли съ самимъ Княземъ?

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Еслибы я могъ....

N. N.

Да, пойдемъ-те сей часъ: тамъ спросимъ у г-на каммердинера — вѣдь вы съ нимъ знакомы, надѣюсь?

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Какъ же! Благопріятель мой!

N. N.

Вотъ, кажется, бѣжитъ и г-нъ Державинъ — и сердитъ... *(тихо)* Видно отшибли крылья молодцу! *(громко)* Не угодно ли?

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Благодѣтель мой! *(они уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ 8.

ДЕРЖАВИНЪ *(входитъ и бросаетъ бумаги на столъ).*

Кажется, между нами дѣло кончено. Его холодность; его *вы*, его пренебрежительный тонъ.... Еслибы онъ вздумалъ горячиться — я нашелъ бы слова, но теперь я совершенно сбился, смѣшался... «Вы, М. Г., должны были исполнить — разсужденій не нужно — благодаренъ вамъ!» И онъ грозно остановилъ меня своимъ взоромъ.... И къ чему была моя ревность? Я лишаюсь мѣста, всякой карьеры впереди — онъ непримиримъ, онъ никогда не проститъ мнѣ.... А другой исполнитъ то, чего я не хотѣлъ сдѣлать... О, гордый вельможа! если ты не хочешь внимать истинѣ, зачѣмъ же ты облеченъ властью? Приниматься ли теперь за что нибудь? Или — предупредить просьбою объ отставкѣ приказаніе о томъ Князя? *(задумывается).*

ЯВЛЕНІЕ 9.

ДЕРЖАВИНЪ И ТОЛСТОСУМОВЪ.

ТОЛСТОСУМОВЪ (крадется на цыпочкахъ).

Попробуемъ и съ этимъ... *(кашляетъ)* Хмъ!

ДЕРЖАВИНЪ (увидя его).

Что вамъ угодно?

ТОЛСТОСУМОВЪ (кланяется).

Ваше превосходительство!...

ДЕРЖАВИНЪ.

Извините: я не генералъ....

ТОЛСТОСУМОВЪ (кланяется).

Вы для меня выше.... *(Державинъ взглядываетъ на него угрюмо).* Еслибы я смѣлъ надѣяться.... на высокую милость вашу....

ДЕРЖАВИНЪ (холодно).

Что прикажете, м. г.?

ТОЛСТОСУМОВЪ (кланяется).

Еслибы вы удостоили завтрашній день по-

сѣщеніемъ... дружескій обѣдъ... Я еще не имѣлъ донынѣ счастія.... видѣть вас въ моемъ домѣ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Неудивительно, милостивый государь: не принадлежа къ числу вашихъ друзей — простите — я и теперь долженъ отказаться отъ чести....

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Но не все будутъ мои друзья....

ДЕРЖАВИНЪ.

Тѣмъ менѣе захочу я умножить число пирующихъ у васъ враговъ.

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Враговъ! Помилуйте... *(молчаніе)*. Я не знаю, благодѣтель мой, чѣмъ могъ я заслужить постоянное... непріязненное.... не... не...

ДЕРЖАВИНЪ (перебивая его).

Я, м. г., къ вамъ никакой непріязни не имѣю. Но, скажите, ради Бога, что вамъ угодно?

ТОЛСТОСУМОВЪ (тихо).

А! къ дѣлу ближе! *(громко)* Я хотѣлъ, осмѣливался думать хотѣть... У васъ... мое дѣло, по которому съ меня требуется страшное взысканіе.... Клянусь вамъ Богомъ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Сдѣлайте милость, не клянитесь — хоть Бога-то не обманывайте. Я дѣло ваше хорошо знаю — оно у меня.

ТОЛСТОСУМОВЪ.

Всѣ рѣшенія донынѣ были въ мою пользу. Осмѣлюсь замѣтить, что и сами Его Сіятельство удостоили...

ДЕРЖАВИНЪ.

Князю было доложено несправедливо. Онъ никогда не рѣшится на самое злое, постыдное и безбожное дѣло. Ни доказательствъ, ни документовъ наличныхъ при дѣлѣ...

ТОЛСТОСУМОВЪ (тихо).

Да, онъ премилый — это напрямки! *(въ слухъ)*

Если за тѣмъ только стало, позвольте мнѣ имѣть честь... *(подаетъ большой пакетъ).*

ДЕРЖАВИНЪ (садится).

Я очень буду радъ, если.... Садитесь, сударь.... *(Толстосумовъ садится)* Повторяю вамъ... *(развертывая бумагу)* Но, но... этого мало... *(въ изумленіи останавливается).*

ТОЛСТОСУМОВЪ (подло улыбаясь).

Мало? О, такъ можно еще дополнить... *(подаетъ другой пакетъ).*

ДЕРЖАВИНЪ (дрожа отъ ярости).

Но, м. г., поз...позвольте...

ТОЛСТОСУМОВЪ (тихо).

Неужели еще мало? Ахъ! ты, ненасытный! *(въ слухъ)* Смѣю увѣрить....

ДЕРЖАВИНЪ (въ бѣшенствѣ вскакивая).

Бездѣльникъ! за кого ты меня почитаешь? Мерзавецъ, разбойникъ! *(бросаетъ въ лицо ему ассигнаціи)* Вонъ, отсюда, вонъ!

ТОЛСТОСУМОВЪ (подбирая поспѣшно ассигнаціи).

Помилуйте!

ДЕРЖАВИНЪ.

Душегубецъ!

ТОЛСТОСУМОВЪ.

О, позвольте же мнѣ напомнить, что я именитый гражданинъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Я прежде переломаю тебѣ ребры! Вонъ! *(Толстосумовъ хочетъ бѣжать къ Князю)* Нѣтъ! сюда, сюда!

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢ ЖЕ И N. N.

N. N. (останавливая).

Гаврило Романовичъ! что вы дѣлаете?

ДЕРЖАВИНЪ.

Гоню бездѣльника! *(онъ не даетъ опомнить-*

ся Толстосумову и выталкиваетъ его вонъ) Вы-зачѣмъ?

N. N.

Его Сіятельство приказалъ мнѣ подтвердить вамъ именно о дѣлѣ Мирона Ѳедосѣевича.

ДЕРЖАВИНЪ (гнѣвко).

Скажите Его Сіятельству, что если онъ рѣшаетъ дѣла не зная, такъ ему стыдно, а если зная, такъ онъ...

N. N. (испугавшись).

Гаврило Романовичъ! пощадите себя!

ДЕРЖАВИНЪ.

Я не боюсь вашего князя — я найду судей, которые выше Князей.

N. N.

Онъ помѣшался! Какая жалость! Боже мой! Побѣжать къ Его Сіятельству... *(бѣжитъ вонъ).*

ДЕРЖАВИНЪ. (одинъ).

Къ трону Государыни паду я и пусть Она судитъ меня, пусть голову мою положитъ цѣною правоты моей!..*(ходитъ скорыми шагами).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Державинъ и Козодавлевъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Другъ мой, Осипъ Петровичъ, рѣшено: я слѣдую вашему совѣту — я бросаю службу!

Козодавлевъ (въ замѣшательствѣ).

Но... но я тебѣ этого не совѣтовалъ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Нѣтъ! моихъ силъ недостаетъ — отнынѣ Музамъ, литтературѣ, домашнему счастію, друзьямъ посвящены всѣ дни мои...

КОЗДАВЛЕВЪ.

Но... но... ты слишкомъ горячъ — изъ одной крайности въ другую... Ты, вѣрно, наговорилъ грубостей Князю?

ДЕРЖАВИНЪ.

Нѣтъ! но разссорился съ нимъ навсегда. Пойдемъ къ Ивану Ивановичу Шувалову... къ Александру Андреевичу Безбородко...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Предвидя твой неосторожный поступокъ, я былъ у нихъ; они совѣтуютъ тебѣ... какъ нибудь... помириться съ Княземъ.

ДЕРЖАВИНЪ (изумясь).

Помириться? (*горестно*) И такъ: «не надѣйтесь ни на князи, ни на сыны человѣческіе!» Хорошо. Я пойду не къ нимъ, а къ Той, которая выше всѣхъ смертныхъ и дѣлами и призваніемъ — къ Ней, къ Фелицѣ пойдетъ Багримъ... Завтра же подамъ Ей свою оду, завтра же...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Боже мой! Любезный другъ! забудь на время о своей Фелицѣ — не упоминай объ ней никому, даже отопрись, если тебя станутъ спрашиватъ...

ДЕРЖАВИНЪ.

Мнѣ отпереться отъ моей Фелицы?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Да, да! Она готовитъ тебѣ тысячи непрі-

ятпостей. Знаешь ли, что всѣ оскорбляются твоими стихами, кричатъ о Фелицѣ, толкуютъ!...

ДЕРЖАВИНЪ.

Мнѣ кажется, ты одурѣлъ со страха? Какъ могутъ оскорбляться, кричать, толковатъ, когда моя Фелица лежитъ въ бюро моемъ и знаютъ ее только я, ты, жена моя, твоя тетка, да нашъ добрый Хемницеръ? Развѣ онъ разболталъ? Да, когда ему было...

КОЗОДАВЛЕВЪ (робко).

Другъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Что такое? Ты меня пугаешь!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Прости меня, прости! Ревность къ пользѣ твоей увлекла меня...

ДЕРЖАВИНЪ.

Говори, говори!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Я... я списалъ Фелицу.

ДЕРЖАВИНЪ.

Ну!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Прочиталъ ее Ивану Ивановичу Шувалову, подъ клятвою, что онъ никому не скажетъ... Я, право, не виноватъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, говори, братецъ, говори скорѣе все!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Слушай: онъ списалъ ее себѣ, отдалъ Екатеринѣ Романовнѣ. Съ недѣлю тому былъ у Ивана Ивановича большой обѣдъ; заговорили о поэзіи; стали кричать, что у насъ нѣтъ поэзіи, что мы пишемъ только оды, да переводимъ Французскія трагедіи. Онъ заспорилъ, увлекся и за столомъ прочиталъ всѣмъ твою Фелицу!

ДЕРЖАВИНЪ (горячо).

Зачѣмъ же ты скрывалъ отъ меня?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Клянусь тебѣ, что я самъ только сей часъ услышалъ о томъ отъ Ивана Ивановича! Но онъ не воображалъ слѣдствій... Всѣ были въ восторгѣ отъ Фелицы...

ДЕРЖАВИНЪ (*улыбаясь*).

И такъ она понравилась?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Боже мой! Суди потому, что сотни списковъ тотчасъ разлетѣлись по Петербургу. Фелицу твердятъ наизусть. Спрашиваютъ, кто этотъ Державинъ? Что онъ писалъ? И твои Читалагайскія оды въ два дни всѣ раскупили у Вейтбрехта...

ДЕРЖАВИНЪ (*смѣется*).

Чтожъ? Я тутъ дурнаго ничего не вижу!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

О, мой добрый поэтъ! Къ твоей Фелицѣ придѣлали гнусныя прибавки, пасквили...

ДЕРЖАВИНЪ.

Я напечатаю Фелицу и оправдаюсь!...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

А толки?

ДЕРЖАВИНЪ (*задумываясь*)

Да, правда! Проклятое перетолковыванье...

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Теперь на каждую строфу Фелицы выводятъ томы комментаріевъ, угадываютъ лица... (*молчаніе*). Свѣтлѣйшій потребовалъ Фелицу къ себѣ... (*молчаніе*). Онъ прочиталъ ее и — запасалъ твое имя...

ДЕРЖАВИНЪ.

А ничего притомъ не сказалъ?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Безбородко молчитъ. (*Державинъ ходитъ задумавшись*) Братецъ, Гаврило Романовичъ, прости меня!

ДЕРЖАВИНЪ (хладнокровно).

Да, ты поступилъ со мной... Ну, я вино-

ватъ: не надобно было писать, а теперь надобно написать *дополненіе (садится).*

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Что такое? Просьба объ отставкѣ? Ты, кажется, слишкомъ торопишься...

ДЕРЖАВИНЪ.

Развѣ слишкомъ медлю. Братъ, Осипъ Петровичъ, поди, успокой, приготовь жену мою: она, знаешь, такая чувствительная, такая слабая!... А прочее оставь Тому, Кто выше насъ!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Другъ мой!

ГОЛОСЪ КНЯЗЯ А. А.

Здѣсь ли Державинъ?

КОЗОДАВЛЕВЪ.

Князь идетъ! Гаврило Романовичъ! поберегн себя...

ДЕРЖАВИНЪ (скрывая свое чувство).

Мы... мы вмѣстѣ сегодня обѣдаемъ?

(Козодавлевъ уходитъ поспѣшно).

ЯВЛЕНІЕ 12.

КНЯЗЪ А. А. И ДЕРЖАВИНЪ.

КНЯЗЬ А. А.

Скажите, батюшка, давича я не вслушался, что вы мнѣ сказали по поводу представленной записки о дѣлѣ откупщика Толстосумова? Что ваша записка у васъ не готова, кажется?

ДЕРЖАВИНЪ.

Позвольте мнѣ доложить, Ваше Сіятельство, что...

КНЯЗЬ А. А.

Я требую, батюшка, не доклада, а записки!...

ДЕРЖАВИНЪ.

Осмѣливаюсь думать...

КНЯЗЬ А. А.

Напрасно, батюшка, осмѣливаетесь. Надобно дѣлать, а не думать...

ДЕРЖАВИНЪ.

Мои правила...

КНЯЗЬ А. А.

Первое и главнѣйшее правило въ службѣ, батюшка, повиноваться начальнику; второе дѣлать то, что велятъ; третье не умничать, а четвертое...

ДЕРЖАВИНЪ (подавая бумагу).

Просить уволить, когда насъ заставляютъ что нибудь дѣлать противъ совѣсти.

КНЯЗЬ А. А.

А! Но уволить я васъ, батюшка, не могу, а исключить, какъ человѣка строптиваго и безпокойнаго... Прошу не возражать!... Я давно хотѣлъ вамъ замѣтить — теперь замѣчанія не нужны. Просьбу свою возьмите назадъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Такъ я даже и увольненія безъ позора моему честному имени получить отъ Вашего Сіятельства не удостоюсь?

КНЯЗЬ А. А.

Вы должны были напередъ разсуждать, что безпечность, буйство, вольнодумство никогда до добра не доведутъ! — Яковъ Петровичъ!

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢ ЖЕ, N. N. И ТОЛСТОСУМОВЪ.

КНЯЗЬ А. А.

Примите дѣла отъ г-на Державина, а вы, г. Толстосумовъ, въ обидѣ вашей подайте мнѣ просьбу, и надѣйтесь на мое правосудіе.

ТОЛСТОСУМОВЪ (цѣлуя полу кафтана его).

Рабски цѣлую воскраія одежды благодѣтельнаго вельможи!

ДЕРЖАВИНЪ.

Позвольте мнѣ просить Ваше Сіятельство — просить покорнѣйше — не угодно ли вамъ удалить постороннихъ?

КНЯЗЬ А. А.

Вы должны сперва просить прощенія, батюшка, у этого почтеннаго гражданина, котораго вы оскорбили...

ДЕРЖАВИНЪ (твердо).

Я ничего не хочу просить, не только у него, не только у Вашего Сіятельства, но и у самого моего Создателя, передъ которымъ открыты мое сердце и моя душа: Ему молюсь только, и пріемлю все, что Онъ мнѣ низпосылаетъ, а людямъ... Вамъ не угодно было удалить этихъ двухъ негодяевъ — я при нихъ скажу вамъ все...

КНЯЗЬ А. А. (гнѣвно).

Вспомните, батюшка, что ваши слова...

ДЕРЖАВИНЪ.

Вспомните прежде вы, Ваше Сіятельство,

что погубить человѣка въ правленіе Екатерины Великой, когда онъ совершенно чистъ и правъ — дѣло невозможное. Но еслибы сила ваша и могла...

КНЯЗЬ А. А. (Толстосумову и N. N.).

Оставьте насъ!

ТОЛСТОСУМОВЪ (N. N.)

Я трепещу въ чужѣ!

N. N. (Толстосумову).

То ли еще будетъ! (*Они уходятъ*).

КНЯЗЬ А. А.

Вы ли это писали? (*подаетъ ему бумагу*).

ДЕРЖАВИНЪ (въ замѣшательствѣ).

Ваше Сіятельство! я не знаю, какъ попались въ ваши руки эти стихи...

КНЯЗЬ А. А.

Вы ли это писали?

ДЕРЖАВИНЪ.

Прежде отвѣта, позвольте сказать, Ваше

Сіятельство, что постыдно вельможѣ знаменитому принимать изъ рукъ какого нибудь мерзавца украденныя имъ бумаги, а потомъ отвѣчать — я!

КНЯЗЬ А. А.

Дерзкія мысли и слова ваши будутъ стоить вамъ дорого...

ДЕРЖАВИНЪ.

При вашемъ судѣ, но не при судѣ Той, которой судія единый Богъ, и передъ которой *вы* и *я* — равно ничто!

КНЯЗЬ А. А.

А! такъ таковы-то ваши мысли? Такъ-то вы думаете, г-нъ стихотворецъ? Гдѣ вы набрались такихъ идей? И вотъ плоды вашихъ наукъ, да риомотворства! Вотъ къ чему ведутъ потачки риомачамъ! — Нѣтъ! Я почту первымъ долгомъ донесть Государынѣ, просить Ее, чтобы дерзкія слова...

ЯВЛЕНІЕ 14.

Тѣ же и слуга.

СЛУГА (подаетъ пакетъ Державину).

Велѣно вручить вамъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Что такое?... (*въ изумленіи*) Боже великій! не сплю ли я? (*разсматриваетъ пакетъ*).

князь А. А.

Что съ вами сдѣлалось? (*Слугѣ*) Кто принесъ?

СЛУГА.

Курьеръ.

князь А. А.

Курьеръ! Отъ кого?

СЛУГА.

Сказалъ, что самъ г-нъ Державинъ узнаетъ (*уходитъ*).

ДЕРЖАВИНЪ.

Боже мой! Руки мои дрожатъ... Почеркъ

моей Государыни: *Изъ Оренбурга, отъ Киргизъ-Кайсацкой царевны Фелицы мурзѣ Державину!*

КНЯЗЬ А. А.

Что, батюшка, что такое? (*беретъ у него пакетъ*) Рука Государыни!... Что это такое, батюшка, значитъ?

ДЕРЖАВИНЪ.

Я... я не знаю!...

КНЯЗЬ А. А.

Распечатайте поскорѣе, батюшка! (*Державинъ распечатываетъ*). Драгоцѣнная табакерка! Какіе бриллянты! Вся полна червонцами! (*ласково*) А, батюшка! да такіе подарки получать не худо?...

ДЕРЖАВИНЪ.

Царица! узнаю Тебя! Преемница Петра безсмертнаго, узнаю Тебя, Фелица богоподобная! (*Онъ складываетъ руки, смотритъ на небо и обращается къ князю А. А.*) Ваше Сіятельство! простите!

КНЯЗЬ А. А. (*обнимая его*).

Поздравляю, поздравляю, батюшка! Да, за чтобы это?

ЯВЛЕНІЕ 15.

ТѢ ЖЕ И ХЕМНИЦЕРЪ.

ХЕМНИЦЕРЪ (*бѣжитъ*).

Ну, братецъ, Гаврило Романовичъ! славно, славно! Дай обнять, расцѣловать тебя, поздравить! Да здравствуетъ Фелица! Да здравствуетъ Багримъ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Другъ мой!

ХЕМНИЦЕРЪ.

А! ты ужь получилъ? Покажи, покажи! (*вырываетъ у него табакерку*) Золотой табачокъ! Царскій табачокъ! ха, ха, ха! — Что-то теперь скажутъ! Что-то заговоритъ твой Князь.!. (*увидя Князя А. А.*) Ахъ! Ваше... Ваше... Ахъ!...

ДЕРЖАВИНЪ.

Простите, Ваше Сіятельство, радости моего друга!

КНЯЗЬ А. А. (улыбаясь).

И, батюшка! Да кто это? Вѣрно, вашъ братъ стихотворецъ: человѣкъ, видно, безъ чиновъ?

ДЕРЖАВИНЪ.

Это г-нъ Хемницеръ, котораго притчи, вѣроятно, вамъ извѣстны...

КНЯЗЬ А. А.

Радъ познакомиться, батюшка — прошу полюбить...

ХЕМНИЦЕРЪ.

Ваше... Ваше... (*въ сторону*) Ай! чортъ побери! Лучше дать тягу! (*пятится назадъ къ дверямъ*) Простите, простите, Ваше Сіятельство! (*Шуваловъ и Дашкова входятъ въ двери; онъ отскакиваетъ въ сторону*) Ну! попался!...

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ, ШУВАЛОВЪ, ДАШКОВА, КОЗОДАВЛЕВЪ.

ДАШКОВА.

Здравствуйте, Ваше Сіятельство, и извините, что сперва поспѣшу поздравить моего любезнаго мурзу, моего милаго, добраго Гаврила Романовича...

ШУВАЛОВЪ.

Примите и мое поздравленіе, любезнѣйшій Гаврило Романовичъ!

КОЗОДАВЛЕВЪ.

А меня простишь ли теперь?

ДЕРЖАВИНЪ.

Княгиня! Мой благодѣтель! простите — я ничего не понимаю... Радость отнимаетъ у меня слова!...

ДАШКОВА.

И на что вамъ говорить? (*улыбаясь*). «Пой, птичка, пой!»

ДЕРЖАВИНЪ (*Козодавлеву*).

Ты и эту бездѣлку разболталъ!

ДАШКОВА (князю А. А.)

Знаю, какъ вы любите и покровительствуете науки и просвѣщеніе, какъ понимаете великія заботы объ нихъ Императрицы...

КНЯЗЬ А. А.

Можете ли сомнѣваться, княгиня!

ДАШКОВА.

Знаю, какъ вы любите награждать усердіе чиновниковъ вашихъ, дорожите людьми честными и благородными...

КНЯЗЬ А. А.

Какъ же, матушка, Екатерина Романовна, какъ же! (*тихо*) Чтобъ чортъ тебя побралъ, говорунью!

ДАШКОВА.

Такъ прочтите вотъ эту бумагу и порадуйтесь! Гаврило Романовичъ! подарокъ Фелицы вы получили — послушайте, что говоритъ сестра ея, Русская Царица Екатерина Алексѣевна...

КНЯЗЬ А. А. (читаетъ).

«Служащаго въ Сенатѣ и находящагося въ

канцеляріи Генералъ-Прокурора, коллежскаго совѣтника Державина всемилостивѣйше жалуемъ въ статскіе совѣтники. Екатерина.»
— Поздравляю, батюшка, поздравляю!

ШУВАЛОВЪ.

Теперь и мнѣ позвольте исполнить препорученіе Императрицы. Она проситъ васъ, Гаврило Романовичъ, завтра пожаловать къ Ней, и я буду имѣть честь проводить васъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Такія милости... Но кто могъ представить обо мнѣ? Кто ходатайствовалъ?

ДАШКОВА.

Вашъ геній, ваша лира — тутъ не было представителей — вы подошли сами къ трону Государыни, и Она услышала пѣніе Русскаго Пиндара, для котораго захотѣла быть Перикломъ. Фелицу вашу я напечатала въ *Собесѣдникѣ*. Вчера поднесла я листы его Императрицѣ. Сегодня прислала Она за мною. Спѣшу къ ней, нахожу ее въ слезахъ. Передъ нею лежали листы Фелицы. Первое слово Ея

было: «Скажите, кто этотъ сочинитель, который такъ хорошо меня знаетъ? Кто этотъ великій поэтъ, котораго — стыжусь, я не знала до сихъ поръ?»

ДЕРЖАВИНЪ (со слезами).

О, Царица душъ и сердецъ! Ты, которая

и въ низкой долѣ,
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой!

ДАШКОВА.

Вамъ, князь, конечно, г-нъ Державинъ былъ извѣстенъ, какъ честный, благородный, умный чиновникъ, но вы еще не знали его, какъ поэта... Это была тайна между нами — вѣдь вы, я знаю, стиховъ не любите!

князь А. А.

Дурныхъ? Да, матушка, а не такихъ, какіе пишетъ Гаврило Романовичъ. Читать-то мнѣ только некогда, да боюсь я, что объяви я любовь мою къ стихамъ, такъ всѣ челобитчики завалятъ меня одами... (*Всѣ смѣются*).

ДАШКОВА (лукаво).

Такъ, стало, и вы были участникомъ нашей тайны?

князь А. А.

Ну, да вотъ вамъ доказательство! (*подаетъ ей стихи Державина*). Когда вы пожаловали сюда, матушка, чѣмъ, думаете, мы занимались? Я упросилъ Гаврила Романовича списать мнѣ его стихи, и завтра же велю написать ихъ золотыми буквами, поставлю у себя на стѣнѣ.

ДАШКОВА.

Ахъ! это любопытно! — Какіе стихи? Дайте!

(*читаетъ*)

Вельможи! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣть, какъ быть правдивымъ,
Какъ чтить царя, народъ любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ трономъ не сгибаться —
Стоять и правду говорить!

Я князь, коль мой сіяетъ духъ;
Владѣлецъ, коль страстьми владѣю;
Бояринъ, коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, чести другъ!

Не перлы Персскія на насъ
И не Бразильска звѣзды ясны,
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ лишь смертныхъ похвала!
Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ —
Сіяютъ добрыя дѣла!

Оселъ останется осломъ,
Хоть ты осыпь его звѣздами,
Гдѣ должно дѣйствоватъ умомъ —
Онъ только хлопаетъ ушами...

(*улыбаясь*). Далѣе что-то связно и нечетко — я не разберу...

ХЕМНИЦЕРЪ (изумленный).

Какъ, Ваше Сіятельство? такіе стихи вамъ нравятся? Вы... Мнѣ описали васъ гордымъ, недоступнымъ, врагомъ поэзіи, а вы Меценатъ, вы великій человѣкъ! Вы сами вельможа и читаете такіе стихи! (*Державину*) А ты, братецъ, мнѣ и не скажешь, не стыдно ли? Вотъ, вѣрьте тому, что говорятъ про знатныхъ людей!

КНЯЗЬ А. А. (тихо).

Сумасшедшій риомачъ! (*въ слухъ*) То-то,

батюшка, не всякому слуху вѣрь! Я гордъ и недоступенъ для негодяевъ. Вы это сей часъ увидите. Эй! Яковъ Петровичъ! поди-ка сюда! (*N. N. и Толстосумовъ входятъ*). Вы уволены изъ моей канцеляріи — подайте въ отставку.

N. N. (дрожа).

Какъ, Ваше Сіятельство?

князь А. А.

А вы, Гаврило Романовичъ, дайте мнѣ вашу записку о дѣлѣ г-на Толстосумова. Завтра я доложу по ней Государынѣ и мы проучимъ негодяя!

толстосумовъ (въ ужасѣ, не можетъ говорить)

Какъ... да... что такое...

дашкова.

Такъ сочиняйте вашу записку скорѣе — завтра поутру вы должны представляться Государынѣ, а обѣдаемъ мы, безъ чиновъ, всѣ вмѣстѣ, у Свѣтлѣйшаго Князя Григорія Але-

ксандровича! Онъ, думаю, и васъ будетъ просить, князь.

КНЯЗЬ А. А.

Буду, матушка, буду — самъ привезу и отрекомендую Гаврила Романовича Его Свѣтлости!

ДАШКОВА.

А сперва къ Фелицѣ!

ДЕРЖАВИНЪ.

Да, къ Ней, передъ ея божественный тронъ повергнуть мою ничтожную лиру, сказать Ей: «Монархиня, наслѣдница трона и дѣлъ Петровыхъ! прими ее —

Прими и освяти твоимъ благоволеньемъ
И Музѣ будь моей покровомъ и щитомъ,
Какъ мнѣ была и есть ты отъ клеветъ спасеньемъ:
Да, веселясь она и съ бодрственнымъ челомъ
Пройдетъ сквозь тму вѣковъ и станетъ средь потомковъ,
Суда ихъ не страшась, хвалы Тебѣ вѣщать,
И алчный червь когда, средь гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глодать,
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посѣтитъ,

Но лира гдѣ моя въ пыли лишь будетъ зрима
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прогремитъ,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ :
Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ —
Въ могилѣ буду я, но — буду говорить !

КОСТРОМСКИЕ ЛѢСА.

РУССКАЯ БЫЛЬ

ВЪ 2-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ЖИТЕЛЯМЪ КОСТРОМЫ,

ЗЕМЛЯКАМЪ

Ивана Сусанина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ, крестьянинъ.
АНТОНИДА, дочь его.
БОГДАНЪ СОБИНИНЪ, мужъ ея.
ГАВРИЛА, сирота.
ПАФНУТІЙ, стороста.
СОЛОМОНИДА, жена его.
ТОМИЛО ТАРУТИНЪ, проѣзжій крестьянинъ,
ПАНЪ ПРИНЕЗДЕЦКІЙ, Польскій капитанъ.
ПАНЪ ХОРУНЖІЙ.
ЦАРСКІЙ ВОЕВОДА.
ПОЛЬСКІЕ } воины,
РУССКІЕ }
КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

Дѣйствіе въ окрестностяхъ Костромы, зимою 1613 года.

ДѢЙСТВІЕ I.

Внутренность большой и опрятной Русской избы, гдѣ все готово къ празднику. Столъ накрытъ скатертью; на немъ хлѣбъ-соль, братины и пр. Прямо и направо двери. Толпа крестьянокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

СОЛОМОНИДА И АНТОНИДА (убираютъ избу).

СОЛОМОНИДА.

Да, ужь нечего толковать: слушайте стараго, да бывалаго! Будто мнѣ въ первый распоряжаться, какъ гостей принимать.

АНТОНИДА.

Соломонида Пафнутьевна!

СОЛОМОНИДА.

Да, да, я ужь который десятокъ лѣтъ Соломонида Пафнутьевна, а муженекъ, которымъ Господь наградилъ меня, Пафнутій Тарасьичъ.

Путаница такая: ни вѣсь мужъ, ни вѣсь отецъ, иной подумаетъ, бывало кличешь *Пафнутья*, анъ вмѣсто одного откликнутся двое — такъ ужь бывало...

АНТОНИДА.

Я хотѣла сказать тебѣ...

СОЛОМОНИДА.

Толкуй себѣ знай коли не знаютъ другіе. Слава-те Господи! Насъ добрые люди не обходятъ! Ужь свадьбу ли сладить, крестить ли кого, хоронить ли кого, помирить ли кого — хоть бы поссорить ли кого — вездѣ Соломонида, да и только!

АНТОНИДА.

Видишь, Соломонида Пафнутьевна.

СОЛОМОНИДА (*не слушая*).

Именины, крестины, родины, похороны, поминки, игры и затѣи, печаль и горе — все наше! Бывало, сказку ли сказать, пѣсню ли спѣть — теперь голосу-то нѣтъ, а то, бывало, Соломонида въ хороводѣ первая — пойду себя

соколомъ, запою соловьемъ... Сдупипай, дупипай!... На-поди!

АНТОНИДА (махнувъ рукой).

Съ ней не сладишь!

СОЛОМОНИДА.

Вотъ и намедни: у сосѣдки у Попихи курица пѣтухомъ запѣла...

АНТОНИДА.

Охъ! не къ добру говорятъ!

СОЛОМОНИДА.

Не къ добру, не къ добру! Все добро, а не худо, какъ распорядишься дѣломъ! У сосѣда Филимона вчера пѣтухъ яйцо снесъ съ крючкомъ, а на крышѣ у сосѣда Пахома ворона каркала.

АНТОНИДА.

Охъ! не хорошо!

СОЛОМОНИДА.

Охъ, да охъ! Помилуй, мать родимая! Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ — коли уменъ

будешь, такъ свинья не съѣстъ! На то человѣку разумъ данъ; вѣдь есть пословица: Богу молись, а самъ не плошай... Что тутъ диковаться-то? Курицу-то Филимонову я велѣла вертѣть черезъ голову отъ печи до порога, да на порогѣ голову ей отрубить. Ну, а Пахомова-то пѣтуха водой съ солью спрыснуть; яйцо-то разбила — пропадай оно! А ворона-то....

ЯВЛЕНІЕ 2.

ТѢ ЖЕ И СОБИНИНЪ.

СОБИНИНЪ.

Ну, что, Антонидушка? Готово ли у тебя все къ пріему нашего дорогаго гостя?

АНТОНИДА.

Кажись, все. Да, вѣдь онъ не взыщетъ, если бы что и не такъ было!

СОБИНИНЪ.

Ну, мнѣ не хочется передъ нимъ лицомъ въ

грязъ ударить новымъ моимъ хозяйствомъ. Вѣдь онъ насъ сегодня посѣтитъ въ первый еще разъ...

СОЛОМОНИДА.

И вѣстимо, для экаго дорогаго гостя что есть въ печи, то все на столъ мечи — принимай, угощай, радуйся...

СОБИНИНЪ.

Признаюсь: Иванъ Ивановичъ, родитель твой, мой второй отецъ. Сиротой взялъ онъ меня, вспоилъ вскормилъ, какъ роднаго сына, и потомъ благословилъ за меня мою милую Антонидушку; домъ намъ выстроилъ, хозяйствомъ насъ наградилъ, и приданымъ и отцовскимъ благословеніемъ. Какъ не порадовать его на старости нашимъ счастьемъ да согласіемъ?

СОЛОМОНИДА.

Да, вѣдь ужь и ты ему работалъ, какъ добрый быкъ... сынъ бишь, хотѣла сказать!

СОБИНИНЪ.

Эхъ! Соломонида Пафнутьевна, что моя ра-

бота! Мало ли есть людей лучше меня, да как не найдетъ себѣ такого благодѣтеля, такъ вѣкъ бобылемъ-горемыкой скитается.

СОЛОМОНИДА.

Будто ужь на свѣтѣ добрые люди перевелись!

СОБИНИНЪ.

Не перевелись, а говорятъ, нынѣ рѣже стали.

СОЛОМОНИДА.

Да вѣдь и молодежь-то нынѣ такова ли! Вотъ, хоть бы мой племянникъ Филюшка — вѣдь какъ думаешь? Чѣмъ бы дома остаться, да работать, охота взяла въ Царскую службу идти — пошелъ, да и воротился калѣкой!

СОБИНИНЪ.

Ну, за то его бранить не годится. Кто изъ насъ не пошелъ бы въ Царскую службу, когда Царю-Государю, да отечеству, люди были надобны... Я самъ тогда просился у Ивана Ивановича: «отпусти меня родной, подраться съ врагами!»

СОЛОМОНИДА.

Да, ка-бы ты воротился безъ руки, либо безъ ноги?

АНТОНИДА (обнимая мужа).

Я любила бы его такъ же, какъ теперь — больше-то любить я ужь не умѣю!

СОЛОМОНИДА.

Оно такъ, ужь на чтобы пошло — пришли бы сюда проклятые эти сорванцы такъ ужь и наша сестра, баба, на руку охулки не положила бы, расплатилась бы съ бусурманами проклятыми! Вѣдь на своемъ пепелищѣ и курица бьетъ!

СОЛИНИНЪ.

А соколу ли усидѣть на мѣстѣ, коли на гнѣздо его воронье налетѣло? Ну, да, слава Богу, что такія горькія времена прошли и Русское царство наше дожило до того, что отъ враговъ на святой Руси только кости остались, да бродятъ еще кое-гдѣ голодныя шайки разбойниковъ, которыхъ будущій Царь нашъ—какъ соръ метлой изъ избы вымететъ.

СОЛОМОНИДА.

Ахъ! Господи! Ужь и видно, кормилецъ, что ты вскормленникъ Сусанина — чуть заговоришь о Русскомъ царствѣ, да о врагахъ его, такъ ужь такъ-то красно, словно Сусанинъ!...

СОБИНИНЪ.

Да, когда онъ заговоритъ о сердечной зазнобѣ своей, такъ есть чего послушать! Какъ Господу не благословлять его за то, что онъ ради общей пользы дѣлалъ? Не жалѣлъ головы, когда съ молоду бился въ рядахъ Русскаго воинства, не жалѣлъ потомъ добра своего, когда рѣчь шла о пособіи православному войску! И ужь еслибы не старость да не сиротство дочери, не усидѣть бы ему на мѣстѣ и теперь! Такъ коли не могъ онъ пойдти въ дружины Кузьмы Минича, да князя Дмитрія Михайловича, такъ молился за нихъ, а молитву праведника слышитъ Богъ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ, ПАФНУТІЙ И КРЕСТЬЯНЕ.

СОБИНИНЪ.

Добро пожаловать, дорогіе гости? Благодаримъ, что не презрили нашимъ угломъ, пожаловали на наше веселье, раздѣлить хлѣбъ-соль, что Богъ послалъ!

ПАФНУТІЙ (кланяясь).

Челомъ бьемъ! Какъ отъ хлѣба-соли отказываться!

КРЕСТЬЯНЕ.

Здравія хозяину съ хозяюшкою!

ПАФНУТІЙ.

Вотъ вамъ, всякій, чѣмъ можетъ, челомъ, бьемъ на новоселье! Дай вамъ Богъ жить, поживать, да добра наживать, а лиха бы вамъ не было!

СОЛОМОНИДА.

Да, дѣтокъ вамъ побольше; дай Богъ вспоить, вскормить, великими выростить, подъ златъ вѣнецъ поставить, а намъ на свадьбѣ у нихъ пировать.

(Крестьяне отдаютъ Собинину разные подарки, холстину, полотенцы, хлѣбъ-соль, птицу, и проч).

СОБИНИНЪ.

Благодаримъ, благодаримъ, добрые люди, на вашемъ хлѣбѣ-соли, да на добромъ желаньи! Милости прошаемъ садиться, да не взыскать, что избенка плоха.

ПАФНУТІЙ.

Нѣтъ! грѣшно пожаловаться: избенка у васъ такая, что счастью да радости въ ней пріютъ найдется.

СОЛОМОНИДА.

Что объ избѣ толковать: не красна изба углами, красна пирогами!

СОБИНИНЪ.

Для друга пирогъ всегда у насъ сыщется и убогому краюха хлѣба найдется, по милости благодѣтеля нашего, моего втораго отца.

ПАФНУТІЙ.

А что, вѣдь онъ у васъ чай, сегодня будетъ?

СОЛОМОНИДА.

Охъ! ты, борода безтолковая! Этакому го-

стю, да не быть бы на новосельи у зятя, да у родной дочери!

ПАФНУТІЙ.

Вѣстимо, да вѣдь я такъ, видишь, спрошалъ.

СОБИНИНЪ.

Будетъ, будетъ! Его погода не задержитъ, и далеко ли?

ПАФНУТІЙ.

Вѣстимо, для друга и семь верстъ не околица.

ЯВЛЕНІЕ 4.

ТѢ ЖЕ И ГАВРЮША.

ГАВРЮША (вбѣгаетъ).

Дѣдушка, дѣдушка пріѣхалъ!

СОБИНИНЪ.

Ахъ! дорогой гость! Антонидушка, право-

славные! встрѣтимъ его съ почестью, нашего отца и благодѣтеля!

(Всѣ становятся порядкомъ. Собининъ и Антонида у дверей съ Гаврюшей).

→·←

ЯВЛЕНІЕ 5.

ТЕ ЖЕ И СУСАНИНЪ.

СУСАНИНЪ (входитъ).

Дому сему миръ и благословеніе!

СОБИНИНЪ.

Благодѣтелю и отцу нашему привѣтъ и радость! Благодаримъ, что пожаловалъ!

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

Добро пожаловать! Добро пожаловать!

(кланяются).

СУСАНИНЪ.

Спасибо за доброе слово, православные! Хозяинъ съ хозяйкой, здравствуйте! Дай вамъ

Богъ жить хорошо, да весело, съ благословеньемъ Божьимъ, а вотъ, мы вамъ бьемъ челомъ, что Богъ послалъ! Живите въ любви и дружбѣ и насъ на старости радуйте!

СОБИНИНЪ И АНТОНИДА.

Благодаримъ, батюшка родимый!

СУСАНИНЪ.

Ну, теперь дайте обнять себя, да полюбоваться на васъ, моихъ ненаглядныхъ! Здорово-те православные! Пафнутій Тарасьичъ, Өедоръ Өедорычъ!

ПАФНУТІЙ.

Рады милости твоей! Каково живешь?

СУСАНИНЪ (садится).

Слава-те Господи! Садитесь-ко добрые люди; вѣдь мы не у чужихъ въ гостяхъ — свои люди! Садитесь! Экая дорога: всю перемело въ прошлую ночь, да, кажись, и опять вьюга начинается. Хорошо, что мы въ тепломъ углу; каково-то теперь бѣднякамъ, кто въ полѣ! Соломонида Пафнутьевна! здорово! Что это? Аль

ты обѣтъ молчанія дала? Тебя что-то и не слышно!

СОЛОМОНИДА.

Да, вотъ, любуюсь, кормилецъ, на тебя, да и хозяйкѣ пособить надо угощать дорогихъ гостей.

СУСАНИНЪ.

Разумѣется, безъ тебя, какъ тѣлегѣ безъ пятаго колеса, дѣлу не обойдтись. Если не пособишь, такъ хоть поговорить, анъ все таки легче.

ПАФНУТІЙ.

Да, у моей старухи, неча сказать, язычекъ на мѣстѣ привѣшенъ — что твой колокольчикъ!

СОЛОМОНИДА.

Такъ что же? Вѣстимо, на то Господь и языкъ человѣку далъ, чтобы говорить, на то онъ и безъ костей, чтобы хорошенько гнулся. Вотъ, употреблять его на клевету, да на пагубу людскую не годится, а со вранья вѣдь пошлинъ не берутъ.

СУСАНИНЪ.

Жаль, а то бы Царская казна куда скоро

обогатилась! Ну, а вѣдь есть же такая глупая пословица...

СОЛОМОНИДА.

Какая, родимый?

СУСАНИНЪ.

А такая, что Богъ человѣку будто далъ два уха, а ротъ одинъ, такъ, что это значитъ?

СОЛОМОНИДА.

А Господь вѣдаетъ!

СУСАНИНЪ.

По старому повѣрью, такъ значитъ: меньше говори, а больше слушай.

(Всѣ смѣются).

СОЛОМОНИДА.

Было бы что слушать! Хорошо, вотъ, какъ ты заговоришь, а то вонъ у моего мужeнька — молчитъ, такъ думаешь, что не говоритъ, а заговоритъ, такъ просишь, чтобы поскорѣе замолчалъ опять.

ПАФНУТІЙ.

Э, старуха! Вѣдь ты и за себя и за меня

говоришь — довольно съ насъ обоихъ! Такіе ужь у насъ съ тобой запорядки.

СУСАНИНЪ (смѣясь).

А на что же ты соръ изъ избы выносишь? Что дома дѣлается, о томъ одинъ уголъ другому говорить не долженъ.

СОБИНИНЪ (съ чарками).

Милости просимъ, родимый, и васъ, православные, просимъ выкушать на здоровье!

СУСАНИНЪ.

Давай, давай добрый хозяинъ! Живите счастливо!

ВСѢ КРЕСТЬЯНЕ.

Дай Богъ на много лѣтъ! (Пьютъ).

ПАФНУТІЙ.

Охъ! Да, что-то ты подала намъ, Антонида Ивановна, экаго омегу! Аль добраго вина гостямъ пожалѣла? Ни съ чѣмъ несравнительно горько!

СОЛОМОНИДА.

Ну, такъ надо подсластить! Что вы стали?

Экіе нерасторопные угощать-то! Молодой народъ!

(Собининъ цѣлуетъ жену).

ПАФНУТІЙ.

А, ну, вотъ теперь другое дѣло — слаще, слаще стало! Хе, хе, хе! Еще слаще! Исполать!

СОЛОМОНИДА.

А ужъ имъ-то, чай, цѣловаться-то куда тебѣ противно, что нищему гривна!

(Всѣ смѣются).

СУСАНИНЪ.

Вѣстимо родная! Пока молодъ, такъ вѣдь въ то время и жить полнымъ сердцемъ, цѣловаться и миловаться.

СОЛОМОНИДА.

Ну, вотъ теперь, дѣвки, и пѣсню запѣть можно. Начинайте-ка! Во славу Царю Государю, да хлѣбу-соли!

СУСАНИНЪ (угрюмо).

Хлѣбу-соли такъ, а Царю пѣсенъ не пойте.

СОЛОМОНИДА.

Чтожъ такъ, родимый?

СУСАНИНЪ.

А то, что у насъ теперь въ Русскомъ царствѣ еще время горькое, безгосударное. Хоть Господь и привелъ насъ видѣть матушку Москву, Царскую столицу, отъ враговъ свободную, но Царя православнаго еще у насъ нѣтъ. Будемъ молиться Богу, да ниспошлетъ онъ намъ Царя достойнаго, а до тѣхъ поръ, пока вдовствуетъ Русская земля — нѣтъ Рускимъ пѣсни о Царѣ православномъ — молитва, да слезы!

СОЛОМОНИДА.

И! ты все горюешь, да горюешь родимый!

СУСАНИНЪ.

За то послѣ порадуемся. Да, что о томъ толковать, Соломонида Пафнутьевна... Пойте - ка пѣсню веселую, дѣвушки — не такой сегодня день, чтобы печалиться. Не знаю самъ отъ чего, я такъ сегодня веселъ? Не отъ того ли, что видѣлъ я сонъ, да такой-то чудный.

КРЕСТЬЯНЕ.

Разскажи, разскажи, родимый!

СУСАНИНЪ.

Есть различіе въ снахъ: одни, такъ, пустыя грезы ночныя — мерещатся съ дуру, или еще и отъ окаяннаго наводятся (плюетъ), а другіе сны Богъ намъ посылаетъ! Такой сонъ западаетъ въ душу! И мой запалъ сюда — глубоко запалъ! Вижу я, будто по небу летитъ молодой орленокъ, а за нимъ гонится, ястребъ не ястребъ, коршунъ не коршунъ — птица превеликая, хищная — близко налетаетъ, машетъ крыльями... Какъ порхнетъ молодой орелъ орловичъ, да прямо ко мнѣ, право не лгу̂! Горько мнѣ стало, что птенца такой Царской птицы хищный коршунъ побиваетъ, кинулся я на встрѣчу ему, заслонилъ собой орла орловича — бросилась на меня птица хищная, ударила клювомъ желѣзнымъ, сюда, въ сердце, и повалился я, какъ овсяный снопъ, закатились очи ясные, подломились ноги скорыя, палъ я безчувственный...

АНТОНИДА.

Ахъ! родимый!

СУСАНИНЪ.

Чего ты боишься? Знаешь ли что я видѣлъ потомъ? Открылъ глаза, смотрю: стая орловъ слеталась на поднебесьи, учали рвать, щипать птицу хищную — только перья летятъ отъ нея —, вопитъ она голосомъ необычнымъ, а подо мной свѣтлое облако — гласы ангельскіе. Молодой орелъ съ короною Царскою подымается на могучихъ крыльяхъ и говоритъ мнѣ человѣческимъ голосомъ: «Спасибо тебѣ, Сусанинъ! Сослужилъ ты мнѣ службу — *вѣчная память тебѣ,* Сусанинъ!» И...и... но что досказывать? Довольно, что я проснулся, и такъ душа моя радостью исполнилась... (Антонида плачетъ). Что ты плачешь, Антонида?

АНТОНИДА.

Ахъ! родимый! Что предвѣщаетъ твой сонъ!

СУСАНИНЪ.

А можетъ быть... (шутя) Да, вотъ лучше растолкуетъ его намъ Соломонида Пафнутьевна....

СОЛОМОНИДА (подгорюнясь).

Богъ вѣсть, кормилецъ — тутъ и ума не при-

ложишь!... (Слышенъ стукъ подъ окномъ) Ахти! Ахъ! Кто это?

СУСАНИНЪ.

Чего вы боитесь? Вѣдь теперь не полночь подъ Ивановъ день.

ПАФНУТІЙ (испугавшись).

Охъ! есть такіе гости, что хуже окаяннаго!

СУСАНИНЪ.

Не то время имъ теперь — ихъ теперь и слыхомъ не слыхать... (подходитъ къ окну) Кто тутъ?

ТОМИЛО (за кулисами).

Пустите переночевать, люди добрые. Мы проѣзжіе, сбились съ дороги.

СУСАНИНЪ.

Слышите? Вотъ вамъ Богъ посылаетъ нежданныхъ гостей, хозяинъ съ хозяйкой! Доброе новоселье — бѣгите, зовите ихъ! (смотря въ окно) Экая вьюга — зги не видать! (Собининъ уходитъ) Добро тому, кому Богъ дастъ случай отогрѣть, да накормить своего ближняго.

ЯВЛЕНІЕ 6.

ТѢ ЖЕ, СОБИНИНЪ И ТОМИЛО.

СОБИНИНЪ.

Добро пожаловать, дѣдушка! Здѣсь отогрѣешься! Лошадкамъ зададимъ овсеца, а ты садись да отдохни.

ТОМИЛО.

Помогай Богъ, добрые люди!

СУСАНИНЪ.

Здравствуй, добрый человѣкъ, милости просимъ!

ТОМИЛО.

Али ты хозяинъ, родимый?

СУСАНИНЪ.

Нѣтъ, вотъ хозяинъ, а я ему, такъ, не чужой. Садись-ко къ печкѣ, отогрѣвайся. Мы собрались пировать новоселье, а нежданый гость на такомъ пиру милость Божья!

ТОМИЛО.

Ну, спасибо вамъ, добрые люди, поздравляю

васъ на новосельи, а ужъ я думалъ было, что запропаду — такая кура, невзгодица — Господи упаси!

СУСАНИНЪ.

Смѣть ли спросить отъ куда и куда тебя Богъ несетъ?

ТОМИЛО.

Издалеча, родимый, изъ Заволочья; ѣдемъ за нуждою въ Нижній, по торговымъ дѣламъ.

СУСАНИНЪ.

Ну, дай Богъ часъ добрый! А позволь спросить еще, добрый человѣкъ, не близко ли къ вамъ въ Заволочьи Егорьевскій погостъ, что въ Обонежской пятинѣ?

ТОМИЛО.

Очень близко; я самъ изъ Егорьевскаго погоста, изъ Толвуйской волости.

СУСАНИНЪ.

Изъ Толвуйской волости! Охъ! родимый, будь такъ добръ и ласковъ — скажи, не знаешь

ли ты тамъ одного старика, жителя деревни Тарутиной....

ТОМИЛО.

Тарутиной? Какого старика? Можетъ, знаю.

СУСАНИНЪ.

Зовутъ его Томило Тарутинъ, не знаю, какъ по батюшкѣ.

ТОМИЛО.

На что же тебѣ Томило, родимый?

СУСАНИНЪ.

Я хотѣлъ только узнать: здравствуетъ ли еще этотъ почтенный старецъ? Благополучно ли онъ живетъ? Хотѣлъ бы я еще попросить тебя, если Господь приведетъ тебѣ воротиться на родину, сказать ему отъ меня низкій поклонъ, сказать... На что ему знать мое имя!... Такъ сказать, что одинъ - дескать Костромской старикъ велѣлъ тебѣ кланяться, и говорилъ, что онъ всякій день поминаетъ о тебѣ въ молитвѣ.

ТОМИЛО (оглядывая Сусанина).

Развѣ ты знавалъ его когда нибудь?

СУСАНИНЪ.

Никогда мы съ нимъ не встрѣчались, но его имя записано *тамъ* — у Бога, а *здѣсь* кто изъ насъ не знаетъ, друзья мои, имени Томилы Тарутина?

ВСѢ.

Всѣ знаемъ, всѣ знаемъ!

ТОМИЛО.

Простите, люди добрые, а, право, все еще я не вѣдаю и не придумаю, почему вы знаете Томилу Тарутина? Человѣкъ, кажется, онъ простой и въ здѣшней сторонѣ никогда не бывалъ... Еслибы что, такъ есть присловье: добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ... А объ немъ неужели у васъ худая слава?

СУСАНИНЪ.

Лежитъ добрая слава, когда кто нибудь хочетъ пустить ее о себѣ мыкаться по бѣлому свѣту, но не скрывается она, если не думаешь объ ней дѣлая добро...Знаешь ли ты въ чьей ты теперь деревнѣ?

ТОМИЛО.

Не вѣдаю.

СУСАНИНЪ.

Эта вотчина выселокъ изъ села Домнина, помѣстья Филарета Никитича Романова.

ТОМИЛО.

Романова!

СУСАНИНЪ.

Да, а вотъ, когда было гоненье на Романовыхъ отъ Бориса Годунова — прости ему Господи! когда онъ сослалъ добраго боярина нашего въ Сійскую обитель и боярыню его заключилъ въ Заонежскихъ лѣсахъ, когда всѣ отступились отъ нихъ, и знаемые и родные, въ грусти и горѣ утѣшалъ ее Томило Тарутинъ, простой мужичокъ, да съ боярскимъ сердцемъ. Онъ приносилъ ей вѣсти о супругѣ ея и миломъ сынѣ ея, Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, подкупая жестокосердую стражу, не жалѣя головы своей, не боясь Борисовыхъ лазутчиковъ; дѣлилъ съ ней послѣднюю деньгу свою, когда боярыню нашу нуждою и гладомъ изнуряли Борисовы

приставы... О! благо будетъ ему на небеси — велико благословеніе за отраду боярынѣ нашей, а намъ, послѣ этого не знать Томилы? Да, не попусти Богъ! Вѣдомо честное имя его въ нашей сторонѣ, знаемъ мы его.

ВСѢ.

Знаемъ, знаемъ!

ГАВРЮША.

Вотъ ужь и мнѣ дѣдушка сколько разъ сказывалъ о Томилѣ — выросту большой, поѣду поклониться ему... Что это, дѣдушка? Смотри-ка: гость-то нашъ плачетъ!

ТОМИЛО.

Плачу отъ радости. Ожидалъ ли я, думалъ ли? Добрые люди! Добрый человѣкъ! Знаешь ли ты.... Недалеко тебѣ ѣхать, дитя мое.... Братья! вѣдь я самъ Томило Тарутинъ!

ВСѢ.

Ты? Тарутинъ?

(почтительно тѣснятся къ нему).

СУСАНИНЪ (радостно).

Дѣти! Богъ благословляетъ ваше новоселье

такимъ гостемъ, такимъ дорогимъ гостемъ... Кормилецъ, родимый! смѣть ли обнять тебя? Али ударить челомъ... Позволь...

ТОМИЛО.

Нѣтъ, нѣтъ! Обними, обними меня!

СУСАНИНЪ.

Благодарю Бога! То-то мнѣ сегодня что-то такъ было весело — вотъ передъ тобой только говорилъ я имъ... Дѣти! здоровье Томилы Тарутина! Давайте, давайте, что у васъ есть лучшаго, хорошаго, добраго — и сердце, и бражину меду и привѣтъ ласковый!

СОБИНИНЪ (кланяясь съ женою).

Спасибо тебѣ, дорогой гость, что ты пожаловалъ къ намъ! Дай мнѣ поцѣловать твою руку, которою подавалъ ты помощь доброй боярынѣ нашей!

ТОМИЛО.

Нѣтъ! лучше обними меня! Не думалъ я, когда исполнялъ долгъ свой, что такъ наградятъ меня, что кто нибудь узнаетъ о моей

некорыстной службишкѣ... Мать моя Мароа Ивановна — вотъ ужь сколько лѣтъ я не слышу ничего объ ней, великой инокинѣ, и о сынѣ ея, юношѣ благородномъ... Живы ли они? Не погибли ль они въ плѣну Польскомъ?

СУСАНИНЪ.

Нѣтъ, и она и сынъ ея спасены милостью Божіею — они здѣсь!

ТОМИЛО.

Здѣсь? Гдѣ?

СУСАНИНЪ.

Вотъ, верстахъ въ трехъ отсюда, въ боярскомъ помѣстьи своемъ, селѣ Домнинѣ. Сохранилъ Господь и инокиню Мароу Ивановну, и дорогаго сына ея, на утѣху ея старости — и ... кто повѣдаетъ судьбы Божіи, для чего еще, на что еще сохранилъ Господь главу драгоцѣннаго отрока, юнаго болярина нашего Михаила, нынѣ уже юношу мудраго и доброзрачнаго — сохранилъ его и отъ замысловъ Бориса, и отъ злодѣйства Самозванцовъ, и въ Московскомъ плѣну, гдѣ враги наши ѣли другъ друга, а не коснулись Михаила, свыше благословеннаго.

ТОМИЛО.

Неисповѣдимы судьбы его! Они здѣсь, здѣсь — я пойду къ нимъ, я скажу имъ — она вспомнитъ меня; онъ, отрасль рода Анастасіи, подаритъ меня привѣтомъ своимъ... О, благодарю тебя, Господи!

СУСАНИНЪ.

Отдохни, успокойся. Завтра я самъ провожу тебя въ Домнино, а теперь ты нашъ гость!

ТОМИЛО.

А объ архипастырѣ нашемъ, митрополитѣ Филаретѣ Никитичѣ — есть ли вѣсти, родимый?

СУСАНИНЪ.

Живъ — томится въ плѣну у вѣроломнаго Сигизмунда и молитъ Бога за святую Русь. Много можетъ молитва святаго мужа... Посмотри: кто ожидалъ бы, кто предрекъ бы годъ тому? Уже свободна вся Русская земля до самаго Смоленска, уже сіяетъ снова благодатью царская столица — изгнаны враги злочестивые, собрались въ Москвѣ Русскіе люди, избрать

себѣ Царя по Божію благословенію. Гнѣздятся еще полчища вражескія въ Новгородѣ, скитаются еще голодные остатки измѣнниковъ по Русскимъ областямъ, но яко исчезаетъ дымъ, исчезнутъ они по первому царскому слову, возмутятся, яко прахъ отъ лица земли... И кичливый врагъ, гремѣвшій грозно, до небесъ вынесшійся, низойдетъ до ада преисподняго! Придетъ странникъ на то мѣсто, гдѣ вынесся онъ, спроситъ о немъ — и не обрѣтетъ и праха и слѣда его!

(Слышны громкій стукъ, крикъ и звукъ оружія подъ окномъ).

СОЛОМОНИДА.

Ахти, мои батюшки! Не еще ли гости?

СОБИНИНЪ (глядя въ окно).

Что это? Воины какіе-то, всадники... Русскіе православные такъ невѣжливо проситься не будутъ... Не уже ли недобрые, незваные гости пожаловали!

ВСѢ

Ахъ! сохрани, Господи!

СУСАНИНЪ.

Стой, стой — чего вы испугались? Откуда теперь возмутся незваные гости?... Можетъ быть, отрядъ всадниковъ Русскихъ... Ну, гдѣ тутъ на морозѣ толковать о вѣжливости..... Прытко постукиваютъ — подите, узнайте...

(Собининъ бѣжитъ вонъ).

СОЛОМОНИДА.

Ахти, мои батюшки! Не къ добру что-то вѣщуетъ мое сердце!...

СУСАНИНЪ.

Ну, молчи, Соломонида Пафнутьевна! Что ты хнычешь? Чего бояться!

ЯВЛЕНІЕ 7.

ТѢ ЖЕ И СОБИНИНЪ.

СОБИНИНЪ (вбѣгая).

Братцы! худо — Поляки и измѣнники!

ВСѢ.

Ахъ! Пропали наши головы!

СОЛОМОНИДА.

Бабы, дѣвки! бѣгите, бѣгите! Ахти, бѣда — горе!

(Женщины бѣгутъ въ безпорядкѣ).

СОБИНИНЪ.

Что же? Поддаваться ли? Братцы! имъ ли мы отдадимся? Бѣгите, собирайтесь!

ПАФНУТІЙ.

Что ты затѣваешь, Богданъ? Куда намъ, мужичью, драться съ ними! Запалятъ они наши домы, разграбятъ добро!

СОБИНИНЪ.

Мы дадимъ вѣсть въ Кострому! Далеко ли?

ПАФНУТІЙ.

А до тѣхъ поръ останется одно пепелище.

(Крикъ и стукъ увеличиваются).

СУСАНИНЪ (все время стоитъ задумавшись).

Стой, стой! Куда вы? Хорошо, что бабы ушли, а вы, православные, постойте — освѣ

домтесь, узнайте! Непріятель! Откуда онъ взялся? Не можетъ быть!

СОБИНИНЪ.

Я тебѣ говорю — какъ изъ земли родился. Примемъ его по свойски!

СУСАНИНЪ.

Нѣтъ! не губите себя напрасно... Надобно хорошенько узнать... Поди, встрѣчай ихъ.... Если точно враги... противъ рожна прать не будешь... (грозно) Молчи! не буянить! Поди, отворяй ворота! Я знаю что говорю!

(Собининъ и крестьяне уходятъ. Сусанинъ стоитъ задумчиво).

АНТОНИДА.

Ахъ! родимый! Что съ нами будетъ!

СОЛОМОНИДА.

Что будетъ? Пропали наши головы ни за денежку! Вотъ тебѣ и новоселье, вотъ и пиръ отпировали! Да, коего бѣса воеводы-то смотрятъ? Да, что они въ самомъ дѣлѣ — а еще разхвастались: Москву-де взяли! Побили, раз-

били непріятеля, а вотъ они, вражьи дѣти, какъ снѣгъ на голову!

СУСАНИНЪ (задумчиво).

Сонъ мой вѣщій! не ты ли сбываешься? Что если злодѣи... Укрѣпи меня, Господи!

ТОМИЛО.

Охъ! когда-то переживемъ мы горькое время невзгоды на Русскую землю...

СОЛОМОНИДА.

Да, если руки опустить, такъ никогда не переживемъ. Что мы въ самомъдѣлѣ? Да, примемъ-ка ихъ хорошенько — наше мѣсто свято! Да, мы, бабы, съ ухватами пойдемъ на нихъ! Гдѣ они злодѣи? Гдѣ они?... Ай, ай, ай!

ЯВЛЕНІЕ 8.

ТѢ ЖЕ, И ПАФНУТІЙ.

ПАФНУТІЙ (вбѣгая).

Помогайте, братцы! Ой! бьютъ, рѣжутъ!

АНТОНИДА И СОЛОМОНИДА.

Кто? Кого?

АНТОНИДА.

Гдѣ мой Богданъ?

ПАФНУТІЙ.

У нихъ въ рукахъ — грозятъ зарѣзать его!

АНТОНИДА.

Богданъ! (лишается чувствъ).

СОЛОМОНИДА (поддерживая ее).

Что ты надѣлалъ, окаянный? Убилъ вѣдь ты бабу-то!

ПАФНУТІЙ.

Да, я и самъ-то живъ ли не знаю!

ЯВЛЕНІЕ 9.

ТѢ ЖЕ, ХОРУНЖІЙ И ПОЛЯКИ.

(Входятъ съ шумомъ; двое изъ нихъ тащатъ Собинина).

ХОРУНЖІЙ.

А! бороды проклятыя! Не пускать храбрыхъ воиновъ. Бери, ломай все! Побѣда! Это что за бабы? Ты кто, преподлый старичишка?

СОЛОМОНИДА.

Охъ! Отцы родные! Помилосердствуйте!

СУСАНИНЪ (ласково и низко кланяясь).

Привѣтствуемъ васъ, почтенные гости, храбрые воины! Милости просимъ!

ХОРУНЖІЙ (приставляя къ груди его саблю).

За чѣмъ не отпирали намъ такъ долго? Говори, а не то — сабля моя не давала промаха.

АНТОНИДА (бросаясь къ нему).

Ахъ! пощадите, пощадите! Возмите все!

ХОРУНЖІЙ.

Все-то и безъ того мы возмемъ, а теперь.... Эхъ! да, какая пригожая! Цѣлуй меня въ задатокъ, такъ ужь такъ и быть, помилую!

СОБИНИНЪ (порываясь къ нему).

Какъ ты смѣешь!

ХОРУНЖІЙ.

Это что за негодяй? Руби ихъ всѣхъ!

СУСАНИНЪ.

Постойте, люди добрые, воины храбрые, постойте! За что же насъ рубить? Мы вашему посѣщенію рады. Это моя дочь. Чего ты, глупая, испугалась? Пошла, приготовляй гостямъ все, что у тебя есть попить, поѣсть! Пошла скорѣй! Помоги ей, Соломонида Пафнутьевна!

АНТОНИДА.

Но, батюшка...

СУСАНИНЪ.

Что, батюшка? Не знаешь различить, кто сдѣлалъ тебѣ честь посѣщеньемъ.... А этотъ малый зять мой... Такъ, знаете, ваше почтеніе, какъ вы захотѣли приласкать жену его, оно и не понравилось ему!

ХОРУНЖІЙ.

Что ты мнѣ лясы-то подпускаешь! Всѣ вы ненавидите насъ, всѣ вы злодѣи наши...

СУСАНИНЪ.

Что ты, родимый!

ХОРУНЖІЙ.

Что у васъ тутъ за народъ такой былъ? Куда убѣжали?

СУСАНИНЪ.

Да, собрались было мы, такъ себѣ, повеселиться....

ХОРУНЖІЙ.

Повеселиться! Какъ вы смѣете веселиться? Этакіе скоты! Мы зябнемъ, мерзнемъ, а они веселятся! Что у васъ тутъ? (беретъ братину и пьетъ). Медъ! Экіе болваны! Они медъ пьютъ, а мы чуть было не замерзли... Давай пить, ѣсть, давай всего! (стучитъ ногами).

СУСАНИНЪ.

Все будетъ. — Вѣдь мы, кажется, одного ца-

ря слуги... Владислава Сигизмундовича (тихо) Прости мнѣ, Господи, неправду!

ТОМИЛО И СОБИНИНЪ (вмѣстѣ).

Владислава!

ХОРУНЖІЙ.

Что? Что? Вы опять осмѣливаетесь бунтовать? Я васъ, бороды негодныя! Въ битое мясо искрошу!

СОЛОМОНИДА.

Помилуй, кормилецъ!

СОБИНИНЪ.

Пустите меня!

АНТОНИДА (между отцомъ и мужемъ).

Ахъ! пощадите, пощадите!

ЯВЛЕНІЕ 10.

ТѢ ЖЕ И КАПИТАНЪ ОТРЯДА.

КАПИТАНЪ.

Что за шумъ? Что такое?

ХОРУНЖІЙ.

Вотъ, панъ ротмистръ, бунтовщики, злодѣи пресвѣтлѣйшаго царя и короля — сопротивляются, буянятъ!

СУСАНИНЪ.

Низко кланяемся, пану капитану. Совсемъ мы не буянимъ, а челомъ бьемъ — милости просимъ хлѣба-соли кушать, что Богъ послалъ. Да, вотъ, панъ офицеръ немножко сердится, а мы всѣ вѣрные подданные великаго царя Владислава Сигизмундовича. (Тихо Собинину) Молчи!

КАПИТАНЪ.

Вы опять храбритесь не кстати, панъ хорунжій? Развѣ вы забыли мой приказъ: никого не оскорблять? Кто ты? Это что у тебя за люди?

СУСАНИНЪ.

Да, это зять мой, а она дочь моя — вотъ со-

сѣдка, Соломонида Пафнутьевна, жена старосты...

СОЛОМОНИДА (кланяясь).

Такъ, батюшка, панъ капитанъ: я Соломонида Пафнутьевна.

КАПИТАНЪ.

А староста гдѣ?

СУСАНИНЪ.

Вотъ и староста.

КАПИТАНЪ.

А! ты староста?

ПАФНУТІЙ (робѣя кланяясь).

Оно... радъ... очень... кормилецъ!

КАПИТАНЪ (смѣясь).

Чтожь ты трусишь?

СУСАНИНЪ (усмѣхаясь).

Ну, да вотъ, какъ панъ офицеръ саблей-то своей пугнулъ насъ, такъ оно, милостивецъ, знаете... и жутко немножко показалось....

КАПИТАНЪ (указывая на Собинина).

Отпустите его. Сабли въ ножны! Никого не обижать! Не бойтесь добрые люди — будьте только вѣрны и послушны. При малѣйшемъ подозрѣніи къ измѣнѣ... понимаете!

СУСАНИНЪ.

Кто думаетъ объ измѣнѣ! Мы, панъ господинъ, подданные Владислава Сигизмундовича.

ТОМИЛО (въ сторону).

Двуязычникъ! Окаянный! Что онъ говоритъ на старости!

СОБИНИНЪ (тихо Сусанину).

Тебя ли я слышу? Гдѣ у тебя совѣсть?

КАПИТАНЪ (отводя хорунжаго).

Развѣ вы забыли важность нашего дѣла и опасность нашего положенія? (Разговариваютъ тихо).

СОБИНИНЪ (тихо Сусанину).

Я пошлю въ Кострому. Самъ запалю деревню

СУСАНИНЪ (тихо).

Молчи, безразсудная голова! Не смѣй пошевелиться!

КАПИТАНЪ.

Будьте спокойны. Слушай, старикъ: какая это деревня? Чья она?

СУСАНИНЪ.

Деревня наша выселокъ отъ села Домнина.

КАПИТАНЪ.

Домнина? А! такъ это помѣстье Романова?

СУСАНИНЪ.

Такъ, панъ милостивый.

КАПИТАНЪ (въ сторону).

Добрались! (Сусанину) А далеко ли отсюда до села Домнина?

СУСАНИНЪ.

Да, по большой дорогѣ будетъ верстъ.... этакъ съ десятокъ....

КАПИТАНЪ.

Десять верстъ! Хороша ли дорога?

СУСАНИНЪ.

Какія у насъ дороги! И лѣтомъ-то едва пробираемся, а теперь зимою всю снѣгомъ занесло.

КАПИТАНЪ.

Чортъ побери!... Но какъ же вы....

СУСАНИНЪ.

Наше дѣло мужицкое: гдѣ намъ разбирать дорогу—ѣдемъ себѣ, да и только. А впрочемъ, вотъ тутъ у насъ, прямо черезъ лѣсъ, есть прямая дорога.... Только.... врядъ ли вы черезъ нее выпутаетесь... такими извилинами...

КАПИТАНЪ.

А далеко ли по ней до Домнина?

СУСАНИНЪ.

Да, черезъ лѣсъ не больше, какъ версты двѣ....

СОБИНИНЪ (тихо).

Что онъ бредитъ! Какая тутъ черезъ лѣсъ дорога?

КАПИТАНЪ (тихо Хорунжему).

Намъ непремѣнно надобно успѣть въ Домнино къ свѣту, прежде нежели Руские дадутъ знать — вѣдь вы знаете?

ХОРУНЖІЙ.

Чего мы не знаемъ!

КАПИТАНЪ.

Говорите тише! Постарайтесь развѣдать у этого старика — кажется, онъ мошенникъ и трусъ; обѣщайте ему денегъ....

ХОРУНЖІЙ.

Не лучше ли саблей постращать его!

КАПИТАНЪ.

Спрячьте вы свою храбрую саблю! При малѣйшей тревогѣ, мы можемъ погибнуть, или не успѣть въ нашемъ предпріятіи. Помните о наградѣ!

ХОРУНЖІЙ.

Только бы выдали ее! Эге! давно ужь не видимъ мы червончиковъ, какъ бывало прежде! То-то было времячко!

КАПИТАНЪ.

Будутъ, будутъ онп!

СУСАНИНЪ (тихо).

Злодѣи сговариваются. Помоги мнѣ, Господи! вразуми меня.

КАПИТАНЪ.

Слушай, старикъ: ты, кажется, человѣкъ добрый и правдивый, преданный законному Царю Русскому, Владиславу Сигизмундовичу.

СУСАНИНЪ.

Вѣстимо, вѣдь мы ему присягали (тихо) поневолею окаянному! (громко) Мало ли что теперь говорятъ намъ воеводы — будто и Москву они взяли....

КАПИТАНЪ.

Ха, ха, ха! Какой вздоръ!

ХОРУНЖІЙ.

Пока сабля есть у насъ при боку, такъ мы и понюхать имъ Москвы не дадимъ! Говорятъ, ужь такъ мало теперь осталось у Рускихъ и во-

еводъ-то, что бродяга мясникъ какой-то сдѣлался воеводою — ха! ха! ха!

СУСАНИНЪ (тихо).

Благослови тебя Богъ, Кузьма Миничъ!

ХОРУНЖІЙ.

И подошелъ было, видишь, къ Москвѣ, такъ нашъ Гетманъ и стрѣлять по немъ не велѣлъ, а просто кулаками прогналъ всѣхъ Русскихъ мясниковъ и блинниковъ!

СУСАНИНЪ (тихо).

Комомъ пошелъ вамъ въ горло этотъ блинъ, злодѣямъ!

КАПИТАНЪ.

Скажи, старикъ: есть ли въ Костромѣ войско?

СУСАНИНЪ.

Да, какое здѣсь войско! Тысячь пять хорошо вооруженнаго народа, говорятъ, есть.

КАПИТАНЪ.

Пять тысячь!

СУСАНИНЪ.

А вы куда, ваша милость изволите, теперь отправляться?

КАПИТАНЪ.

Мы идемъ изъ Новгорода къ Москвѣ.

СУСАНИНЪ.

Къ Москвѣ? Дай Господи (тихо), чтобы кости ваши остались подъ здѣшними сугробами!

КАПИТАНЪ.

Староста! пойдемъ со мною: ты разведешь моихъ солдатъ по квартирамъ. Мы отдохнемъ здѣсь. Г-нъ Хорунжія! ваша квартира здѣсь — приготовьте бумаги. (тихо) Я поставлю караулы, осмотрю все; вы переговорите съ этимъ старикомъ — я тотчасъ возвращусь. Чего вы боитесь? (громко) Съ вами останутся пятеро солдатъ.

СУСАНИНЪ.

Милости просимъ, дорогіе гости! Угостимъ всѣмъ что есть, покажемъ... какъ Русскіе любятъ васъ — друзей своихъ!

———

КАПИТАНЪ.

Паказывай дорогу, староста!

(Онъ и Пафнутій уходятъ).

СУСАНИНЪ (солдатамъ).

Милости просимъ туда пожаловать, господа! Проводите гостей, хозяйка, Соломонида Пафнутьевна!

СОЛОМОНИДА.

Пожалуйте, гости дорогіе! Покорно просимъ!

СУСАНИНЪ (въ слѣдъ имъ).

А сюда на столъ давайте кушать пану Хорунжему, да и винца, и пивца и медку побольше!.... Богданъ! ступай, торопись... Уведи съ собой и гостя нашего заѣзжаго...

ТОМИЛО (угрюмо).

Да, я хотѣлъ бы теперь же уѣхать дальше — не до ѣды мнѣ, видя какъ ты стараешься угостить другихъ... Жаль — погода мѣшаетъ!

СУСАНИНЪ (притворно).

Да, погодка невзгодная, а ужь что я самъ

тебя не угощаю — извини: вотъ, видишь, какой у меня гость почетный!

(Собинилъ и Томило уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

СУСАНИНЪ И ХОРУНЖІЙ

(съ важностію разбираетъ бумаги и прячетъ ихъ опять).

ХОРУНЖІЙ.

Ну! вотъ можно и намъ теперь отдохнуть!

(Сусанинъ убираетъ столъ, ставитъ скамьи. Антонида и Соломонида приходятъ и уходятъ съ блюдами и сулеями).

СУСАНИНЪ.

Не угодно ли, панъ Хорунжій, скинуть и положить свое оружіе?

ХОРУНЖІЙ.

Какъ: скинуть и положить оружіе? (струсивъ). Ты хочешь напасть на меня безоружнаго? А?

СУСАНИНЪ.

И! какія у тебя мысли! Вѣдь ты, слава Богу, не въ разбойничьемъ притонѣ! Да, и что толку сорвать твою башку? Однимъ комаромъ меньше или больше не великъ барышъ, когда твои товарищи запалятъ нашу деревню за тебя... Пожалуй, сиди себѣ съ саблей и съ пистолями...

ХОРУНЖІЙ.

Да, да, такой воинъ какъ я, съ саблей ходитъ, съ саблей сидитъ, съ саблей ѣстъ и пьетъ, съ саблей спитъ — понимаешь?

СУСАНИНЪ.

Челомъ бью твоей саблѣ!

ХОРУНЖІЙ.

Сабля ему мать, жена, дочь, хлѣбъ, честь...

СУСАНИНЪ.

Не угодно ли саблѣ твоей немножко поѣсть. Оно и теплѣе на душѣ и храбрѣе становится.

ХОРУНЖІЙ (садится за столъ).

Сабля моя питается кровью враговъ! Поѣла эта дура мяса Турецкаго, и Шведскаго, и Русскаго... (ѣстъ жадно и продолжаетъ говорить).

СУСАНИНЪ.

Кто же не слыхалъ о вашей храбрости! Говорятъ, вы осаждали 16 мѣсяцовъ Троицкую лавру, гдѣ сотни двѣ иноковъ сражались съ вашими тысячами, и ужь чуть было не взяли....

ХОРУНЖІЙ.

О! тамъ меня не было! Да, еще покрѣпче бы выстроить имъ стѣны, такъ, пожалуй, и вѣкъ не возмешь! И что дѣлали ваши защитники лавры! Больше молились, чѣмъ сражались...

СУСАНИНЪ.

Да, у насъ есть повѣрье, будто молитва бываетъ сильнѣе всякаго оружія.

ХОРУНЖІЙ.

Ха, ха, ха! Вотъ не отмолили же вы ни Смоленска, ни Москвы...

СУСАНИНЪ.

Богъ вѣдаетъ! Иногда, говорятъ, у насъ, онъ за грѣхи наказуетъ, а потомъ и помилуетъ!

ХОРУНЖІЙ.

Ха, ха, ха! Какія глупыя повѣрья!

СУСАНИНЪ.

Да, очень глупыя, только съ ними долго и крѣпко жила наша Русь, и еще долго проживетъ, если имъ вѣрить станетъ! (Тихо) Я забываюсь! (Ему) Что мы заговорили съ тобой, панъ Хорунжій! Не угодно ли выпить?

ХОРУНЖІЙ.

Ты сперва пей!

СУСАНИНЪ.

Ты боишься, что въ меду зелье? Эхъ! Панъ, панъ! Не знаешь ты меня!

ХОРУНЖІЙ.

Что такое?

СУСАНИНЪ.

Да, то, что ты все скрываешь про невзгоду, какая на васъ пришла.

ХОРУНЖІЙ.

Какъ ты смѣешь, старичишка? Я тебя саблей?

СУСАНИНЪ.

Пожалуй! У меня оружія нѣтъ, хоть прежде и съ моей рукой сабля бывала дружна.

ХОРУНЖІЙ.

Чтожь ты? На разбой хаживалъ?

СУСАНИНЪ (добродушно).

Не то что на разбой — ну, а знаешь, панъ, какъ вамъ было хорошо и намъ было не худо.... хе, хе, хе!

ХОРУНЖІЙ.

О! борода! Да, ты, видно, не олухъ!

СУСАНИНЪ.

Отруби ту руку по локоть, которая себѣ до-

бра не желаетъ! Выпей-ка, панъ милостивый! Ну, и я съ тобой! Покушай!

ХОРУНЖІЙ.

Нѣтъ! теперь лучше выпить! Давай еще! Славный медъ!

СУСАНИНЪ (*тихо*).

Онъ тебя уложитъ! (*ему*) Видишь — житье наше некошное — заѣли насъ воеводы и бояре — промысла нѣтъ — поля скудны.... плати подати, да кланяйся...

ХОРУНЖІЙ.

Вотъ, а то ли у насъ — вольно! Смѣй-ка Король меня не послушать... закричу: «не позволяю!» О! стѣны задрожатъ... Иногда вѣдь иной на ногахъ не стоитъ, и самъ не знаетъ о чемъ дѣло идетъ, а кричитъ: «не позволяю!»

СУСАНИНЪ.

То-то хорошо у васъ и ведется! Нѣтъ! У насъ такъ такая глупая привычка: что велятъ — дѣлай! Мы, видишь, увѣрены, что власть

идетъ отъ Бога, и — Богу тотъ противится, кто противится власти!

ХОРУНЖІЙ.

Ха, ха, ха! Что вамъ натолковали! То ли дѣло наша вольность! Вотъ я: да у меня гдѣ хорошо, тамъ и отечество, гдѣ мнѣ выгодно, тамъ и служу, гдѣ не выгодно карману, да глоткѣ — *до брони!*

СУСАНИНЪ (тихо).

Хорошъ ты, молодецъ!

ХОРУНЖІЙ.

Да, да! Я родился и самъ не знаю гдѣ и какой вѣры былъ съ малолѣтства — не помню... Въ самомъ дѣлѣ, развѣ распоясаться... (снимаетъ саблю) Исходилъ весь бѣлый свѣтъ: въ Римѣ былъ католикомъ, въ Гамбургѣ лютераномъ...

СУСАНИНЪ.

А теперь?

ХОРУНЖІЙ (смѣясь).

Да, чѣмъ хочешь!

СУСАНИНЪ.

Ай! да молодецъ! За твое здоровье! А хорошо, право, было, какъ вы спачала-то къ намъ пришли... Не боялись мы тогда бояръ и воеводъ...

ХОРУНЖІЙ (*пьетъ*).

Видно, тогда-то у тебя и медокъ завелся!

СУСАНИНЪ.

Вѣстимо: бывало услужишь вамъ, 'паны добрые, и мнѣ перевалится въ дѣлежѣ... Не одну службу сослужилъ я панамъ... Вотъ и теперь... еслибы вы захотѣли...

ХОРУНЖІЙ.

Говори, говори!

СУСАНИНЪ.

Да, оглядывайся, слыхалъ я. Еслибы вы не въ Москву пошли....

ХОРУНЖІЙ.

Ну, ну!

СУСАНИНЪ (подсаживается къ нему ближе).

Вѣдь я пану-то капитану солгалъ, что въ Костромѣ 5000 войска — тамъ никого нѣтъ!

ХОРУНЖІЙ.

Какъ же ты смѣлъ?

СУСАНИНЪ.

Вотъ еще! Вѣдь тутъ я не одинъ былъ — вы-то что — уйдете, а мнѣ на осинѣ-то висѣть ни чуть не любо. Еслибы вмѣсто Москвы, да вамъ здѣсь немножко прогуляться — хоть бы въ Доминно....

ХОРУНЖІЙ.

Въ Доминно?

СУСАНИНЪ.

Черезъ лѣсокъ-то здѣсь недалеко, а ужь есть чѣмъ поживиться — кони въ подвалахъ, да въ кладовыхъ — и ренское найдется, и серебро, и золото.

ХОРУНЖІЙ.

И вино есть?

СУСАНИНЪ (размахивая руками).

Этакія бочки! Мохомъ заросли!

ХОРУНЖІЙ.

Бурръ! Охъ! выпилъ-бы! Знаешь ли, старикъ?

СУСАНИНЪ.

Что, что, кормилецъ, отецъ родной?

ХОРУНЖІЙ (тихо).

Вѣдь мы не въ Москву идемъ!

СУСАНИНЪ.

А куда же?

ХОРУНЖІЙ.

Да, если въ Домнино? А! Что? Глаза-то у тебя разбѣжались! Ха, ха, ха!

СУСАНИНЪ (дрожа).

Разбѣжались, да, да, разбѣжались! А за чѣмъ же, ваша милость идете въ Домнино?

ХОРУНЖІЙ.

А тебѣ на что?

СУСАНИНЪ.

Если не скажете, такъ ничего и не узнаете... Ну, у меня ужь голова что-то кружится.... не прежнее время — бывало ведро выпью и какъ ни въ чемъ не бывало... (притворяется въ розхмѣль).

ХОРУНЖІЙ.

Э! я бочку Венгерскаго разъ какъ-то выпилъ и ничего себѣ! Давай-ка!

СУСАНИНЪ (наливая).

Ну, гдѣ намъ, мужикамъ, за вами, воинами тянуться! За здоровье того, кто любитъ кого! Ну, такъ вы въ Домнино? И мы съ вами!

ХОРУНЖІЙ.

Скажи: тутъ ли теперь молодой помѣщикъ вашъ, Михаилъ Романовъ?

СУСАНИНЪ.

Хе, хе, хе! А на что тебѣ?

ХОРУНЖІЙ.

Такъ! (тихо) Хитеръ, разбойникъ!

СУСАНИНЪ.

И тутъ и нѣтъ! Я не знаю...

ХОРУНЖІЙ.

Такъ вотъ тебя заставитъ говорить пуля..

СУСАНИНЪ.

Ну, полно шутить! Брось свои пистоли.... Вѣдь ужь мы понимаемъ одинъ другаго... Вамъ Михаила Романова надо? А?

ХОРУНЖІЙ.

Его! Говори!

СУСАНИНЪ.

Положи пистоли — не стану говорить... Есть тамъ, въ погребу, въ Доминнѣ, какая-то бутыль съ виномъ, которое Папа Римскій прилалъ царю Ивану Грозному...

ХОРУНЖІЙ.

Ухъ! На, вотъ тебѣ пистоли... только говори!

СУСАНИНЪ.

Михаилъ въ Доминнѣ — съ нимъ никого нѣтъ — и мать его тутъ — вѣдь васъ здѣсь не ждали!

ХОРУНЖІЙ.

Виватъ!

СУСАНИНЪ.

А если милости вашей угодно, мы и провести туда возмемся — что за работу?

ХОРУНЖІЙ.

Золота, золота!

СУСАНИНЪ.

Проклятое ты золото! много погубило ты совѣстей, много ты грѣховъ родило на бѣломъ свѣтѣ! Ну, а что вы сдѣлаете съ Михаиломъ?

ХОРУНЖІЙ.

Самъ догадайся!

СУСАНИНЪ (съ ужасомъ).

Да, еслибы и догадался, такъ языкъ-то не поворотится выговорить....

ХОРУНЖІЙ.

Какая же у тебя щекотливая совѣсть! Такъ я тебѣ скажу: если мы найдемъ Михаила...

СУСАНИНЪ.

Ну?

ХОРУНЖІЙ.

За голову его обѣщали намъ вѣсомъ золота! Ха, ха, ха!

СУСАНИНЪ (вскакивая).

За его голову!... О сонъ мой вѣщій! Орленокъ сизокрылый! За тобой гонится лютая, хищная птица! Господь Спаситель! помилуй!

ХОРУНЖІЙ (опьянѣвшій).

Что ты испугался? Голову Михаила Романова — и вотъ этакую золота груду!

СУСАНИНЪ.

Лягутъ всѣ наши головы, пока вы доберетесь до него... Но какъ спасти юношу благороднаго? — Видишь, панъ, оно немножко жутко... Вѣдь кровь-то въ немъ...

ХОРУНЖІЙ.

Какъ у насъ съ тобой!

СУСАНИНЪ (яростно).

Царская въ немъ кровь, капля которой не

оцѣнится сокровищами всего міра — за которую не расплатишься вѣчными адскими муками!... Панъ! если хочешь, дай волю.... Что я говорю!... Вызваться проводить ихъ... А между тѣмъ послать Собинина... Да, нѣтъ! Скажи только ему — не вытерпитъ, погубитъ всѣхъ и его!

⁂

ЯВЛЕНІЕ 12.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМОНИДА.

СУСАНИНЪ.

А! Соломонида Пафнутьевна! Ну, что ты несешь? Угощай гостя! Да, каково пируютъ тамъ у васъ?....

СОЛОМОНИДА.

Хорошо, кормилецъ. Чуть было только не поссорились съ ними твой зятюшка, да тотъ проѣзжій старикъ... Да ужь мы умолили!....

СУСАНИНЪ.

А мы такъ весело пируемъ!

ХОРУНЖІЙ.

Весело!

СУСАНИНЪ.

Ужь и я на старости подгулялъ! На-ка и тебѣ медку!

СОЛОМОНИДА.

Благодаримъ, кормилецъ!

ХОРУНЖІЙ.

Пей, пей, за мое здоровье! Все мое — всѣ вы наши!

СОЛОМОНИДА.

Вѣстимо, родимый. У кого палка въ рукахъ, тотъ и господинъ... а мы въ вашихъ рукахъ... всю деревню окружили сторожа ваши...

СУСАНИНЪ.

Окружили! (тихо) Какъ же выйдти? Какъ дать знать Михаилу? Кого послать!

—•—

ЯВЛЕНІЕ 13.

ТѢ ЖЕ И ТОМИЛО.

СОЛОМОНИДА.

Если панъ милостивый будетъ къ намъ такой добрый, что не спалитъ нашихъ хибарушекъ...

СУСАНИНЪ.

Да, вотъ если ты споешь и попляшешь передъ паномъ, такъ и помилуетъ!

ХОРУНЖІЙ.

Да, да! Пой, пляши, старуха!

СОЛОМОНИДА.

Куда мнѣ, батюшка!

ХОРУНЖІЙ.

Я велю! Пой!

СОЛОМОНИДА.

Сей часъ, сей часъ, родимый! Охъ! голосу-то ужь нѣтъ!

СУСАНИНЪ.

А развѣ забыла ты, сосѣдка, пословицу: не-

воля пляшетъ, неволя скачетъ, неволя пѣсенки поетъ? (тихо) Вѣдь онъ прессердитый! На силу на велику я угомонилъ его!

(Соломонида начинаетъ разговаривать съ Хорунжимъ, а потомъ поетъ: *Не бѣлы-то снѣги!*

СУСАНИНЪ (тихо Томилѣ).

Тебя Богъ послалъ, родимый!

ТОМИЛО.

На врядъ! Видѣть окаянныхъ, какъ они буянятъ, какъ ты, на старости лѣтъ, кривишь душой!

СУСАНИНЪ (скоро).

Знаешь ли, что они идутъ въ Домнино — убить Михаила Өеодоровича Романова и мать его!

ТОМИЛО (громко).

Убить!

ХОРУНЖІЙ.

Что тамъ? Кого убить?

СУСАНИНЪ.

Пить, говоритъ онъ! На-ка, старикъ, тебѣ! (даетъ ему кружку).

ТОМИЛО (кружка дрожитъ у него въ рукѣ).

Погубить его, потомка Анастасіи, сына Филарета Никитича!

СУСАНИНЪ.

Тише! — Ай! Соломонида Пафнутьевна! мастерица — и я подтяну! (поетъ) «Не бѣлы-то снѣги!»—(Томилѣ.) Ты спасалъ нѣкогда мать Михаила — Господь велитъ тебѣ спасти еще разъ ее и сына ея — бѣги въ Домнино — скажи, извѣсти — пусть поспѣшатъ въ Кострому — тебя самъ Богъ благословитъ!...

ТОМИЛО.

Но деревня окружена — какъ пройдти?

ХОРУНЖІЙ (встаетъ)

Что вы тутъ шепчете? А? Что это за человѣкъ? Что ты не пьешь?

ТОМИЛО.

Пью, пью!

СУСАНИНЪ.

Онъ мой сосѣдъ... Что, панъ милостивый, еслибы ты самъ спѣлъ?

ХОРУНЖІЙ.

Я пою воинскія пѣсни, съ трубами... Ду, ду, ду, ду! Маршъ! Тралала, лала! (марширует и шатается).

СУСАНИНЪ.

Экой удалецъ панъ! Да, что ты сосѣдка, поешь заунывную? Ну, удалую — Русскую! и панъ попляшетъ — *жги, рви, говори!*

(Соломонида пляшетъ, запѣвая: «По улицѣ молодецъ идетъ!» Сусанинъ показываетъ видъ, что пляшетъ съ нею. Хорунжій пляшетъ въ присядку).

СУСАНИНЪ.

Ай, да, лихо... (Томилѣ) Ты проберешься — возми у меня коня съ санями, садись и скачи! — *Ай, жги, говори!*... Панъ Хорунжій! не отставай! (Томилѣ). Я между тѣмъ возмусь проводить ихъ...

ТОМИЛО (подозрительно).

А кромѣ тебя не кому?

СУСАНИНЪ.

То-то и боюсь, что ихъ *проведутъ* въ Домнино — кто за всѣхъ поручится? — Есть и злые между добрыми, а я поведу ихъ не въ Домнино, а — въ могилу, въ лѣсъ, гдѣ они издохнутъ и околѣютъ, пока ты извѣстишь Михаила!....

ТОМИЛО.

Но увидѣвши обманъ, они убьютъ тебя!

СУСАНИНЪ (гордо).

Такъ ты развѣ одинъ такой на Руси, что за жизнь потомка царей не страшился положить свою голову? Да, и кто знаетъ, за чѣмъ они ищутъ его смерти? Не *Царя ли будущаго* хотятъ погубить они?

ТОМИЛО.

Сусанинъ! Человѣкъ Божій! я подозрѣвалъ тебя, а ты...

СУСАНИНЪ.

Помяни душу мою, когда меня не будетъ!... Э, панъ! али усталъ...

ХОРУНЖІЙ.

Нѣтъ! Вотъ я вамъ покажу, какъ у васъ казаки пляшутъ... то-то умора!

ЯВЛЕНІЕ 14.

ТѢ ЖЕ И КАПИТАНЪ.

СУСАНИНЪ.

Ну, полно, Соломонида Пафнутьевна, ступай, отдыхай!

СОЛОМОНИДА.

Охъ, родимый! потѣшила я бѣса, согрѣшила, окаянная! (уходитъ).

КАПИТАНЪ.

Что это? У васъ веселье? Видно, хозяинъ добрый человѣкъ!

ХОРУНЖІЙ.

О, пречестный плутъ! Славный старичишка!

СУСАНИНЪ.

Много чести!

ХОРУНЖІЙ.

Онъ согласенъ услужить.

КАПИТАНЪ.

Ты берешься провести насъ въ Доминино? Черезъ лѣсъ говорилъ ты? А другіе сказываютъ, что тутъ и дороги нѣтъ!

СУСАНИНЪ.

Хе, хе, хе! Сыщемъ дорогу. Вѣстимо, всякій боится... лѣсъ, дичь, зима.

КАПИТАНЪ.

И лѣшіе водятся?

СУСАНИНЪ.

И ваша милость иногда лѣшаго стоитъ, для нашего брата, мужика глупаго!

ХОРУНЖІЙ.

Онъ нашего сукна епанча... я ручаюсь за него! (садится и дремлетъ).

КАПИТАНЪ.

А чѣмъ ты увѣришь насъ, что не обманешь?

СУСАНИНЪ.

Да, если дадите задатокъ, такъ чѣмъ же увѣрить? Васъ будетъ много, а я одинъ — у васъ будутъ пистоли и сабли, а у меня... голыя руки! Такъ вѣдь мнѣ моя голова-то чего нибудь стоитъ?

КАПИТАНЪ.

Правда. Вотъ условіе: горсть золота за вѣрную службу — пуля за измѣну!

СУСАНИНЪ.

Если и серебра дадите, такъ годится на голые зубы, а вмѣсто одной пули — всадите ихъ въ грудь мою десятки — *не измѣню!*

КАПИТАНЪ.

О! да, ты молодецъ! Хорошо; я велю снять

караулы — погода утихаетъ; мы сей часъ ѣдемъ... Приготовься...

СУСАНИНЪ (глядя на небо).

Я готовъ!

КАПИТАНЪ.

Г-нъ Хорунжій! вы дремлете? Вставайте!

ХОРУНЖІЙ.

Руби ихъ! Маршъ! Тра, ла, ла, ла, ла!

КАПИТАНЪ.

Твое имя?

СУСАНИНЪ.

Иванъ Сусанинъ.

КАПИТАНЪ.

Хорошо! Дожидайся же. Я возму съ собой отборныхъ людей; другіе останутся здѣсь и будутъ дожидаться насъ. (въ сторону) Мерзавцы! надобно ихъ кинуть — перепились пьянехоньки! Но у меня будетъ еще съ полсотни молодцовъ — довольно! (уходитъ).

→•←

ЯВЛЕНІЕ 15.

ХОРУНЖІЙ (спящій), СУСАНИНЪ И ТОМИЛО.

СУСАНИНЪ.

Онъ спитъ! (Томилѣ) Ты слышалъ: караулы снимутъ — поспѣши же!

ТОМИЛО (падая передъ нимъ на колѣни).

Братъ и другъ! благослови меня!

СУСАНИНЪ.

Господь, да благословитъ тебя быть благовѣстникомъ спасенія! Обними меня!

ТОМИЛО.

Ты идешь испить смертную чашу!

СУСАНИНЪ.

За *кого?*... Когда и за малѣйшаго изъ ближнихъ нашихъ повелѣно жертвовать жизнью! Но, я еще спасусь, быть можетъ, доживу до ясныхъ дней счастія моего отечества — Руси православной.... Не говори моимъ домашнимъ... они испортятъ все дѣло — зять мой юнъ и не-

укротимъ Дочь .. она меня любитъ!... Охъ! вѣдь и я ее люблю! (Утираетъ слезы. Томило молится). Но Господь ее благословитъ, а добрые люди не оставятъ.... (слышны трубы).

ТОМИЛО.

Охъ! родимый! Мы вѣдь и забыли: вѣдь я въ Домнино дороги не знаю!

СУСАНИНЪ.

Ахти! и въ самомъ дѣлѣ!

ЯВЛЕНІЕ 16.

ТѢ ЖЕ И ГАВРЮША.

ГАВРЮША.

Дѣдушка! разбойники-то сбираются ѣхать!

СУСАНИНЪ.

А! лучъ благодати освѣтилъ меня! Вотъ, онъ знаетъ — онъ у меня молодецъ! Рука мла-

дѣвица будетъ руководить тебя! Гаврюша! любишь ли ты меня? Сдѣлаешь ли, что велю?

ГАВРЮША.

Дѣдушка! что угодно!

СУСАНИНЪ.

Молодецъ ли ты?

ГАВРЮША.

Да еще какой!

СУСАНИНЪ.

Дитя мое! поѣзжай же, вотъ съ этимъ старикомъ — хочешь прокатиться?

ГАВРЮША.

Да, теперь ночь!

СУСАНИНЪ.

Въ Домнино; бояринъ его зоветъ сей часъ, а проводить не кому.

ГАВРЮША.

А ты куда, дѣдушка?

СУСАНИНЪ (смущаясь).

Я!.. Мнѣ что-то нездоровится; замѣни меня — пряниковъ дамъ.

ГАВРЮША.

Я безъ пряниковъ поѣду, коли ты велишь.

СУСАНИНЪ.

Дитя мое! тебѣ позавидуютъ, можетъ быть, потомъ тысячи людей, которые отдали бы жизнь свою, чтобы только быть на твоемъ мѣстѣ... Ступайте! Богъ съ вами! (Томило неможетъ говорить, безмолвно обнимаетъ его и спѣшитъ).

ЯВЛЕНІЕ 17.

ХОРУНЖІЙ (спящій) И СУСАНИНЪ.

СУСАНИНЪ.

Благослови ихъ, Господи!... Укрѣпи и меня твоею десницею! Ты, изрекшій, что и камень, его же небрегоша зиждущій, той бысть во

главу угла — укрѣпи, умудри меня, недостойнаго!.. Хотѣлось бы мнѣ видѣть еще зятя, дочь — благословить ихъ!...

ЯВЛЕНІЕ 18.

ТѢ ЖЕ И АНТОНИДА.

СУСАНИНЪ.

А! Господь услышалъ молитву мою!

АНТОНИДА.

Слава Богу! родимый! Они ѣдутъ — ужъ я едва удержала моего Богдана: такъ и лѣзетъ на ссору съ ними... Ахъ! да вотъ еще!

СУСАНИНЪ.

Оставь его. Онъ пьянъ, подобенъ скоту безчувственному! Дочь моя милая! поди сюда, сюда, въ мои объятія!

АНТОНИДА.

Что съ тобой сдѣлалось, родимый?

СУСАНИНЪ (кладетъ руки на ея голову).

Если имъ суждены бѣды и горе — искупи ихъ на мнѣ! Горька чаша смертная — услади ее надеждою, Господи, что здѣсь, на землѣ, пошлешь ты имъ благословеніе твое, а тамъ... не отринешь раба твоего!

(За кулисами трубы).

КАПИТАНЪ (за кулисами).

Сусанинъ! ступай!

СУСАНИНЪ.

Иду!... Дочь моя!... (уходитъ поспѣшно).

АНТОНИДА.

Что съ нимъ сдѣлалось? Куда зовутъ его? Богданъ! Богданъ! гдѣ ты? (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 19.

ХОРУНЖІЙ (одинъ).

Нѣтъ! больше не хочу!... Маршъ!... Тра-ла,

ла! Сто Русаковъ на одинъ взмахъ сабельный!.. (просыпается) У! какъ я схрапнулъ! И мерещилось, будто я дрался, и рубилъ, и пѣлъ, и плясалъ и — пилъ медъ! Да, вотъ и кружка! Эй вы, дрянь! Эй? Кто тамъ? Поди сюда! Разбойники! Кружка пустая! Сюда — зарублю всѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ 20.

ХОРУНЖІЙ, СОБИНИНЪ, ПАФНУТІЙ И КРЕСТЬЯНЕ.

ПАФНУТІЙ.

И вѣстимо такъ! Уѣхали, а эти разбойники, что остались-то, пьянехоньки!

СОБИНИНЪ.

Такъ чего же мѣшкать? Перевязать ихъ, перекрутить злодѣевъ! Отправить ихъ къ дѣдушкѣ ихъ Сатанѣ!

ПАФНУТІЙ.

Оно и дѣло бы, да боимся — ну, если?...

СОБИНИНЪ.

Чего тутъ думать!

ХОРУНЖІЙ (вслушиваясь).

Кой чортъ? Что они говорятъ: уѣхали! Перевязать? Али капитанъ бросилъ насъ? Эге! у меня ужь и хмѣль изъ головы выскочилъ!

ЯВЛЕНІЕ 21.

ТѢ ЖЕ И АНТОНИДА.

АНТОНИДА.

Ахъ! Богданъ, Богданъ! знаешь ли? Вѣдь злодѣи-то увезли съ собой родимаго нашего!

СОБИНИНЪ.

Кто? Какъ?

АНТОНИДА.

Ахъ! они убьютъ его, убьютъ!

ЯВЛЕНІЕ 22.

ТѢ ЖЕ И СОЛОМОНИДА.

СОЛОМОНИДА.

Ой, ой, ой! Свѣтики мои! Горе горькое! Головушки мы запобѣдныя!

СОБИНИНЪ.

Что сдѣлалось?

СОЛОМОНИДА.

Вѣдь проѣзжій-то нашъ и съ Гаврюшей куда-то пропали!

АНТОНИДА.

Отецъ мой! Гдѣ мой родимый!

СОЛОМОНИДА.

Ахъ! они собаки! Ахъ! они разбойники! Ужь еслибы встрѣтиться — ужь я бы ихъ!...

ХОРУНЖІЙ.

Ну, плохо приходитъ! Какъ бы улизнуть отсюда! (прячется за столъ).

СОБИНИНЪ.

Схватить ихъ, связать, бить — спрашивать: куда увели они нашего старика, нашего Гаврюшу! Охъ! Антонида! недоброе что-то было на умѣ у твоего отца! Что онъ тутъ толковалъ съ ними?

СОЛОМОНИДА.

Станешь толковать, какъ тебя за глотку держатъ!

СОБИНИНЪ.

Пилъ съ ними, гулялъ... Когда это бывало!

СОЛОМОНИДА.

Станешь по неволѣ чихать, какъ чемеркой поподчиваютъ! И я тутъ-же была.... Да, съ этимъ злодѣемъ Хорунжимъ — мужичина, вотъ этакой, усищи съ аршинъ, глаза, какъ рѣшеты, руки — что твои грабли, сила такая, что вотъ возметъ тебя на ладонь, да другой пристукнетъ такъ только мокренько будетъ....

СОБИНИНЪ.

О! еслибы онъ мнѣ попался! Счастливъ его Богъ, что онъ ушелъ!

ХОРУНЖІЙ (тихо).

О! санктусъ сантиссима — діесъ ире — ексъ профундисъ — мизерере, мизерере!

СОБИНИНЪ

Ба! да, это чья сабля? Чьи это пистоли? Онъ, видно, здѣсь остался!

КРЕСТЬЯНЕ.

Гдѣ онъ? Гдѣ онъ?

СОЛОМОНИДА.

Стой, православные! Вотъ онъ, злодѣй, вотъ онъ! Ахъ! ты разбойникъ! Вылѣзай-ка сюда!

ХОРУНЖІЙ (на колѣняхъ).

Люди добрые! помилосердуйте!

СОЛОМОНИДА.

А! помилосердуйте! Нѣтъ! Давича ты заставилъ меня пѣть, такъ попляши-ка теперь подъ мою дудку! (тащитъ его).

СОБИНИНЪ.

Говори: гдѣ вы дѣвали нашего старика?

СОЛОМОНИДА (схватывая пистолеты).

Говори! Вотъ я тебя, разбойника!

ХОРУНЖІЙ.

Матушка! что ты, что ты! Не трогай: вѣдь они заряжены!

СОЛОМОНИДА (роняетъ пистолеты).

Ай, ай! Побери ихъ, некошной!

СОБИНИНЪ.

Говори, храбрый воинъ!

ХОРУНЖІЙ.

Все скажу, все скажу, только не погубите! Старикъ вашъ взялся проводить нашъ отрядъ въ село Домнино...

СОБИНИНЪ.

Въ Домнино? Зачѣмъ?

ХОРУНЖІЙ.

Да, такъ...

СОБИНИНЪ (беретъ саблю его).

Ты не хочешь сказать!

ХОРУНЖІЙ.

Ай, ай! Скажу, скажу! Намъ велѣно, живаго или мертваго достать боярина вашего Михаила Романова.

ВСѢ.

Нашего боярина!

ХОРУНЖІЙ.

И старикъ взялся провести насъ окольною дорогою, черезъ лѣсъ...

СОБИНИНЪ.

Лжешь ты, окаянный! Чтобы Сусанинъ на старости продалъ душу...

ХОРУНЖІЙ.

Ей такъ!

ПАФНУТІЙ.

Стойте, братцы: чуть ли не правда!

АНТОНИДА.

Чтобы мой отецъ....

ПАФНУТІЙ

Вы говорили, что проѣзжій Томило Тарутинъ и вашъ Гаврюша пропали? А вѣдь я ихъ видѣлъ: они вмѣстѣ отправились; я еще и спросилъ: «куда это вы?» а Гаврюша-то мнѣ сказалъ: «Дѣдушка велѣлъ мнѣ проводить нашего гостя въ Домнино.» — Они и поѣхали по большой дорогѣ.... погнали въ хвостъ и голову....

СОЛОМОНИДА.

Такъ чтожъ ты не говорилъ?

ПАФНУТІЙ.

До того мнѣ было! Только теперъ и вспомнилъ! А вѣдь ихъ-то онъ взялся проводить черезъ лѣсъ, а вы знаете, тутъ и дороги нѣтъ! Такъ онъ заведетъ ихъ въ трущобу, пока Томило подастъ вѣсть...

СОБИНИНЪ.

Старецъ благодатный! Такъ, такъ, ясно! Но они убьютъ его, погубятъ!...

АНТОНИДА.

Ахъ! Богданъ! Мой отецъ!

СОБИНИНЪ.

Братья! ужели выдадимъ старика? Пойдемъ — перевяжемъ, перекрутимъ пьяныхъ бездѣльниковъ и съ ихъ оружіемъ поспѣшимъ за ними — исхитимъ его! Дадимъ вѣсть въ Кострому!

ВСѢ.

Пойдемъ, пойдемъ!

СОБИНИНЪ.

Берите его!

ХОРУНЖІЙ.

Милосердіе!

СОЛОМОНИДА.

Оставьте его намъ — я съ нимъ управлюсь! Я съ бабами скручу его!

АНТОНИДА.

Богданъ! Куда ты!

СОБИНИНЪ.

Неужели тебѣ не дорога жизнь отца?

(Антонида бросается къ нему въ объятія со слезами).

ДѢЙСТВІЕ II.

Дремучій лѣсъ. Вдали, сквозь туманы утра, едва видны золотыя главы Костромскія; впереди сидятъ Польскіе воины и грѣются около огня. Сусанинъ среди нихъ, и видно, что онъ съ жаромъ говоритъ съ ними. Капитанъ сидитъ въ сторонѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАПИТАНЪ, СУСАНИНЪ И ВОИНЫ.

КАПИТАНЪ.

Онъ такъ спокойно и откровенно говоритъ съ ними. Не можетъ быть, чтобы онъ измѣнялъ! Да и какъ ему измѣнять, если онъ въ нашихъ рукахъ? При первомъ подозрѣніи онъ будетъ уничтоженъ. Нѣтъ — жизнь всякому дороже всего. Онъ, точно, заблудился и самъ не знаетъ, куда попалъ... Но какая досада! Не будь такая гадкая погода, мы давно были бы на мѣстѣ и награда была бы моя!

Проклятые лѣса! По неволѣ повѣришь, что въ нихъ живутъ бѣсы, да лѣшіе...

СУСАНИНЪ (разговаривая).

Нѣтъ! я вамъ скажу, люди добрые, такъ вотъ были чудеса, какъ мой кумъ Мирошка ѣхалъ черезъ этотъ лѣсъ; былъ онъ, знаете, что называется, по Русски, самъ-другъ, то есть, на-веселѣ. Вотъ пировалъ тутъ у сосѣда, въ деревнѣ Филькиной; посидѣли, попили — поѣхалъ нашъ Мирошка; въѣхалъ онъ въ лѣсъ — ѣдетъ, ѣдетъ... все лѣсъ, да лѣсъ! Ѣдетъ, ѣдетъ опять... лѣсъ, да лѣсъ! Что? Аль холодно? Эхъ! паны! Еще молодцы такіе, а съ Русскимъ морозомъ справиться не можете! Да выпейте — согрѣетесь! Вы съ собой таки позахватили дорожнаго веселья... (въ сторону) Пейте, псы жадные! Тѣмъ скорѣе замерзнете!

КАПИТАНЪ.

Эй! старикъ!

СУСАНИНЪ (униженно).

Что, батюшка, панъ ротмистръ, что прикажете?

КАПИТАНЪ.

Ну, не пора ли намъ въ путь? Разглядѣлъ ли ты дорогу?

СУСАНИНЪ.

Кажись, разглядѣлъ — видишь, все такая мятель была — зги было не видать, а вотъ теперь... (въ сторону) Тутъ прямо дорога въ городъ — я повожу васъ еще по лѣсу, а какъ разсвѣнетъ, руками сдамъ васъ Костромскому воеводѣ, окаянныхъ...

КАПИТАНЪ.

Слушай старикъ! Если ты меня обманываешь — помни уговоръ: я осыплю тебя золотомъ, не только серебромъ...

СУСАНИНЪ (тихо).

Изъ грабленаго!

КАПИТАНЪ.

Раздѣлю съ тобою награду...

СУСАНИНЪ (тихо).

За кровь!

КАПИТАНЪ.

Но если ты измѣнишь — пуля въ пистолетѣ моемъ не замерзла!

СУСАНИНЪ.

Эхъ! панъ! Что ты все такъ шероховато баешь! Измѣнишь, измѣнишь! Вотъ то-то, видно, не съ молитвой ты въ дорогу пустился, такъ и вышла бѣда!

КАПИТАНЪ (смѣясь).

А надобно было молиться?

СУСАНИНЪ.

Да, надобно, принимаясь за всякое дѣло, прежде помолиться, такъ и благословитъ Богъ успѣхомъ! Вѣдь и самая жизнь-то человѣческая... Кто знаетъ смертный часъ? Горе тому, кто не готовъ къ нему каждую минуту!

КАПИТАНЪ (содрогаясь).

Что ты бредишь!

СУСАНИНЪ.

Ахти! что я и въ самомъ дѣлѣ — Богъ вѣ-

дастъ, надобно ли было намъ съ тобой молиться, когда мы пускались сюда въ дорогу... Согрѣшилъ и я, окаянный: попутало меня твое обѣщанье... Да, ужь такъ и быть! Авось послѣ отмолюсь...

КАПИТАНЪ.

Ну, далеко ли еще Доминино?

СУСАНИНЪ.

Должно быть, оно, вотъ тутъ. Отъ этой сосны, вонъ, что тамъ, кажется, его ужь и видно.... Хватили мы верстъ пятокъ лишнихъ... Право, тутъ было не даровое...

КАПИТАНЪ.

Ну, вотъ и свѣтаетъ! Не встрѣтиться бы намъ съ Рускими?

СУСАНИНЪ.

А откуда они возмутся? Нѣтъ! теперь и собаки изъ дома не выгонишь...

КАПИТАНЪ (воинамъ).

Эй! вставай! Въ путь!

(Воины подымаются).

КАПИТАНЪ.

Не отставать! Ну, живѣе!

СУСАНИНЪ.

Пойдемъ-те, добрые паны! Вотъ ужь, кажется, и солнышко скоро взойдетъ надъ лѣсами — Теперь... ахти! да я и не распозналъ... Это три сосны — ну, панъ, поздравляю: мы черезъ полчаса въ Домнинѣ — теперь я все разсмотрѣлъ! Что мнѣ глаза заслѣпляло до сихъ поръ! Эка ты притча — пойдемъ-те!

(всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Сцена пустая. Слышны голоса, которые перекликаются. Потомъ выходятъ, одинъ за другимъ, СОБИНИНЪ, ПАФНУТІЙ и КРЕСТЬЯНЕ. (Свѣтаетъ).

СОБИНИНЪ.

Слѣдъ сюда велъ. Ба! что это? Да, вотъ

тутъ и огонь былъ разведенъ! Они вѣрно были здѣсь! Этакъ они плутали по лѣсу! Онъ ихъ обвелъ круговиной на Костромскую дорогу; они должны быть недалеко. Боюсь подать голосъ.

ПАФНУТІЙ.

Ау!

СОБИНИНЪ (откликаясь).

Ау!

ПАФНУТІЙ.

Ты здѣсь, Богданушка? Что, видно, не сыскать намъ злодѣевъ нашихъ! Слѣды замело вьюгою.... Что-то нашъ старикъ Сусанинъ! Живъ ли то онъ! Не уходили ль они его, окаянные! Охъ! только добраться бы намъ до нихъ!

СОБИНИНЪ.

Видишь: они были здѣсь; вотъ еще и дрова курятся!

ПАФНУТІЙ.

Да, да, такъ, сосѣдушка! Кому быть кромѣ

нихъ? Скликать же ребятъ-то нашихъ; нашли слѣдъ волчій! Авось удастся еще исхитить изъ рукъ нечестивыхъ нашего старика... Что ты задумался?

СОБИНИНЪ.

Да, такъ — и самъ ума не приложу! Пустились мы съ горяча, а какъ теперь разведу думой, такъ и умъ за разумъ заходитъ!

ПАФНУТІЙ.

А что такое?

СОБИНИНЪ.

Смѣлости-то у насъ на нихъ достанетъ, но какъ намъ облавить ихъ, такъ, чтобы не погубить моего родимаго?

ПАФНУТІЙ.

Да! какъ бы не погубить!

СОБИНИНЪ.

Самъ Богъ велъ насъ здѣсь по снѣжнымъ пустынямъ; мы теряли и опять находили слѣды — вотъ, они гдѣ нибудь близко; вьюга ути-

хла; слѣдъ свѣжъ... Надобно окружить ихъ въ расплохъ... Пойдемъ! Помоги намъ, Господи! Теперь свѣтло...

(они скрываются въ лѣсу).

→·←

ЯВЛЕНІЕ 3.

КАПИТАНЪ, СУСАНИНЪ И ВОИНЫ.

(Выходятъ съ противной стороны).

КАПИТАНЪ.

Что это такое? Мы, кажется, опять на томъ же мѣстѣ, откуда пошли...

СУСАНИНЪ (въ сторону).

Или мнѣ послышалось: казалось, будто въ лѣсу аукались — Русскіе, знакомые голоса!

КАПИТАНЪ.

Слушай, старикъ!

СУСАНИНЪ.

Что, панъ милостивый?

КАПИТАНЪ.

Панъ милостивый! Ты либо одурѣлъ, либо мошенничаешь!

СУСАНИНЪ.

Избави Господи перваго, а втораго-то кажись, нѣтъ!

КАПИТАНЪ.

Я слышалъ голоса въ лѣсу.

СУСАНИНЪ.

Хе, хе, хе! Видно тебѣ послышалось — не откликайся на этакой голосъ: какъ разъ заведетъ тебя въ такую трущобу, что и косточекъ твоихъ не сыщутъ во вѣки вѣковъ!

КАПИТАНЪ.

Что ты болтаешь, старая ты собака! Оглянись-ка: вѣдь ты опять привелъ насъ на прежнее мѣсто...

СУСАНИНЪ.

Ну, видно, ему блажному, сегодня кутить была сильная охота, а кажись, не святочныя ночи! Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ... мы опять туда же пришли.

КАПИТАНЪ.

Говори: что теперь дѣлать?

СУСАНИНЪ.

Что дѣлать?

ПАФНУТІЙ (за кулисами).

Ау! Богданъ!

СУСАНИНЪ.

Голосъ православныхъ!

СОБИНИНЪ (за кулисами).

Ау! Пафнутій!

КАПИТАНЪ.

Это Рускіе!

СУСАНИНЪ (усмѣхаясь).

Чуть ли не такъ, панъ милостивый! Теперь

ужь видно осталось подождать ихъ, да спросить у нихъ о дорогѣ.

КАПИТАНЪ.

Какъ? Да ты говорилъ, что тутъ недалеко до Домнина?

СУСАНИНЪ.

Мало ли что говорится! До Домнина отсюда близко, а еще ближе къ Костромѣ — вотъ тутъ, направо, такая прямая дорога! Пойдемъ-ка лучше туда! Вѣдь на Руском морозѣ долго ли: околѣешь, какъ собака!

КАПИТАНЪ.

Какъ, бездѣльникъ?

СОБИНИНЪ И ПАФНУТІЙ.

Ау! Ау!

СУСАНИНЪ (вдругъ громко откликается).

Сюда, ребята! Здѣсь! Ау!

ВОИНЫ (выхватывая сабли).

Измѣна! Измѣна!

КАПИТАНЪ (невольно пугаясь).

Онъ казался такимъ смиреннымъ — еле шевелился, а какъ теперь онъ ожилъ! Проклятый старичишка!

СУСАНИНЪ.

Ожилъ — да, согрѣла меня радостная вѣсть что близко родные, православные, что они выведутъ насъ на дорогу и доведутъ къ Костромскому воеводѣ!

КАПИТАНЪ.

Измѣнникъ!... Но какъ, куда идти? Ты обманулъ насъ!

СУСАНИНЪ (забываясь).

Сами вы себя обманули, когда подумали, чтобы я, Рускій, повелъ васъ въ гнѣздо голубя невиннаго, предалъ вамъ отрасль царскую...

КАПИТАНЪ.

Осмотрѣть пистолеты! Смерть измѣннику!

СУСАНИНЪ.

Мнѣ? Пожалуй! Да, разсуди, что тебѣ-то

будетъ прибыли? Какъ ты самъ-то отсюда уйдешь? Вы окружены! (за кулисами слышны голоса). Слышишь!

КАПИТАНЪ.

Не пускайте его! Голова его — спасенье наше!

СУСАНИНЪ (смѣло).

Не спасетъ она васъ — пожалуй возми ее; Она сослужила свою службу, а старымъ костямъ моимъ давно пора на покой!

КАПИТАНЪ (съ яростiю).

Рубите его!

(Воины устремляются на Сусанина. Онъ схватываетъ огромную дубину и воины отступаютъ отъ ея взмаха).

СУСАНИНЪ.

А! не разучилась еще стариковская рука моя бить супостатовъ! (громко). Ау! Сюда, сюда! Они здѣсь!

КАПИТАНЪ.

Гибни, злодѣй! (выхватываетъ пистолетъ и направляетъ въ Сусанина; пистолетъ осѣкается).

СУСАНИНЪ (презрительно):

Что? Видно пуля примерзла?

КАПИТАНЪ.

Бейте его!

(Воины устремляются).

СУСАНИНЪ.

Достало бы еще у меня силы управиться съ твоими выморозками и уложить изъ нихъ полдесятка... (бросаетъ дубину). Не замараю честнаго подвига нечистою ихъ кровью! Достанетъ ли у тебя силы убить безоружнаго? Умертвите меня!

(Всѣ въ изумленіи).

СУСАНИНЪ.

Что стали? Такъ знайте же, что ужь давно послалъ я въ Домнино вѣсть и Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ теперь ужь въ Костромѣ — спасенъ отъ вашихъ рукъ! (Слышенъ отдаленный благовѣстъ) Слышишь! (съ восторгомъ) Вотъ она, вѣсть его спасенія, которую даетъ намъ Церковь Православная... Что стало со

мною?... Сонъ мой вѣщій!... Уцѣлѣлъ, ты, орелъ мой юный!... Тебя ли я вижу, Михаилъ? Ты въ вѣнцѣ прародительскомъ; окрестъ тебя тысячи — попраны враги — синклитъ встрѣчаетъ тебя!... Туда, туда, во срѣтенье ему! Михаилъ спасенъ вѣрнымъ рабомъ его! (спѣшитъ на право).

КАПИТАНЪ.

Держите его! Стрѣляй! Не пускай его!

(Воины устремляются за Сусанинымъ; слышны выстрѣлы и голосъ Сусанина).

СУСАНИНЪ (за кулисами).

Михаилъ спасенъ!

ЯВЛЕНІЕ 4.

КАПИТАНЪ (Одинъ).

Проклятый измѣнникъ!... Ахъ!... измѣнникъ ли онъ? Сабля рыцарская! достоинъ ли я носить тебя! Зачѣмъ я умертвилъ его? Спасти, спасти его!

